

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ

Периодический научный сборник

2016 № 2-4
ISSN 2413-0869

ПО МАТЕРИАЛАМ
XI МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
Г. БЕЛГОРОД, 29 ФЕВРАЛЯ 2016 Г.

АГЕНТСТВО ПЕРСПЕКТИВНЫХ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
(АПНИ)

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ

2016 • № 2-4

Периодический научный сборник

*по материалам
XI Международной научно-практической конференции
г. Белгород, 29 февраля 2016 г.*

ISSN 2413-0869

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ

2016 • № 2-4

Периодический научный сборник

Выходит 12 раз в год

Учредитель и издатель:

ИП Ткачева Екатерина Петровна

Главный редактор: Ткачева Е.П.

Адрес редакции: 308000, г. Белгород, Народный бульвар, 70а

Телефон: +7 (919) 222 96 60

Официальный сайт: issledo.ru

E-mail: mail@issledo.ru

Информация об опубликованных статьях предоставляется в систему **Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)** по договору № 301-05/2015 от 13.05.2015 г.

Материалы публикуются в авторской редакции. За содержание и достоверность статей ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов статей. При использовании и заимствовании материалов ссылка на издание обязательна.

Электронная версия сборника находится в свободном доступе на сайте: **www.issledo.ru**

По материалам XI Международной научно-практической конференции «Современные тенденции развития науки и технологий» (г. Белгород, 29 февраля 2016 г.).

Редакционная коллегия

Духно Николай Алексеевич, директор юридического института МИИТ, доктор юридических наук, профессор

Васильев Федор Петрович, профессор МИИТ, доктор юридических наук, доцент, чл. Российской академии юридических наук (РАЮН)

Тихомирова Евгения Ивановна, профессор кафедры педагогики и психологии Самарского государственного социально-педагогического университета, доктор педагогических наук, профессор, академик МААН, академик РАЕ, Почётный работник ВПО РФ
Алиев Закир Гусейн оглы, Институт эрозии и орошения НАН Азербайджанской республики к.с.-х.н., с.н.с., доцент

Стариков Никита Витальевич, директор научно-исследовательского центра трансфера социокультурных технологий Белгородского государственного института искусств и культуры, кандидат социологических наук

Ткачев Александр Анатольевич, доцент кафедры социальных технологий НИУ «БелГУ», кандидат социологических наук

Шаповал Жанна Александровна, доцент кафедры социальных технологий НИУ «БелГУ», кандидат социологических наук

Трапезников Сергей Викторович, начальник отдела аналитики и прогнозирования Института региональной кадровой политики (г. Белгород)

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ «ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ»	6
<i>Davaabold N.</i> ANALYSIS MADE ON POLITICAL METAPHORS EXPRESSED BY FOREIGN WORDS	6
<i>Davaabold N.</i> COGNITIVE EXPLANATIONS OF POLITICAL METAPHORS RELATED TO MONGOLIAN LIFESTYLE AND LIVESTOCK FARMING.....	8
<i>Азаренко Н.А.</i> КОГНИТИВНАЯ МЕТАФОРА КАК СПОСОБ ИЗУЧЕНИЯ ИДИОЛЕКТА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО	10
<i>Ахметшина Л.В.</i> КЛАССИФИКАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЛЕКСИКИ В АНГЛИЙСКОМ, РУССКОМ И ТАТАРСКОМ ЯЗЫКАХ	12
<i>Барова А.Г.</i> АВТОРСКИЙ МИФ («PRIVATMYTHOS») В ТВОРЧЕСТВЕ ЭЛИАСА КАНЕТТИ.....	15
<i>Блинова М.П., Подольяк Е.А.</i> ХРОНОТОП В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЭДГАРА ПО И СТИВЕНА КИНГА	18
<i>Веденяпина Э.А.</i> А.С. ПУШКИН. ПРОРОК ИЛИ ЭХО?	22
<i>Власко Н.К.</i> «ЛОЖНЫЕ ДРУЗЬЯ ПЕРЕВОДЧИКА» В ПРАКТИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ	26
<i>Говенько А.М.</i> О МЕТАФОРЕ В АНГЛИЙСКОЙ ПОЭЗИИ	29
<i>Долгополова А.А.</i> МЕТОДИКА ПЕРЕВОДА ТЕХНИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ ПО ГОРНОМУ ДЕЛУ).....	32
<i>Долженков В.Н.</i> ИНТЕРАКТИВНЫЙ ХАРАКТЕР РЕЧЕВОГО ОБЩЕНИЯ.....	35
<i>Идразова Э.С-А.</i> НАЗВАНИЯ, СВЯЗАННЫЕ СО СМЕРТЬЮ В ЧЕЧЕНСКИХ НАРОДНЫХ СКАЗКАХ	37
<i>Идразова Э.С-А.</i> ТЕРМИНЫ ПРИВЕТСТВИЯ, ВСТРЕЧАЮЩИЕСЯ В ЧЕЧЕНСКИХ НАРОДНЫХ СКАЗКАХ	39
<i>Кильсенбаева А.А., Саттарова Р.В.</i> GENDER FEATURES OF CONTEMPORARY BRITISH ADVERTISING DISCOURSE	41
<i>Лызлов А.И.</i> ОБРАЗ БЕДНОГО ЧЕЛОВЕКА В КОМПАРАТИВНЫХ ПАРЕМИЯХ АНГЛИЙСКОГО И НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА	44
<i>Ненарокова М.Р.</i> ОБРАЗ МУДРОЙ ДЕВЫ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЛАТИНСКОЙ ГИМНОГРАФИИ: СВ.ЕКАТЕРИНА АЛЕКСАНДРИЙСКАЯ.....	48
<i>Нордод Б.</i> ВЫРАЖЕНИЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ЭЛЕМЕНТА СОСТОЯНИЯ	53
<i>Охотина Н.В.</i> ОБУЧЕНИЕ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ В ПРОЦЕССЕ НАГЛЯДНО-ИГРОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	55
<i>Паревская И.С., Волошина А.М., Енгоян Э.А.</i> ВНЕШНЯЯ И ВНУТРЕННЯЯ ИНТЕГРАЦИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ: СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕТОДОЛОГИИ НАУКИ О ЯЗЫКЕ И УТВЕРЖДЕНИЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИЗЫСКАНИЙ.....	60
<i>Просекова О.Е.</i> МОДЕЛИ ОБРАЗОВАНИЯ МНОГОКОМПОНЕНТНЫХ ТЕРМИНОВ В АНГЛИЙСКОЙ ТЕРМИНОСИСТЕМЕ ФИЗИЧЕСКОЙ ХИМИИ.....	68
<i>Салимова Г.Н.</i> НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ НЕВЕРБАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ АНГЛИЙСКОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ	72

<i>Саттарова Р.В.</i> MANIPULATION IN DISCOURSE OF POWER.....	74
<i>Скворцов К.В.</i> СОВРЕМЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ОБУЧЕНИЕ БИЛИНГВОВ. ОСОБЕННОСТИ ДЕТЕЙ-БИЛИНГВОВ КАК СУБЪЕКТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	77
<i>Сухорукова Ю.С.</i> АНИМАЛИСТИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОМ ОТОБРАЖЕНИИ ЭМОЦИЙ (НА ПРИМЕРЕ ФРАНЦУЗСКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ).....	83
<i>Холодкова Ю.В., Крехтунова Е.В.</i> «ПЕСНЯ О РУБАШКЕ» ТОМАСА ГУДА В ТВОРЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ Э.Г. БАГРИЦКОГО	87
<i>Чиронов С.В.</i> СЕНТЕНЦИАЛЬНЫЕ АДВЕРБИАЛЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ ХАРАКТЕРИСТИКИ ВЫСКАЗЫВАНИЯ В ЯПОНСКОМ ЯЗЫКЕ.....	91
СЕКЦИЯ «ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ»	98
<i>Аверьянов А.В.</i> ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ НА ЮГЕ РСФСР В 1920-1930-е гг.: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ.....	98
<i>Денисов М.Е.</i> МОСКОВСКОЕ ДУХОВЕНСТВО В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННЫЕ ГОДЫ: СЛУЖЕНИЕ В ЦЕРКВАХ И РАБОТА В СОВЕТСКИХ УЧРЕЖДЕНИЯХ.....	100
<i>Ершова Т.В.</i> К ВОПРОСУ О ВОССТАНОВЛЕНИИ ЭВАКУИРОВАННЫХ ИЗ ЗАПАДНЫХ РАЙОНОВ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ В МОСКВЕ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ.....	103
<i>Жуйкова Т.Н.</i> ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ МОЛОДЕЖИ НА ОСНОВЕ ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ.....	107
<i>Касимова Х.А.</i> ТУРКМАНЧАЙСКИЙ ДОГОВОР 1828 г. И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ	110
<i>Крупская С.Ю.</i> ЕВРОПЕЙСКИЕ РЕГИОНАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1930-х гг. И НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ПРОПАГАНДА	113
<i>Мутиева О.С.</i> СУДЬБЫ НАШИХ СООТЕЧЕСТВЕННИЦ: ДЖЕННЕТ ДАЛГАТ – ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА-ГОРЯНКА В СИСТЕМЕ ЖЕНСКОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО МУЗЫКАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ДАГЕСТАНА	116
<i>Муцалханов М.С.</i> ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВЛАСТНЫХ СТРУКТУР ДАГЕСТАНА ПО ПРИВЛЕЧЕНИЮ ШКОЛЬНИКОВ К СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫМ РАБОТАМ В НАЧАЛЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (22 ИЮНЯ – 31 АВГУСТА 1941 ГОДА)	119
<i>Сумарокова О.Л.</i> ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И «РУСИФИКАЦИИ»: К ВОПРОСУ О МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ	122
<i>Токаева А.Б.</i> ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (НА МАТЕРИАЛАХ РСО-АЛАНИЯ).....	128
<i>Щукина Т.В., Тучемская П.О.</i> ЛЕТОПИСНЫЕ ШКОЛЫ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ РУСИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ.....	130
<i>Яркина О.Э., Заец Д.В.</i> НОРМАНСКАЯ ТЕОРИЯ И ЕЕ ОЦЕНКИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ	132
СЕКЦИЯ «ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ».....	135
<i>Заец Д.В.</i> ОТЛИЧИЯ КАТОЛИКОВ ОТ ПРОТЕСТАНТОВ	135

Исаев А.А. ЭСТЕТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЦВЕТОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ИСКУССТВА	137
Карманенко Т.А. ОСНОВЫ КОМПОЗИЦИОННОГО ПОСТРОЕНИЯ ЖИТИЙНЫХ СЮЖЕТОВ ИКОНОПИСИ, МОНУМЕНТАЛЬНОЙ ЖИВОПИСИ И МИНИАТЮРЫ	139
Кулаков В.В. КОМПОЗИЦИОННО-СМЫСЛОВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ИЗОБРАЖЕНИЙ НАТЮРМОРТОВ В МИНИАТЮРАХ СРЕДНЕЙ АЗИИ XV ВЕКА	142
Сидорова М.С. МУЗЕЙ КАК ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПЛОЩАДКА	144
Яркина О.Э. РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРОТИВОСТОЯНИЯ: ИСЛАМ ПРОТИВ ХРИСТИАНСТВА	146

**ANALYSIS MADE ON POLITICAL METAPHORS EXPRESSED
BY FOREIGN WORDS**

Davaabold N.

Instructor at European Languages Department, Doctoral student in linguistics,
Khovd State University, Mongolia, Khovd

In this paper, we have made some analysis on political metaphors which are foreign words collected from the daily press in Mongolia and we defined their frequencies. The words show and visa have the highest frequency of the usage.

Key words: Political metaphor, foreign words, show, frequency.

Recent years have witnessed an explosion of interest in the phenomenon of metaphor on the part of literacy critics, linguists, anthropologists, psychologists and philosophers. The reverberations have inevitably been felt in political studies. There is now a small but respected literature on ‘political metaphor’ and even the casual student will have noticed a new awareness of the problems and potential of metaphorical utterances in many areas of the discipline [5:32].

The metaphors are developed widely recent time and they get more scientists’ attention. However this field was not studied well in Mongolian, scientists studied metaphors of Russian and English languages deeply on the level of linguistics [3].

In this article, we have chosen political metaphors out of more than 300 metaphors which were collected from Mongolian daily press. These are the foreign words and expressions which show one of the highest frequencies. For example:

1. The president also stirs it up and “have a show” exemplary [Daily press “Today”, 2013. 02 №040].

2. But the work has to be done by the government which supported the “lobby” project is inordinate [Daily press “Today” 2013, 01 №024].

3. “The message” ‘democratic party breaks the law’ was sent [Daily press “Today” 2013, 01 №005].

4. Now there is a new “Fashion trend” which prime minister and other ministers go to the different places to give gifts to the children when the holiday New Year comes [Daily press “Today” 2012, 12 №300].

5. Democratic Party is a big “brand” itself. [Daily press “Today” 2011, 06 №150]

6. 68 members participated in the meeting of establishing the Party Committee. Not a few members of them are revolutionary “partisans” of Arkhangai province [Daily press “Today” 2008, 01 № 013].

Foreign words and expressions collected from the daily press “Today”

Nu	Words and expressions	Total (33)	Percent
1	Show, to have a show	13	39.3
2	To lobby	2	6
3	Syndrome	3	9
4	Message	2	6
5	Brand	2	6
6	Fashion trend	2	6
7	Partisan	1	3
8	Visa	9	27

In this table, we have shown metaphors frequency from foreign languages. The table shows the words *show*, *visa* have the highest frequencies. Recently, words from foreign language are used straightly in the Mongolian language because of the globalization and the loss of Mongolian language principle, standard and stability. We see that foreign words come into another language according to the social development and its situation. That is why the words *show*, *visa* are used so frequently in the modern press language. These 2 words are used very commonly between modern generations in Mongolia. Also, people are tending to study and work in a foreign country related to this the word *visa* is used very frequently.

Conclusion

In this research, we have studied political metaphors, its expressions and its formation collecting about 300 metaphors from the modern press in Mongolia which are very common.

One of the ways of vocabulary enrichment of the language is borrowing from another language. We could conclude that this method also takes a big role in political Metaphors very actively. With them the foreign words *show* (39.3%), *visa* (27%) have the highest frequency in modern press language. Also, we are concluding that foreign words and expression come into another language because of the globalization and society situation and development.

There is a big probability to understand the politics easily when journalists use metaphors which are very famous for Mongolian people.

References

1. Batchuluun.D Introduction to Linguistics UB., 2005
2. Byambadorj.B Stylistics of modern Mongolian language UB., 2012
3. Nansalmaa.N Political metaphors of modern press Article UB., 2012
4. Daily press Today UB., 2011, 2012, 2013
5. Daily press A century news., UB., 2013
6. Rayner, J. Between Meaning and Event: A Historical Approach to Political Metaphors. Political Studies, 32: 537–550.

COGNITIVE EXPLANATIONS OF POLITICAL METAPHORS RELATED TO MONGOLIAN LIFESTYLE AND LIVESTOCK FARMING

Davaabold N.

Instructor at European Languages Department, Doctoral student in linguistics,
Khovd State University, Mongolia, Khovd

We have made some analysis of about 300 political metaphors of the modern press language and we noticed that so many unrelated words and expressions are used to create political metaphors. So we worked to define what kind of expressions is mostly used to create them in Mongolian language and we aimed to explain them with cognitive linguistics theory.

Key words: Politics, Mongolian lifestyle, livestock farming, cognitive linguistics, create, object.

Metaphors are being not only on the attention of the scientists but also an interesting research object for many centuries after ancient Greece and Roman philosophers were interested in usages of them. However, the linguistics studied the metaphors and usages of them in many ways and solved a lot of problems about them the new ways approached the metaphor are being appeared according to the activities happening in the society of the country. Also, this kind of metaphors always helps to create new words [5:27].

We have collected about 300 political metaphors from the daily press in order to study them deeply. We could see that these metaphors are formed from many different of types of words and expressions which are completely not about politics. In this article we chose and made some cognitive explanations of the words and expressions about Mongolian lifestyle and livestock farming. For example:

1. That was a very good step for this time when there is no person who cannot carry the ***“whip”***. [Daily press “Today” 2013, 02 №038]

2. Nicolas Anastasia from Conservative party is leading in a ***“long distance racing”*** by 15 percent higher than his strongest competitive Stavros Mal. [Daily press “Today” 2013, 02 №038]

3. They also participated in an election separately from the Mongolian revolutionary party of the people, which is their ***“blood relative”***. [Daily press “Today” 2013, 02 №038]

4. There is no sanction to ***“spancel”*** the outcomes in the investment contract of Oyu Tolgoi project [Daily press “Today” 2013, 02 №038].

5. Today’s presses are predicting Mongolian party of the people and Mongolian revolutionary party of the people will cooperate with a president ***“horse clattering”*** [election] [Daily press “Today” 2013, 02 №042].

6. Minister Erdene.S is ***“winning the second place (used for horse racing)”*** between ministers with his work have done and their results [Daily press “Today” 2012, 11 №277].

In table, we have shown frequency of the words and expressions related to Mongolian lifestyle and livestock farming. There are 85 words and expressions out of more than 300 expressions.

Table

Words and expressions related to Mongolian lifestyle and livestock farming

Nu	Words and expressions	Total (85)	Percent
1	Whip, to whip	7	8.2
2	Long distance racing	14	16.4
3	Blood relative	5	5.8
4	Spancel	4	4.7
5	Horse clattering	1	1.1
6	Heir Dom	2	2.3
7	To be able to carry a load	1	1.1
8	To lead camel with halter	1	1.1
9	To win the second place (Used for horse racing)	2	2.3
10	Horse dung collector	1	1.1
11	To lose (Used for horse racing)	1	1.1
12	Badged	1	1.1
13	To move the house	1	1.1
14	To bridle a horse	3	3.5
15	A cow which gives milk	2	2.3
16	To tie the feet (for horses and cows)	4	4.7
17	to train a horse for race keeping under a special regimen	10	11.7
18	Open the meat reserved for the spring	6	7
19	To have something landed	1	1.1
20	To acclimate	1	1.1
21	Jamb of the ger	1	1.1
22	Smell of burnt skin and oil	1	1.1
24	Position of honor in a ger	1	1.1
25	Horse which did not race before	2	2.3
26	To race (For only horse)	2	2.3
27	Mark (For only livestock)	1	1.1
28	2-year-old male calf	1	1.1
29	Horses	2	2.3
30	To win the first place (For horse racing only)	1	1.1

It is clear that the words and expressions *“long distance race”, “to train a horse for race keeping under a special regimen”, “Whip, to whip”* are showing the highest frequency in the language of the modern daily press. If we make some cognitive explanation about them it is connected with the Mongolian everyday lifestyle, livestock farming and nomadic life. The above expressions which show the highest frequency are all about horses and horse farming. Mongolians used horses from the ancient time and they play still the biggest role in Mongolians heart.

Conclusion

We could say it is a law that activities, changes and reform happening in the society and country impact the language to create new vocabulary and expressions. We have studied political metaphors from daily press and chose and explained the political metaphors which had the highest frequency in the press language.

The words and expressions only used for a horse which are *long distance racing* 16.2%, *to train a horse for race keeping under a special regimen* 11.7%, *whip* 8.2% are the most commonly used in the branch of Words and expressions related to Mongolian lifestyle and livestock farming. We can explain this fact Mongolians use horses for their everyday life from the ancient time until the present. This tradition is still kept in the heart of every Mongolian.

References

1. Batchuluun.D Introduction to Linguistics UB., 2005
2. Byambadorj.B Stylistics of modern Mongolian language UB., 2012
3. Galbaatar.D Literature theory, history and criticism UB., 2012
4. Nansalma.N Political metaphors of modern press Article UB., 2012
5. Unurbayan.Ts Morphology of modern Mongolian language UB., 2004
6. Daily press Today UB., 2011, 2012, 2013

КОГНИТИВНАЯ МЕТАФОРА КАК СПОСОБ ИЗУЧЕНИЯ ИДИОЛЕКТА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

Азаренко Н.А.

доцент кафедры русского языка и литературы, канд. филол. наук, доцент,
Липецкий государственный педагогический университет, Россия, г. Липецк

В статье анализируется языковое представление творческой метафоры Ф.М. Достоевского на материале романа «Идиот». Посредством дешифровки центральной метафоры романа может быть исследована не только православная картина мира Достоевского в целом, но и особенности его идиолекта в частности.

Ключевые слова: когнитивная метафора, метафорическая модель, картина мира.

Метод христологической метафоризации персонажей и пространства, как организующий художественное пространство романов Достоевского, нашел свою реализацию и во втором романе «Великого Пятикнижия», хотя нельзя не отметить некоторую односторонность, или, другими словами, схематичность, романа «Идиот», посвященного фактически одной линии, одной метафоре – метафоре Христа, все другие образы служат лишь фоном, на котором действует и мыслит единственный «христоликий» [3] персонаж романа. В целом можно сказать, что поэтику романа «Идиот» можно определить как поэтику триалога христоподобного человека.

Подобная однолинейность романа вызвана многолетним желанием Достоевского создать образ «положительно прекрасного человека», которым для Достоевского был только Христос. Конечно, образ Сони Мармеладовой

явился уже в известной мере выражением положительных идеалов писателя, однако степень духовного развития и трагическое положение Сони делали ее фигуру слишком исключительной, чтобы образ этот мог вобрать в себя положительные идеалы Достоевского во всей их широте [5, с. 174-175].

Итак, князь Лев Мышкин, княжество которого скорее не родословное, а духовное [2, с. 31], несомненно, метафора возлюбленного Достоевским Христа. Область цели («target domain») метафоры [см. об этом: 4] «князь Мышкин есть Христос», например, представляют такие номинирующие князя существительные, как «идиот», «дурачок», «дурак», «юродивый» («*совсем ты, князь, выходил юродивый, и таких, как ты, Бог любит!*» [1, с. 14]); «того» («*ты... того*» [1, с. 179]), «овца» («*И будет каяться! – закричал Рогожин, – будешь стыдиться, Ганька, что такую... овцу...оскорбил!*» [1, с. 99]); «Человек» и некоторые другие.

Существительные «идиот», «дурак», «дурачок» и синонимичное им синтаксически ограниченное функцией сказуемого употребление местоимения «того» имеют тесную связь с литературной традицией, восходящей к средневековью, когда этими именами обычно называли человека не слишком образованного или вообще далекого от «книжной премудрости», но наделенного идеальными чертами и глубокой духовностью.

Чрезвычайно важна для «прочтения» области цели авторской метафоры «князь Мышкин есть Христос» номинация «Человек», вложенная Достоевским в уста Настасьи Филипповны и Ипполита: «*Прощай, князь, в первый раз человека видела!*» [1, с. 148]; «*Сойдите так, я буду смотреть. Я с Человеком прощусь*» [1, с. 348]). Эти реплики по смыслу близки к словам Пилата о Христе: «Се Человек!» [см.: Евангелие от Иоанна, гл. 19, ст. 5], что, на наш взгляд, с одной стороны, доказывает обоснованность определения существительного «человек» в качестве представителя области цели анализируемой метафоры, а с другой – аргументирует правомерность выделения само́й этой метафоры.

Область цели анализируемой метафоры представляют и атрибутивные признаки, такие, как «*добрый*», «*добрейший*», «*честный*», «*хороший*», «*глупенький*», «*смешной*», «*простоватый*», «*простодушный*», «*искренний*», «*ужасно наивный*», «*самый честный и самый правдивый человек, всех честнее и правдивее*» [1, с. 356] и др.

Как видим, многие признаки выражены Достоевским в своей максимальной реализации, для чего использованы наречия степени и меры (например, «ужасно» в значении «очень сильно») и формы превосходной степени сравнения прилагательных, употребленные в повторе для указания на их абсолютность.

Ту же цель выдают и широко используемые для характеристики Мышкина сложноподчиненные предложения с придаточными степени и меры, которые последовательно вербализуют христологическую метафоричность образа Мышкина, также представляя область «нового» анализируемой метафоры. Приведем примеры. Так, генерал Иволгин говорит князю: «*Вы до того добры, до того простодушны, что мне становится даже вас жаль иногда*»

[1, с. 417]; «Взгляд князя был **до того ласков** в эту минуту, а улыбка его **до того без всякого оттенка хотя бы какого-нибудь затаенного неприязненного ощущения**, что генерал вдруг остановился и как-то вдруг другим образом посмотрел на своего гостя; вся перемена взгляда совершилась в одно мгновение» [1, с. 23].

Как видим, область цели анализируемой метафоры представляют языковые единицы разных уровней, позволяя читателю прочесть центральный образ романа в нужном Достоевскому религиозном ключе.

Список литературы

1. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 8. Л., 1972-1990.
2. Ермилова Г.Г. «Князь Христос» и русский религиозный мир // Ф.М. Достоевский и национальная культура. Челябинск, 1994. С. 31-40.
3. Иустин, преподобный (Попович). Достоевский о Европе и славянстве / Вступит. статья Н.К. Симакова; перев. с сербск. Л.Н. Даниленко. М.- СПб, 2002.
4. Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. [Пер. с англ.] – М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
5. Фридлендер Г.М. Реализм Достоевского. М.–Л., 1964.

КЛАССИФИКАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЛЕКСИКИ В АНГЛИЙСКОМ, РУССКОМ И ТАТАРСКОМ ЯЗЫКАХ

Ахметшина Л.В.

канд. филол. наук, доцент, Поволжская государственная академия физической культуры, спорта и туризма, Россия, г. Казань

В статье анализируется классификация международной лексики в английском, русском и татарском языках рассматривается проблема подразделения международных и заимствованных слов в тематические группы. Знание таких групп облегчает изучение иностранного языка за счёт проведения параллелей между разносистемными языками.

Ключевые слова: международные слова, заимствованные слова, классификация международных слов.

Международную лексику в разносистемных языках, в том числе в английском, русском и татарском, в зависимости от ее типологии, генетики и тематики можно сгруппировать в три группы, т.е. в три классификации, а именно в типологическую, генетическую и тематическую классификации международных слов [1, с.54]. Ниже приведена классификация этих интернационализмов, сходства и различия между ними, а также анализ их типов и примеры.

Международную лексику можно классифицировать в несколько тематических групп [4, с.10].

1. Общественно-политические термины: *партия, индустрия, экономика, потенциал; дәүләт, реформа, базис*. Эти термины приспособляются к фонетической, морфологической, лексико-семантической системам этих языков. англ. *party* [pa:ti], *industry* [indvstri], *economics* [economiks], *potential*,

state [steit], *government*, *reform* [ri:fo:m], *basis* [beisiz]; рус. *партия*, *индустрия*, *экономика*, *потенциал*, *государство*, *правительство*, *реформа*, *базис*; тат. *партия*, *индустрия*, *экономика* – *икътисад*, *потенциал*, *дәүләт*, *хөкүмәт*, *реформа*, *базис*.

2. Научно-технические термины:

Рус. *радиатор*, *термометр*, *барометр*, *радиус*, *компенсация*: англ. *radiator* [ˈreɪdiətə], *thermometer* [θe:məmətə], *barometer* [berəmətə], *radius* [reɪdiəs], *compensation* [kʌmpenseɪsən]; тат. *радиатор*, *термометр*, *барометр*, *радиус*, *компенсация* [2, с. 37].

3. Относящиеся к промышленности термины и слова: рус. *фабрика*, *мастер*, *рационализация*, *новатор*; англ. *factory* [ˈfækteri], *master* [mɑ:stə], *rationalization* [rʌtsɪənaɪzɪsən], *innovator* [ɪnəveɪtə]; тат. *фабрика*, *мастер*, *рационализация*, *новатор*.

4. Военная лексика: рус. *генерал*, *солдат*, *танк*, *артиллерия*, *адмирал*, *капитан*, *лейтенант*; англ. *general*, *soldier*, *tank*, *artillery*, *admiral*, *captain*, *lieutenant*; тат. *генерал*, *солдат*, *танк*, *артиллерия*, *адмирал*, *капитан*, *лейтенант*.

5. Термины, относящиеся к культуре: англ. *club*, *chorus*, *orchestra*, *cinema*, *cinematograph*, *producer*, *balletmaster*; рус., тат. *клуб*, *хор*, *оркестр*, *кинотеатр*, *синемаатограф*, *режиссер*, *балетмейстер*.

6. Термины просвещения: англ. *problem situation*, *pedagogical process* [pedagogical prouises], *pedagogy* [pedagodzi], *auditorium*; рус., *проблемная ситуация*, *педагогический процесс*, *педагог*, *педагогика*, *диктант*, *аудитория*, тат. *проблем ситуация*, *педагогик процесс*, *педагог*, *педагогика*, *диктант*, *аудитория*.

7. Спортивные слова и термины: англ. *sport*, *physical culture*, *boxing*, *basketball*, *master*, *training*; рус. *спорт*, *физическая культура* бокс, баскетбол, *мастер*; тат. *спорт*, *физик культура*, бокс, баскетбол, *мастер* – *оста*.

8. Термины торговли: англ. *credit* [kredit], *chek* [tsek], *bank*; рус., тат. *кредит*, *чек*, *банк*.

9. Сельскохозяйственные термины: англ. *agronomist*, *irrigation*, *melioration*; рус., тат. *агроном*, *ирригация*, *мелиорация*.

10. Термины и слова транспорта: англ. *trolleybus*, *tram*, *bus*, *transport*; рус., тат. *троллейбус*, *трамвай*, *автобус*, *транспорт*.

11. Термины космонавтики: англ. *cosmonaut*, *astronaut*, *sputnik* [ˈsputnik], *lunokhod*, *cosmodrome*; рус., тат. *космонавт*, *астронавт*, *спутник*, *луноход*, *космодром*.

12. Медицинские термины: англ. *operation*, *oncology*, *diagnosis*; рус., тат. *операция*, *онкология*, *диагноз*.

13. Юридические термины: англ. *advocate*, *codex*, *amnesty*, рус., тат. *адвокат*, *кодекс*, *амнистия*.

14. Биологические термины: англ. *regime*, *poliogamy*, *avitaminosis*; рус., тат. *режим*, *полигамия*, *авитаминоз*.

15. Физические термины: англ. *vacuum*, *volt*, *ampere*, *electricity*; рус. *вакуум*, *вольт*, *ампер*, *электричество*, тат. *вакуум*, *вольт*, *ампер*, *электр*.

16. Математические термины: англ. *parallel, sinus [sinus], acsioma, modul*; рус. *параллель, синус, аксиома, модуль*; тат. *параллель, синус, аксиома, модуль*.

17. Химические термины: англ. *reaction, sinthes [sintez], analyse [ana-laiz], atom*.

18. Астрономические термины: англ. *astrophysics, photosphera, astrophotometer*; рус., тат. *астрофизика, фотосфера, астрофотометр*.

19. Географические термины: англ. *climate [klaimit], temperature, kilometre, zone*; рус., тат. *климат, температура, километр, зона*.

20. Исторические термины: англ. *formation, revolution [revolusn], reform, evolution [evo'lusn]*; рус., тат. *формация, революция, реформа, эволюция*.

21. Термины литературы: англ. *drama, lyrics [liriks], poetry [peuetri], culmination [kulmi'neisn], tragedy*; рус., тат. *драма, лирика, поэзия, кульминация, трагедия*.

22. Термины логики: англ. *syllogism, thesis, argument, hypothesis*; рус., тат. *силлогизм, тезис, аргумент, гипотеза*.

23. Психологические термины: англ. *temperament [temperement], flegmatic, psychoanalysis*; рус., тат. *темперамент, флегматик, психоанализ*.

24. Философские термины: англ. *abstraction, subjectivism, materialism*; рус., тат. *абстракция, субъективизм, материализм*.

25. Термины политэкономии: англ. *political economy, rentier [rantie]*; рус., тат. *политэкономия, рантие*.

26. Термины лингвистики: англ. *grammar, syntaxis [sintaksis], morphology*; рус., тат. *грамматика, синтаксис, морфология*.

27. Финансовые термины: англ. *book-keeper, credit [kredit], check [tsek]*; рус., тат. *бухгалтер, кредит, чек*.

28. Геологические термины: англ. *geologist, oil, oilprospecting*; рус., тат. *геолог, нефть, нефтеразведка*.

29. Термины искусства: англ. *aria, duet [dju'et], opera, theatre*; рус., тат. *ария, дуэт, опера, театр*.

30. Канцелярские термины: англ. *sekretary, act*; рус., тат. *секретарь, акт*.

Общественно-социальный, и лингвистический факторы при освоении интернационализмов в английском, русском и татарском языках имеют исключительно большое значение при обогащении лексики с помощью международных слов в различных аспектах [3, с.89].

Национальные языки, их лексические пласты обогащаются, в первую очередь, за счет исконно национальных слов, омонимов, синонимов, антонимов, неологизмов, а также при помощи заимствований, иностранных слов и интернационализмов [1, с. 44]. Естественно, лексическая система языков, в том числе английского, русского и татарского, в первую очередь и в больших масштабах, приумножается на национальной почве: появляются новые слова, старые слова получают новые значения и т.д.

Список литературы

1. Акуленко В.В. Вопросы интернационализации словарного состава языка. – Харьков, 1972. – 215 с.
2. Ахунзянов Э.М. Русские заимствования в татарском языке. – Казань: Изд. КГУ, 1968. – 367 с.
3. Крысин И.П. Этапы освоения иноязычного слова// РЯШ,- №2. – С. 89-92.
4. Хайруллин М.Б. Интернациональная терминология в татарском языке. – Казань, 1975. – 23 с.

АВТОРСКИЙ МИФ («PRIVATMYTHOS») В ТВОРЧЕСТВЕ ЭЛИАСА КАНЕТТИ

Барова А.Г.

старший преподаватель кафедры немецкой филологии,
Елабужский институт (филиал) Казанского федерального университета,
Россия, г. Елабуга

Дается краткий обзор понятию «авторский/индивидуальный миф» в творчестве Элиаса Канетти, основное внимание направлено на такие составляющие индивидуальной мифологии писателя, как превращение, смерть и противостояние ей.

Ключевые слова: индивидуальный миф, авторская мифология, превращение, смерть.

Австрийский писатель Элиас Канетти (1905-1994) принадлежит к тому поколению авторов, которые начинали писать в экстремальных исторических условиях 30-х годов XX столетия, чьи первые произведения появились до начала Второй мировой войны. Время между двумя войнами – это период в истории Австрии, когда происходит тотальное отрицание буржуазных ценностей и культуры, контекст литературных произведений был направлен против разрушительных тенденций австрийской действительности XX века [1, с. 246]. Все общественные перемены и тенденции нашли отклик в творчестве писателей того времени.

Для австрийских романов, написанных в период между двумя войнами, основной особенностью, по утверждению Н.Э. Сейбель, является, во-первых, синтез исторического и мифологического, лирического и драматического, эпического и документального и, во-вторых, наличие мифологического плана даже в тех романах, которые были обращены исключительно к современности [4, с. 51-59].

Мифологическое истолкование действительности стало типичным для творчества многих авторов, но для мифотворчества начала XX века характерна тесная связь с историческим контекстом, с общественным умонастроением, оно перерабатывает архетипические сюжеты и древние образы на новый манер, сочетается с психологизмом и «потокосознанием». Типичным явлением для литературы данного временного отрезка стало индивидуально-авторское мифотворчество, заключавшееся в создании автором личных ми-

фов и мифологем. В западном литературоведении появляется такое понятие, как «Privatmythos» (К.-П. Цепп, Э. Канетти), что в отечественной науке синонимично термину «авторский/индивидуальный миф».

Относительно творчества Элиаса Канетти можно смело утверждать о сближении литературы, философии, мифологии. Как утверждает Е.М. Шастина, Канетти принадлежит к мифологизирующим авторам, которые используют миф не только как материал для создания художественного произведения, но и как модель мышления. Освоение мифа становится для писателя методом познания окружающей действительности, поскольку под мифом он понимает не только «старый миф», описания обычаев, ритуалов и церемоний примитивных народов и исчезнувших культур, но и исторические сообщения о путешествиях, дневники, биографии, а также описания из психиатрической практики [5, с.211].

В его произведениях: роман «Ослепление», драмы, философский труд «Масса и власть» можно встретить целый ряд мифологических пластов – древнегреческий, библейский, акадо-шумерский, китайский. Мифологизм в творчестве Э. Канетти проявляется в осовременивании различных древних образов, при этом ход повествования (например, в романе «Ослепление») постоянно меняется от реальности исторической к художественному вымыслу; введение в ткань художественного произведения мифологических мотивов и персонажей; в наличии авторского мифа, суть которого состоит не просто в создании авторских мифологем, а, в первую очередь, в особом отношении писателя ко всем историческим и социальным процессам и переменам.

Авторская мифология Канетти включает в себя ряд тем, которые являются исходными и общими для всего творчества писателя: «превращение» (Verwandlung), «смерть» и «противостояние смерти» (Todesfeindschaft), мотив «вечной жизни», феномен «массы» и «власти», рассмотренный в философском труде «Масса и власть» («Masse und Macht»). Все эти темы тонко переплетаются в каждом произведении писателя, выстраиваясь в мифопоэтическую систему.

Исследователи творчества Канетти дают определение термину «Privatmythos», опираясь на труды самого писателя. Н.Ф. Зиганшина в диссертационном исследовании «Своеобразие поэтики «Заметок» Элиаса Канетти» рассматривает понятие «Privatmythos» как «личный миф», который представляет собой совокупность и взаимодействие образов, аффектов и концепций, группирующихся вокруг центральной темы и обращенных к одной из сфер, внутри которых мифология обычно и функционирует. Личные мифы, также как античные, направляют индивидуальное развитие, объясняют мир, дают социальную направленность и отвечают на духовные запросы [2, с. 107].

Сам Канетти раскрывает «авторский миф» следующим образом: «<...> что меня интересовало, и из чего я исходил – это убеждение, что у каждого человека есть мечта, как движущая сила его поступков, то, что отличает его от других – это я и могу назвать авторским мифом (Privatmythos); слово «миф» имеет здесь несколько необычный смысл, далекий от его традиционного понимания, то есть это личный миф отдельного человека. В «Ослепле-

нии» я стремился создать те фигуры, которые совершенно ясно представляли бы этот индивидуальный миф, для меня было важным показать, как индивидуальный миф одного человека сталкивается с мифом другого» цит. по [8, S. 33].

К.-П. Цепп делает акцент на том, что «Privatmythos» Элиаса Канетти синонимичен таким понятиям, как идея фикс, безумие, паранойя, иллюзия, мания (цепп) или «навязчивые идеи», как это сказано самим Канетти в книге «Совесть литературы» («Человек нашего столетия») [3, с. 57], к таковым относятся «превращение», «смерть», «борьба за жизнь» и другие.

Древний архетип смерти в представлении Канетти приобретает иную окраску. Во многих древних культурах и мифологиях отношение к смерти связывалось, прежде всего, со страхом перед ней, что для Канетти было не приемлемо, смерть невозможно отрицать как антропологический фактор, но и нельзя к ней относиться с чувством покорности и принимать её как должное. «<...> Смерть, которой я не могу признать, но которой никогда не перестану заниматься, которую должен тревожить в самых ее потайных уголках, чтобы уничтожить ее привлекательность и ложный блеск» – пишет он в дневниках [3, с. 57]. Размышления писателя о феномене «смерть» собраны в книге «Das Buch gegen den Tod» («Книга против смерти»), опубликованной после смерти автора, но которая стала доказательством его неприятия этого процесса и сопротивлением ей как самому злейшему врагу человечества: «Manchmal glaube ich, sobald ich den Tod anerkenne, wird sich die Welt in nichts auflösen» [7, S. 29]. (Иногда я думаю, что как только я признаю смерть как таковую, мир растворится в небытии – перевод Баровой А.Г.).

Архетипический мотив вечной жизни соединяется у Канетти с такими понятиями, как литература (поэт может увековечить свое имя через свое литературное наследие); призвание поэта (поэт впитывает в себя литературное наследие древних культур и народов, является его хранителем и передает его другим поколениям); превращение. Древний мотив метаморфозы расширен у Канетти до границ индивидуального мифа, рассмотренный с разных сторон, он имеет свое предназначение и пересекается с мифом о призвании поэта. «Плохие поэты стирают следы превращений, хорошие – открыто демонстрируют их» [3, с. 262], речь идет о вживании поэта в различные литературные образы и фигуры, создаваемые им.

Способность к превращению – это тот дар, который связывает отдельного человека с его окружением, со всеми историческими периодами; для Канетти жизнь, наполненная превращениями, – это утопия о человеческом существовании и преодолении смертности [6, S. 139-141]. Канетти – поэт видит одну из возможностей спасения человека от смерти в литературе. В автобиографической трилогии Канетти берет на себя такую миссию, рассказывая о близких ему людях, он, посвящая им своё произведение, увековечивает их имена.

Превращение, смерть и бессмертие, масса и власть составляют спектр тем, которые австрийский писатель неустанно исследовал, раскрывал и пытался объяснить на протяжении всей жизни. Это понятия, ставшие важней-

шими составляющими его творчества, определили его литературные и жизненные искания.

Список литературы

1. Гугнин А.А. Поэты межвоенного периода // История австрийской литературы XX века. Том I. Конец XIX – середина XX века – М.: ИМЛИ им. А.М. Горького РАН, 2009. 632 с.
2. Зиганшина Ф.Н. Своеобразие поэтики «Заметок» Элиаса Канетти Специальность 10.01.03 – Литература народов стран зарубежья (немецкая литература) Дисс. канд. филологических наук. Елабуга, 2011. 181 с.
3. Канетти Э. Человек нашего столетия / Канетти Э.: Перевод с нем., сост. и автор предисл. Н.С. Павлова. М.: Прогресс, 1990. 474 с.
4. Сейбель Н.Э. Австрийский роман. Zwischenkriegszeit [Текст]: Многография / Н.Э. Сейбель. Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 2006. 414 с.
5. Шастина Е.М. Биография Элиаса Канетти: миф или реальность? // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 2 (20). С. 209-213.
6. Angelova P. Elias Canetti Spuren zum mythischen Denken. Wien: Paul Zsolnay Verlag, 2005. 318 S.
7. Canetti E. Das Buch gegen den Tod / Mit einem Nachwort von Peter von Matt. München: Carl Hanser Literatur Verlag, 2014. 36 S.
8. Zepp K.-P. Privatmythos und Wahn. Das mythopoetische Konzept im Werk Elias Canettis. Frankfurt a. Main: Lang, 1990. 265 S.

ХРОНОТОП В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЭДГАРА ПО И СТИВЕНА КИНГА

Блинова М.П.

доцент кафедры зарубежной литературы и сравнительного культуроведения,
канд. филол. наук, Кубанский государственный университет,
Россия, г. Краснодар

Подольяк Е.А.

студентка 3 курса факультета романо-германской филологии,
Кубанский государственный университет, Россия, г. Краснодар

В статье рассматриваются художественные стратегии воздействия на читателя в произведениях Эдгара По и Стивена Кинга в рамках понятия «хронотоп». На основе анализа новеллы «Колодец и маятник» и повести «Рита Хейуорт и спасение из Шоушенка» выявляются схожие приемы, используемые писателями для художественного отражения действительности, а также взаимосвязь и взаимовлияние времени и пространства в произведениях.

Ключевые слова: литература ужасов, хронотоп, мифологема, архетип, Эдгар По, Стивен Кинг.

Стратегия воздействия на читателя приобретает особое значение в литературе, близкой к жанру «хоррор», где стремление создать атмосферу напряженного ожидания, предчувствия чего-то ужасного, близости смерти («саспенс») становится не менее важным, чем развитие сюжета и образов. В этом аспекте интересным представляется сопоставление произведений двух

мастеров саспенса 19 и 20 веков: Э.По и С.Кинга. Хотя Стивен Кинг прямо не признает большого влияния на свое творчество прозы Эдгара По, но высоко ценит творчество американского романтика: «Он был не просто писателем в жанре мистики/детектива. Он был первым» [2]. Кроме того, литературный «учитель» Кинга Говард Лавкрафт считал своим наставником именно Э.По, что дает основания для поиска определенных параллелей в авторской повествовательной стратегии романтика и современного «короля ужасов».

Данная статья посвящена анализу особенностей хронотопа как особого способа воздействия на читателя в новелле Эдгара По «Колодец и маятник» и в повести Стивена Кинга «Рита Хейуорт и спасение из Шоушенка».

Литературный термин «хронотоп», которым мы будем оперировать в работе, был предложен известным русским филологом и философом М.М. Бахтиным. В книге «Вопросы литературы и эстетики» Бахтин называет хронотопом «существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе» [1, с. 234]. Хронотоп дословно переводится как «времяпространство» и является центром основных событий в любом произведении.

Новелла Эдгара По «Колодец и маятник» характеризуется условностью хронотопа и отсутствием четких характеристик места. Известно, что действие разворачивается в испанском городе Толедо. Главный герой находится в темнице, куда его поместила инквизиция. Однако мы не можем с точностью определить, когда происходили описываемые автором события, и эта условность времени придает истории символический экзистенциальный смысл. В новелле действующими лицами являются главный герой, инквизиторы и французский генерал. Отметим, что генерал Лассаль, участник Наполеоновских войн, является реально существовавшим историческим лицом. В 1808 году Лассаль участвовал в испанской кампании. Следовательно, мы можем предположить, что события происходили в 1808 году.

Главный герой использует ряд синонимичных слов для описания своего места заключения: 11 раз он использует слово “*dungeon*”, 10 раз встречается слово “*prison*”, 5 раз слово “*cell*” и 3 раза – “*vault*”, что акцентирует внимание на замкнутости пространства.

Несмотря на некоторое присутствие света, (“*light was not altogether excluded*” [4]), героя окружает темнота, поэтому он вынужден полагаться на осязательные, обонятельные и кинестетические ощущения: вытягивая руку, персонаж чувствует что-то твердое и влажное (*damp, hard*), затем улавливает запах: “*the peculiar smell of decayed fungus*” [4]. Полагаясь на кинестетические ощущения, герой идет вдоль стены, чтобы исследовать темницу.

На основе информации, предоставленной органами чувств, герой делает выводы: место заключения имеет квадратную форму, пол сделан из камня, стены холодные и гладкие. Чтобы создать особую пугающую атмосферу, Эдгар По использует прилагательные *smooth, slimy, cold* для описания стен и *moist, slippery* для описания пола. Мифологемы воды и холода символизируют присутствие смерти, являются ее осязательным воплощением.

В центре тюремной камеры находился колодец круглой формы, который герой также обнаружил посредством органов чувств. Персонаж характеризует колодец одной фразой: *“typical of hell”* [4].

Описывая место действия, Эдгар По использует следующие слова: *“vacancy”*, *“blackness”* (3 раза), в том числе и *“the blackness of eternal night”*, *“darkness”* (4 раза).

Картины ада в представлении героя можно сравнить с образом преисподней во Втором Послании от Петра: *“For if God did not spare angels when they sinned, but cast them into hell and committed them to pits of darkness, reserved for judgment”* (2 Peter 3:16 NASB), где инквизиторы – искаженный образ Бога, который вершит правосудие. Таким образом, сравнение героем темницы с адом небезосновательно, а неоднократное использование таких слов, как *“hell”* и *“darkness”* создает пугающий образ тюрьмы как загробного мира, места наказания и страданий людей.

Когда в темницу проникает свет, герой описывает потолок, который был 30-40 футов в высоту (9-12 метров). Изучая потолок, главное действующее лицо замечает опускающийся маятник, который должен убить героя, – *“hellish machine”*, по его словам. Этот образ символизирует движение времени, которое постепенно сокращает жизнь каждого человека.

Место заключения героя постоянно деформируется: меняется форма. В начале повествования тюрьма квадратная, в самом конце имеет форму ромба (*square* → *lozenge*), который непрестанно сужается. Это сжатие пространства отражает нарастание опасности для героя, усиливает атмосферу страха и близости смерти.

Таким образом, хронотоп в произведении Эдгара По характеризуется условностью. Зная, что действие разворачивается в одной из темниц Толедо, читатель может самостоятельно попытаться установить время описанных событий, опираясь на знания из истории Европы. В то же время данная условность становится способом обобщения, и весь рассказ приобретает символический смысл, становясь своеобразной притчей о судьбе человека.

В повести Стивена Кинга «Рита Хейуорт и спасение из Шоушенка» повествование начинается с 1948 года в штате Мэн. Представив схематически место действия в повести, можно заметить определенное сужение пространства:

Новая Англия → Штат Мэн → Шоушенк → Тюремная камера

Штат Мэн был выбран Стивеном Кингом неслучайно. Во многих штатах и в 1948 году, и в наше время разрешена смертная казнь. В штате Мэн смертная казнь отменена с 1887 года. Поэтому многие отбывают одно пожизненное заключение, два или даже три, как Рэд, рассказчик.

Прежде всего, автор описывает двор тюрьмы квадратной формы и дает читателю представление о том, как устроен Шоушенк. Подобное описание позволяет воспринимать его как замкнутое пространство, ограниченное со всех сторон, а также как уменьшенную копию государства, или, по словам Рэда, *“scaled-down model of the outside world”* [3], что определяет философский подтекст романа. Примечательно, что повествователь неоднократно го-

ворит о том, что Шоушенк – это ад (*“This is hell right here. Right here in The Shank”* [3]), актуализируя идею наказания и мучений людей не только в данной тюрьме, но и в мире вообще.

Замкнутое пространство воздействует на заключенных. Говоря о серых стенах, которые постоянно окружают людей в Шоушенке, рассказчик использует прилагательное *goddamned* (*“goddamned grey walls”*), что показывает его отношение к тюрьме в целом.

Хуже тюремных камер и притеснений со стороны других заключенных может быть только карцер. Еще в 1700-х гг. в Мэне было 2 вида наказаний: повешение и тюрьма (напомним, что смертную казнь в Мэне отменили только в 1887 году). Т.к. в 1900-е гг. смертной казни в штате Мэн уже не было, заключенных за проступки отправляли в карцер, к которому вели 23 ступеньки. Спуск в него связан с реализацией архетипа Низа и обладает определенными параллелями как с античным Аидом, так и с адом из «Божественной Комедии» Данте. Карцер Стивена Кинга напоминает модернизированную версию темницы Эдгара По: в карцере темно, однако есть свет, который обеспечивает тусклая шестидесятиваттная лампочка. У Эдгара По есть колодец с водой, у Стивена Кинга вода падает сверху, и это единственный звук, который проникает в помещение. Данная инверсия показывает, что карцер Шоушенка находится ниже границы жизни, словно бы на дне колодца из рассказа По. В целом использование мифологемы воды, контраста архетипов Тьмы и Света, символического образа крыс позволяет создать необходимую атмосферу страха, гниения, смерти.

Проанализировав хронотоп в произведениях Эдгара По и Стивена Кинга, сделаем вывод: писатели воздействуют на читателя с помощью эпитетов, синонимичного ряда слов и сюжетообразующих деталей, благодаря которым создается напряженная атмосфера. Однако главным средством становится замкнутость и сужение пространства.

Время не играет большой роли в новелле Эдгара По. Повествование ведется во времена испанской инквизиции в Толедо, и это всё, что нужно знать читателю. Иное значение хронотоп имеет в повести Стивена Кинга: и время, и пространство важны для повествования, т.к. этим объясняется отсутствие смертной казни в Шоушенке для заключенных, совершивших особо тяжкие преступления.

Подводя итоги, отметим, что выбранные нами рассказы отличаются от большинства произведений Эдгара По и Стивена Кинга, написанных в рамках «литературы ужасов»: в них не проливается кровь, не описываются убийства, отсутствует привычная динамичность действия. На смену им приходит тесный контакт с читателем, откровенность и простота, присущая героям при описании своих переживаний и ощущений, а также присутствие символики и философского подтекста. Именно это и является самой важной художественной стратегией воздействия на читателя, причиной, заставляющей неоднократно перечитывать «Колодец и маятник» Эдгара По и «Рита Хейуорт и спасение из Шоушенка» Стивена Кинга.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Худож. лит., 1975. 504 с.
2. Hockensmith, Steve. Evermore: the Enduring Influence of Edgar Allan Poe [Электронный ресурс]. URL: https://mysteryscenemag.com/index.php?option=com_content&view=article&id=38:evermore-the-enduring-influence-of-edgar-allan-poe&catid=46:feature&Itemid=191 (дата обращения: 15.11.15)
3. King, Stephen. Rita Hayworth and Shawshank Redemption [Электронный ресурс]. URL: <http://www.oknovels.com/rita-hayworth-and-shawshank-redemption> (дата обращения: 10.12.15)
4. Poe, Edgar Allan. The Pit and the Pendulum//The Complete Works of Edgar Allan Poe – Vol. V: Tales – part 04 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eapoe.org/works/harrison/jah05t03.htm> (дата обращения: 10.12.15)

А.С. ПУШКИН. ПРОРОК ИЛИ ЭХО?

Веденяпина Э.А.

канд. филолог. наук, Россия, г. Москва

Пушкин: пророк или эхо? Какое из этих несовместимых понятий является истинным в отношении к Пушкину? Анализ его стихотворений и писем показывает, что поэт чутко воспринимал душевный настрой своих собеседников и обращался к ним в соответствии с их духовным миром и душевным состоянием. Его обращение к тому или иному адресату созвучно тому, с кем поэт общается. Такой отклик может быть назван только эхом.

Ключевые слова: эхо, пророк, духовная борьба.

Тема ЭХА дважды прозвучала в стихах Пушкина – в 1819 году: «И неподкупный голос мой / Был эхо русского народа» [«К Н.Я. Плюсковой»] и в 1832 году: «На всякий звук / Свой отклик в воздухе пустом / Родишь ты вдруг» ... «Тебе ж нет отзыва... Таков / И ты, поэт! [«Эхо»]. В первом случае это заявление о патриотической позиции, а во втором – вздох о бессилии поэтического возгласа, остающегося без ответа. Мысль об автоматизме поэтического отклика Пушкина на всякий звук никогда не воспринималась как программная. Зато формула «эхо русского народа» постоянно использовалась как доказательство народности пушкинской поэзии. Это мнение подкреплялось заявлением поэта о пророческом характере его гения. «И Бога глас ко мне воззвал: «Встань, пророк...» [«Пророк»]. Однако природа этих явлений – эха и пророчества – взаимоисключающая. Встает вопрос: пророк или эхо?

Эпитафии. Весной 1826 года в семье Вяземских умер трехлетний сын, из пяти сыновей в живых остался последний, единственный. Князь П.А. Вяземский писал Пушкину: «скучно, грустно, душно, тяжело...» и получил ответ: «Судьба не перестает с тобою проказить. Не сердись на нее, не ведает бо, что творит. Представь себе её огромной обезьяной, которой дана полная воля. Кто посадит её на цепь? не ты, не я, никто. Делать нечего, так и говорить нечего».

Прошло менее двух лет. В Санкт-Петербурге на кладбище Александро-Невской лавры над могилой двухлетнего сына М.Н. Волконской, уехавшей к мужу в Сибирь, были выбиты стихи Пушкина: «В сиянье, в радостном покое, / У трона вечного Творца, / С улыбкой он глядит в изгнание земное, / Благословляет мать и молит за отца». Дед младенца сказал о поэте, что он «подобного ничего не сделал в своей жизни». Мать умершего ребенка писала потом своему отцу: «Я читала и перечитывала, дорогой папа, эпитафию на моего дорогого ангела, написанную для меня. Она прекрасна, сжата, но полна мыслей, за которыми слышится так много. Как же я должна быть благодарна автору!»

Свидетельствует ли это о перерождении поэта? Вспомним: у тех же Вяземских в марте 1825 года умер также сын. Вот что тогда писал Пушкин В.Ф. Вяземской: «Дорогая и уважаемая княгиня, ваше письмо причинило мне глубокую и душевную боль. Я не имел понятия о несчастье, постигшем вас; не буду пытаться вас утешить, но всей душой разделяю ваше горе» (по-французски). А через год в письме ее мужу – «огромная обезьяна». Вся разница в адресатах. М.Н. Волконская, как и В.Ф. Вяземская, известны как люди верующие. П.А. Вяземский был свободно мыслящим, неверующим. Отсюда – соответствующие тон и эпитеты.

Случай с Вяземским – не исключение. На примерах стихов о Кишиневе видно, как Пушкин, общаясь заочно, не просто изливает свои чувства и ощущения, но мысленно настраивается на беседу как бы на определенной психологической волне, свойственной данному адресату. Стиль и весь строй приведенных ниже стихов обусловлен личностью того, чьим мысленным взором Пушкин видит те места, в которых сейчас находится.

Чаадаеву

В стране, где я забыл тревоги прошлых лет,
Где прах Овидиев пустынный мой сосед,
Где слава для меня предмет заботы малой,
Тебя недостает душе моей усталой.

Баратынскому. Из Бессарабии.

Сия пустынная страна
Священна для души поэта:
Она Державиным воспета
И славой русскою полна.

Стихотворение из письма Вигелю:

Проклятый город Кишинев!
Тебя бранить язык устанет,
Когда-нибудь на грешный кров
Твоих запачканных домов
Небесный гром конечно грянет.

В.Л. Давыдову

Хочу сказать тебе два слова
Про Кишинев и про себя.
На этих днях среди собора
Митрополит, седой обжора,
Перед обедом невзначай
Велел жить долго всей России...

Вряд ли нужны комментарии, что московскому «отшельнику» Чаадаеву Пушкин пишет как молдавский «отшельник», Баратынскому, служившему в армии, – о военной стороне дела, а Вигель и Давыдов наводят его на образы, соответствующие этим людям. Поэтические послания Пушкина созвучны образу мыслей адресата и написаны на языке этого адресата. Эхо.

А как же стихотворение «Пророк» (1826 г.)? В нем зафиксирован процесс изменения личности. Состоялось ли преображение поэта? Об этом может свидетельствовать его творчество. Позже, в 1835 году, в черновом окончании стихотворения «Вновь я посетил...» он вспоминает переживания во время его ссылки в Михайловское и признает:

Но здесь меня таинственным щитом
Святое Провиденье осенило,
Поэзия, как ангел утешитель,
Спасла меня, и я воскрес душой.

Естественно предположить, что речь идет о том самом событии, которое описано в «Пророке», но в 1835 году оно воспринято иначе. Духовное событие, имевшее место в 1826 году, было воспринято тогда в свете острой политической ситуации: Пушкин внезапно был вызван к императору Николаю I и ощутил себя востребованным к деятельности, увидел смертельную опасность и ощутил себя пророком-обличителем. Духовное потрясение он расценил как необходимое приготовление к гражданскому подвигу. В 1835 году он расценил происшедшее с ним как меры по спасению его души.

Пушкин, стараясь ободрить декабристов-каторжников, словно пытается пророчествовать. Он предрекает им в стихотворении «Во глубине сибирских руд...»: «Не пропадет ваш скорбный труд», «Оковы тяжкие падут, / Темницы рухнут, и свобода / Вас примет радостно у входа, / И братья меч вам отдадут». Но при освобождении декабристы меча не получили – ни как оружия, ни как символа дворянской чести, ибо не были восстановлены в правах. Этим посланием Пушкин стремился утешить друзей, но утешение не было православным. «Храните гордое терпенье» – это призыв, противоположный завету: «Терпением вашим стяжите души ваши» [Евангелие от Луки, 21, 19]. Гордость же является самым тяжким грехом и не свойственна пророкам.

Не состоялось и автопророчество в стихотворении «Арион»: «Я гимны прежние пою», – заявил он в нем о себе в июле 1827 года, имея в виду свою свободолюбивую лирику, а в том же альманахе «Северные цветы» на 1828 год, где было опубликовано это стихотворение, было напечатано рядом и другое – «Ангел»: «В дверях эдема ангел нежный...» А ведь в письме к А.П. Керн в августе 1825 года поэт признавался, что не может вообразить рая. В 1827 году в том стихотворении «Ангел» он писал: «И жар невольный умиленья / Впервые смутно познавал». Это уже новые гимны, не прежние. Именно с этого времени в его поэзии появляются новые образы и мотивы. Определения «невольный», «впервые», «смутно» многозначительны, но многообещающ глагол «познавал».

До «Пророка» Пушкин жил в ситуации, описанной им в стихотворении «Безверие»: «Ум ищет Божества, а сердце не находит». Со времени создания

«Пророка» можно говорить о начале новой эпохи – поворота души поэта в сторону Храма. Нарастают покаянные мотивы в его творчестве – вследствие пережитого им в 1826 году момента духовного воодушевления. Теперь его мысль всё чаще обращается к Богу. С 1827 года лицейские ежегодные послания начинаются с Божьего имени: «Бог помочь вам, друзья мои» [«19 октября 1827»] «Усердно помолившись Богу...» [«19 октября 1828»]. 1829 год обошёлся без традиционного стихотворения, но осенью этого года он был на Кавказе, видел Казбек и монастырь на нем, за облаками – «Как в небе реющий ковчег». Корабль спасения – таким увидел его Пушкин и тут же высказал желание: «Туда б, в заоблачную келью, / В соседство Бога скрыться мне!» [«Монастырь на Казбеке»]. В произведении «Стихи, сочиненные во время бессонницы» он допрашивает ночные шорохи: «Что ты значишь, скучный шепот? / Укоризна или ропот / Мной утраченного дня?» Главный его вопрос: «Ты ... пророчишь?» Поэт ждет пророчества со стороны, а не в себе самом. Внутри себя он обнаруживает в основном раскаяние и муку.

Искупая тяжкие грехи неверия родителей и общества, Пушкин опускался на дно греховной жизни, испытывая при этом не радость и удовольствие, а тяжкие нравственные страдания. Но он имел дары великие от Бога – поэтический талант и проницательный ум. Не случайно ему дан был этот путь нравственных переживаний: поэт фиксировал его в прекрасных стихотворениях-предостережениях. Изящная форма способствовала привлечению и доверию мысли, завершённой рифмой. Находясь на пути раскаяния, он стал свидетелем духовной борьбы в особенном ее проявлении. Очищенное страданиями раскаяния сердце поэта неприметно, естественным образом обратилось к традициям русской православной церкви. Об этом – три стихотворения, написанные по свежим следам событий осложнившихся русско-польских отношений: «Перед гробницею святой», «Клеветникам России», «Бородинская годовщина» (1831). Первое из них – молитва в Казанском храме Петербурга перед гробницей Кутузова: «Встань и спасай царя и нас».

Пока еще мирскому сознанию не ясно, услышан ли он. Кажется, что нет, однако взятие Варшавы русскими войсками было совершено 26 августа – в день Бородинской битвы. Но Пушкин этого не осознал. В итоге – «Эхо»: «Тебе ж нет отзыва...» [«Эхо». 1831]. Но он уже стал эхом иных, чем в юности, идей.

Так произошло ли преображение души поэта так, как об этом читаем в «Пророке»? Стал он пророком или остался эхом, только новых идей? Ответ на это находим в «Памятнике» (1836). Пушкин предсказал свое будущее.

Первые 4 строфы обращены в посмертное будущее – о той славе, которая состоялась. Пятая строфа – в ближайшее будущее, где он будет еще жить и творить, она вся – обращение к музе, к ангелу его поэзии. Поэт воспитывает ее: «Хвалу и клевету приемли равнодушно...» Это всё можно понять только так: первые четыре строфы – подведение итогов жизни с позиции юношеского мировоззрения поэта. Здесь Пушкин стал эхом самого себя, того, каким он был до того, как «Бога глас» к нему воззвал. Когда же эта юношеская поэзия завершилась гимном самой себе – первыми четырьмя строфами, то в пятой произошло качественное изменение: поворот от земной славы к небесной,

от исторической судьбы – к вечной. Очень странная пятая строфа. Ее всегда исключали из школьных программ. Она опровергает всё, что сказано в предыдущих строфах. «Веленью Божию, о муза, будь послушна, / Обиды не страшась, не требуя венца...» А первые четыре строфы – только о венце славы.

В пятой строфе сформулированы условия для мира в душе и на этом основании реального обретения пророческого дара: «Веленью Божию, о муза, будь послушна...» (Вспомним: «И Бога глас ко мне воззвал...» в «Пророке»). Осуществив функцию поэта-эха, Пушкин вплотную приблизился к пониманию функции поэта-пророка. На этом этапе завершилась борьба между неверующим сердцем и умом, искавшим Бога. Ум нашел Его и продиктовал сердцу требования душевного мира, при котором сердце обретает Бога.

Жизнь Пушкина очень показательна для каждого русского. Творчество Пушкина – отражение духовной борьбы на пути к Богу. Гениальная одаренность Пушкина позволила ему ощутить губительность разрыва между умом и сердцем, разрыва, ведущего к смятению души. Он преодолел модные в его время атеизм и материализм, проникшие тогда в Россию через французскую литературу, и стал глубоко национальным и поистине народным поэтом. Работа ума и таланта Пушкина по преодолению этого разрыва сопровождалась страшными муками, что является предостережением потомкам. Однако горький опыт жизни Пушкина как эха – отзвука духовной борьбы его времени – до сих пор не понят во всей его полноте и трагичности.

Список литературы

1. Бонди С.М. О Пушкине. М., 1978
2. Бонди С.М. Черновики Пушкина. М., 1971
3. Васильев Б.А. Духовный путь Пушкина. М., 1994
4. Митрополит Антоний. О Пушкине. М: Российский архив, 1991

«ЛОЖНЫЕ ДРУЗЬЯ ПЕРЕВОДЧИКА» В ПРАКТИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ

Власко Н.К.

доцент кафедры «Лингвистика», канд. филол. наук,
Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана,
Калужский филиал, Россия, г. Калуга

В статье рассматриваются типичные ошибки студентов при выборе эквивалентов межъязыковых аналогизмов и обосновывается необходимость разработки упражнений, которые могут способствовать снижению количества переводческих ошибок.

Ключевые слова: лексическая интерференция, «ложные друзья переводчика», интернациональные слова, общенаучная лексика.

В процессе преподавания английского языка в техническом вузе преподаватель нередко сталкивается с проблемой «ложных друзей переводчи-

ка». Под впечатлением знакомой фонетической или графической формы слова студенты используют аналог интернационального слова, значение которого может оказаться далеким от истинного, тем самым или искажая смысл высказывания, или допуская нарушение стилистических норм переводящего языка.

Проблема лексической интерференция, проявлением которой являются «ложные друзья» получила в последние десятилетия особую актуальность. Первым изданием, посвященным описанию «ложных друзей переводчика» при контакте английского и русского языков, был широко известный англо-русский и русско-английский словарь «ложных друзей переводчика», составленный под общим руководством В.В.Акуленко [1]. Появившись более полувека тому назад, этот словарь продолжает оставаться весьма полезным и в настоящее время. Однако, к сожалению, в нем не представлена общенаучная лексика, которая и вызывает основные переводческие ошибки, связанные с «ложными друзьями переводчика» в практике преподавания английского языка в техническом вузе. Этот пробел начал интенсивно заполняться в последующие десятилетия, когда появились как теоретические исследования, так и справочники и учебные пособия [2; 3 и др.]

Несмотря на различия в терминологии, на различный подход к построению двуязычных словарей «ложных друзей переводчика», на различные классификации, что связано с многогранностью явления «ложных друзей переводчика», в данную категорию принято включать как традиционные «ложные друзья», так и неявные, но которые могут послужить причиной ошибок при переводе.

С практической точки зрения ложных друзей переводчика целесообразно подразделять на две большие группы:

1) лексические единицы со сходной графической и фонетической формой, значение которых в русском языке совершенно не совпадает с английским. Наиболее типичными представителями данной группы являются слова типа *actual*, *benzene*, *decade* и т.д.;

2) лексические единицы, совпадающие в одном из двух значений, но расходящиеся в другом (других). Несомненно, такие слова вызывают наибольшую сложность при переводе. Примерами лексических единиц этой группы являются *aggressive* (чаще энергичный, чем агрессивный), *critical* (очень важный), *dramatic* (не только драматический, драматичный, но и решающий, значительный, сильный), *active* (не только активный, но и проводящийся / осуществляемый / проводимый в данное время, оперативный, исправный), *aspect* (не только аспект, но и объект, фактор, черта (особенность), и др.), *control* (не только контроль, но и управление, борьба, защита (от), регламентация и многие другие значения), *progressive* (не только прогрессивный, но и нарастающий, неуклонный) и др.

В практике преподавания следует также обратить внимание на категорию слов, которые не входят в группу ложных друзей, но вводят в заблуждение из-за внешнего сходства с другими более употребительными словами. Например, путают *complement* (дополнение, комплект) и *compliment* – похвала.

Наличие проблемы «ложных друзей переводчика» ставит перед преподавателем задачу снижения у обучаемых количества ошибок, обусловленных лексической интерференцией.

Поскольку именно интернациональная общенаучная лексика является источником наиболее частных переводческих ошибок, представляется необходимым определить состав общенаучной интернациональной лексики, которая должна быть включена как в активный, так и пассивный словари, и разработать упражнения, привлекающие внимание студентов к этой проблеме и к важности тщательного подбора эквивалента в переводящем языке.

Таковыми упражнениями могут быть задания на узнавание «ложных друзей переводчика» в тексте, определение, какие из этих слов являются ложными полностью, то есть значение которых в русском языке совершенно не совпадает с английским, а какие частичными, то есть совпадают в одном из значений, но расходятся в другом.

Отмечено, что при переводе на русский язык интернациональная лексика часто деинтернационализируется, то есть заменяется неинтернациональным эквивалентом, поэтому упражнения должны содержать задания на поиск неинтернациональных эквивалентов как вне контекста, так и в контексте.

Поскольку английское интернациональное слово является часто многозначным, тогда как его русский аналог, как правило, имеет только одно значение, студенты должны уметь анализировать семантическую структуру многозначных слов, чему способствуют задания на сравнение объема значений английского и русского аналогов.

Представляется, что наиболее эффективные упражнения заключаются в переводе предложений с «ложным другом» в его различных значениях в контексте.

Наиболее сложными упражнениями являются задания на перевод предложений со словами, совмещающими в себе противоположные значения. Б.Н. Климзо относит их к словам-ловушкам [4, 27]: *approximately* – точно / приближенно; *marginal* – предельный (максимальный) / незначительный; *virtual* – фактический, действительный / мнимый, виртуальный; *conservative* – завышенный / заниженный и др.

Поскольку интерференция может быть не только интроверсивной (то есть проявляющейся при переводе иностранного слова на русский язык), но и экстраверсивной (то есть проявляющейся при переводе с родного языка на иностранный) [5], при составлении упражнений следует также обратить внимание на проблемы, связанные с «ложными друзьями переводчика», которые возникают при переводе с русского языка на английский. Причем довольно часто обучаемые допускают ошибки даже при переводе высокочастотных многозначных слов, входящих в активный словарь, таких как *техника*, *конструкция*, *инструмент*, *деталь*, *актуальный* и пр.

Перечисленные выше виды заданий, несомненно, не исчерпывают всего перечня упражнений, которые могут использоваться при обучении студентов технического вуза работе с межъязыковыми аналогизмами, но использование подобных заданий привлекает внимание студентов к этой сложной

проблеме, подчеркивает ее важность, указывает на необходимость более тщательного подбора эквивалента, что способствует снижению количества типичных ошибок, обусловленных «ложными друзьями переводчика».

Список литературы

1. Акуленко В.А. и др. Англо-русский и русско-английский словарь «ложных друзей переводчика». -М.: Советская энциклопедия, 1969.
2. Беляев И.А. Англо-русский словарь трудностей научно-технической лексики. - М.: Р.Валент, 2007 – 352 с.
3. Борисова Л.И. «Ложные друзья переводчика»: Уч. пос. по научно-техническому переводу. -М.: НВИ-ТЕЗАУРУС, 2005. – 212 с.
4. Климзо Б.Н. Ремесло технического переводчика. 2-е изд., переработанное и дополненное. -М.: Р.Валент, 2006. – 508 с.
5. Кузнецова И.Н. Теория лексической интерференции: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1998.

О МЕТАФОРЕ В АНГЛИЙСКОЙ ПОЭЗИИ

Говенько А.М.

преподаватель, Брянский государственный аграрный университет,
Россия, г. Брянск

В данной статье дается сравнительный анализ метафорических выражений в английской поэзии и их перевод на русский язык. Показаны примеры флористических метафор в поэзии Р. Бернса.

Ключевые слова: флористическая метафора, средства выражения языка, метафорическое отражение окружающего мира, метафора, метафорическое отражение мира.

В настоящее время в связи с бурным развитием когнитивной лингвистики духовное содержание различных культур и их сравнительный анализ является объектом изучения различных дисциплин – философии, лингвистики, психологии. И одним из ярких лексических средств, которые презентуют тот или иной язык считают метафору.

Многие люди считают метафору необычным средством выражения языка, которое редко применяется в повседневной речи. Американский ученый-лингвист Джордж Лакофф в своей книге «Метафоры, которыми мы живем» указывает на то, что в противоположность этой расхожей точки зрения, метафора пронизывает всю нашу повседневную жизнь и проявляется не только в мышлении и действии, но и в языке [3].

Повышенный интерес к метафоре отмечался и мотивировался не только лингвистами- переводчиками, но и самими поэтами периода романтизма. Нашей задачей является анализ флористической символики в поэзии на материале поэтических произведений Роберта Бернса. Влияние эпохи Просвещения, в частности поэзии Р.Бернса, на английскую литературу в период романтизма очень велико. Он один из тех поэтов своего времени, который использовал сравнения и метафору. Однако, по своей сущности романтической

его поэзию назвать сложно, скорее она более приземленная, лирическая, не-много озорная. Его поэзия близка простому бедному фермеру. Сложное шотландское происхождение и вольнолюбивый дух поэта является объяснением того, что в своей поэзии он восстает против неравенства и лицемерия, против социальных барьеров, разделяющих людей. Творчество Роберта Бернса основывается на национальных традициях английского фольклора и является главным для мировой литературы. Е.П.Зыкова считает, что он создал свой мир, свою поэтику и свою строфику, даже свой особый язык [Зыкова 1999: 87]. Он предвещал языковые новшества поэтов «озерной школы». Его художественный поиск оказал существенное влияние и на А.С. Пушкина, который, в некоторых своих стихах «копировал» строфу Бернса. Поэзия данного автора это могучая действенная сила, которая вошла в мировую литературу. Поэт создал в своих трудах особый метафорический мир. Поэтому частные метафоры противопоставления женской красоты и цветов вызывают огромный интерес у переводчиков. Ему удалось объединить воедино мир человеческих чувств и природу, обращаясь в своих стихах к розам и горным маргариткам. Только в пределах данного контекста можно понять метафору поэта.

Семантика цветочных образов является неотъемлемым атрибутом поэтов периода романтизма. В поэзии и художественных произведениях Р. Бернса, характерные для человека чувства, приписываются растениям. Например, в произведении "Джон Ячменное зерно" само название является символом отождествления простого деревенского парня и ячменного зерна, символа хлебопашества, что по своей сути неслучайно. Ведь здесь метафора флористического круга характеризует человека по положению в обществе. Яркая цветовая гамма, персонификация времен года а также перенос значения с "живого" на "неживое" – характерные черты его поэзии.

Проанализируем произведения Бернса, где часто встречается метафора, основанная на уподоблении живого существа и цветка.

В стихотворении "To a Mountain – Daisy" [6:123] девушка и постигшая ее участь отождествляются с цветком, а именно с «горной маргариткой». В первых пяти стихах Бернс описывает всю красоту цветка и его гибель. В шестом стихе «цветок» и его судьба отождествляются с участью девушки: "sweet flow ret of the rural shade". Благодаря метафоре "...is laid low in the dust" мы понимаем, что человек гибнет не только в буквальном смысле (смерть), но и в переносном: он может утратить честь, достоинство, что в судьбе девушки хуже смерти. Таким образом, нам становится понятен замысел всего произведения.

В стихотворении "To Miss Cruikshank" сочетание "Beautious rose – bud..., blooming in the early May" олицетворяет девушку в самый прекрасный период жизни человека. "Rose – bud" несет значение юности как поры цветения. Цветок ассоциируется с красотой, с молодостью, неопытностью героини (такой поэт видит свою возлюбленную), а уточнение цветка по виду – "rose" (роза) определяется женским началом. Эти цветы дарят возлюбленным, розы так же прекрасны и божественны, как избранницы сердца. В строке "My love is like a red, red Rose..." [там же:178] – «моя любовь, как красная, красная ро-

за...» любовь отождествляется с розой, но учитывается не только функция красоты, но и то, что роза ассоциируется с молодостью человека, красотой, расцветом жизненных сил. “I pulled a rose” – «я сорвал розу». Данная метафора обладает образным значением «полюбить, поцеловать девушку». “Thy slender stem...bonie gem” – «твой стройный стебель (стан) ...прекрасная драгоценность» (о девушке).

Флористическая символика играет важную роль в данных поэтических произведениях, являясь своеобразным выражением мировидения поэта. Отдельно хотелось бы сказать и о семантике цвета: выбор данного цветка и его красного цвета не случаен, ведь розу – царицу цветов – люди воспевали с древнейших времён. Об этом прекрасном цветке было сложено много легенд и мифов. В античной культуре роза была символом богини любви и красоты-Афродиты. Благодаря совершенной форме и чудному аромату для христиан роза с древних времён символизировала рай.

А.А. Хатхе пишет, что «среди многих средств в поэзии используется метафора, которая не просто одушевлена, но и антропоморфна. В художественных произведениях и поэзии прослеживается приписывание растениям чувств, характерных для человеческой души. Картины природы и отдельные природные образы проводят психологическую параллель с личностью человека» [7, с.106].

Таким образом, в поэзии того времени обнаруживается особый способ видения мира через призму растений, что позволяет по-новому, а иногда и глубже рассмотреть принципы формирования смысла в тексте, а также помогает сформировать понятие невидимых сущностей, таких как чувства и мысли [1, с.67].

Роза в Англии – это национальный символ, ее можно увидеть и в качестве самого известного нагрудного знака английских королей. В 1455 году два знатных рода не могли договориться о том, кто из них займет королевский трон. Неслучайно тридцатилетняя война, которая началась в связи с этим, получила название войны Алой и Белой розы. Что касается маргаритки, то она тоже пользуется большой любовью в Англии и является символом доброты, сердечности и невинности. Рыцари включали в свой герб цветок маргаритки и это означало, что его дама сердца готова принять его служение. Если учитывать семантику цветов, их символическое значение, можно получить сведения, углубляющие смысл стихотворений. Из старых английских поэтов, которые очень часто использовали флористическую символику в своих произведениях, были Чосер (1340-1400) и Шекспир (1564-1616). Английские поэты в 18 веке почти не говорят о цветах, во всяком случае, не говорят о таких, например, скромных цветах, как маргаритка, царственно воспевая Чосером. Зато в поэтах 19 века цветы нашли особенно преданных и сладкозвучных трубадуров. Многие английские поэты (Шелли, Ките, Вордсворт, Теннисон...) являются преданными рыцарями розы и лилии, фиалки и туберозы, а также садовых, луговых, водных и лесных красавиц. Из отдельных цветов Чосер особенно любит маргаритку, которую он считает царицей

цветов, Шекспир чаще всего говорит о розе и лилии, так же как Вордсворт. Шелли особенно любит анемону, фиалку, туберозу и златок.

Список литературы

1. Говенько А.М. К вопросу о флористической символике в поэзии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. №9.Ч.2. С.65-68.
2. Зыкова Е.П. Пастораль в английской литературе 18 века. М., 1999. 256 с.
3. Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем//Теория метафоры. М.,1990. С.397-415.
4. Роберт Бернс в переводах русских поэтов. М.,1980. 407с.
5. Роберт Бернс в переводах С.Маршака. М.,1976. 38
6. R.Burns.Selected poems. London, 1996. 283р.
7. Хатхе А. А. Метафорическое сближение растения и человека в произведениях А. Блока // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. №4.Ч.1. С.104-106.
8. http://samlib.ru/k/knjazew_j/390/shtml

МЕТОДИКА ПЕРЕВОДА ТЕХНИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ ПО ГОРНОМУ ДЕЛУ)

Долгополова А.А.

переводчик английского языка, Карагандинский государственный
технический университет, Казахстан, г. Караганда

В статье излагается методика перевода терминологии с русского на английский язык на примере научных статей по горному делу, приводятся варианты перевода таких терминов, как «селективная выемка угольных пластов», «очистной роботизированный комплекс», «отработанные пространства шахт», «динамика газовыделения», «выработка».

Ключевые слова: перевод, агрегат, очистной комплекс, мультитран, горная выработка.

Перевод с русского на английский язык по тематике горного дела, на наш взгляд, является наиболее сложным даже для опытного переводчика. В данной статье мы изложим свой взгляд на перевод некоторых терминов и словосочетаний по данной тематике, которые встречались нам в практической деятельности и вызывали сомнения в выборе адекватного варианта перевода.

Для начала следует отметить наши инструменты перевода: электронный словарь multitran.ru как ресурс, дающий наибольшее количество вариантов перевода, google-поиск (для проверки частоты встречаемости словосочетания в англоязычном сегменте интернета, поиск с кавычками). Мы объясняем свою методику перевода на примере двух статей по тематике горного дела, опубликованных в республиканском журнале «Труды Университета».

Итак, необходимо перевести название статьи «Очистной роботизированный комплекс с автоматизированным управлением для селективной выемки угольных пластов» [1, с.44]. Естественно, в словаре отсутствует перевод

всего наименования агрегата. Поэтому, чтобы выбрать подходящий перевод, необходимо понять, что представляет из себя данный комплекс. «Выемочный агрегат – это комплекс машин, позволяющий механизировать выполнение всех операций технологического процесса выемки угля ... без присутствия людей в очистном забое» [2, с.60]. По запросу «очистной комплекс» словарь выдаёт варианты *stopping complex*, *longwall set of equipment*, *face equipment*, *coal-face assembly*. Слово *complex* вообще не характерно для названия оборудования в английском языке, *equipment* подразумевает конкретное оборудование – термины не подходят. Словарь *macmillandictionary.com* даёт для *equipment* такое определение: «the tools, machines, or other things that you need for a particular job or activity», для *assembly* – «a group of parts that are connected and form one unit» [3]. Очевидно, берём *assembly*. Теперь необходимо выбрать адекватный эквивалент для «выемки угольных пластов». Мультитран для «выемки» даёт варианты *mining*, *excavation*, *extraction*, *removal*. Проанализировав дефиниции, находим наиболее подходящий вариант – *extraction*. Итак, на наш взгляд, вариант, наиболее адекватно отражающий смысл названия данной статьи, – «Automated robotic assembly for selective coal seam extraction».

Далее, необходимо перевести название статьи «Динамика газовыделения в отработанные пространства шахт» [4, с.52]. Для переводчика может представлять трудность выражение «отработанные пространства шахт». В словаре нет термина «отработанные пространства»; видимо, автор применил профессиональный жаргон и это синоним имеющегося в словаре слова «выработанное пространство»: *goaf*; *mined-out space*; *open area*; *stripped area*; *waste area*; *worked-out area*. Как отмечает в своей книге по ремеслу технического перевода Н. Климзо, в научных статьях авторы нередко употребляют профессиональный жаргон, делают различные стилистические и смысловые ошибки, «стиль изложения статьи практически не регламентируется», текст «ником не редактируется» [5, с.144]. И переводчик должен исправлять эти ошибки, понимать, что имел в виду автор и делать англоязычную статью красивее, чем её оригинал. В результате анализа англоязычных сайтов мы пришли к выводу, что наиболее часто среди носителей языка используется «*goaf*», «*goaf area*». Неопытный переводчик «Динамика газовыделения» перевёл бы как «Dynamics of gas evolution». Тем не менее, поиск на англоязычных сайтах не дал ни одного совпадения с этим словосочетанием – следовательно, оно не характерно для англоязычной практики. Поэтому мы рекомендуем перевести словосочетание «gas flow dynamics in goaf areas». Следует отметить, что в переводе отсутствует слово «шахта». Мы убрали его из английской версии, так как в англоязычных текстах словосочетания «mine goafs» или «goafs of mines» используются мало (в основном такие словосочетания нам встречались на китайских англоязычных сайтах, то есть этот вариант не от носителей языка). В словаре даётся следующее определение слова «goaf»: «That part of a mine from which the mineral has been partially or wholly removed» [6] – таким образом, под *goaf* и так подразумевается, что это отработанное пространство шахты.

Необходимо также затронуть понятие «горная выработка» – оно часто встречается в текстах по горному делу и имеет разные варианты перевода. Мультитран даёт следующие варианты: *excavation, stope, working, underground working, mine opening, heading, entry, roadway*. Для автора перевод данного слова представлял сложность в начале практической деятельности, так как в русском языке среди специалистов по горному делу слово «выработка» очень популярно, хотя это общее название для различных полостей в толще породы. «Горная выработка – полость в толще горных пород, образованная в результате ведения горных работ и служащая для разработки месторождений полезных ископаемых» [7]. Имеется чёткая классификация выработок: шахтный ствол, штрек, камера, лава, тоннель и т.д. В английском же языке, как мы выяснили, нет чёткой классификации, и в различных источниках используются разные термины (то есть нет определённого термина для обозначения понятия «горная выработка»). Приведём дефиниции, относящиеся к различным типам выработок, составленные Горнорудным Управлением США: *Excavation: a pit, cavity, hole, or other uncovered cutting produced by excavation. Stope: any excavation in a mine, other than development workings, made for the purpose of extracting ore. An excavation from which ore has been removed in a series of steps. Working: a working may be a shaft quarry, level, opencut, or stope, etc. Usually in the plural. Workings – 1. Any area of development; usually restricted in meaning to apply to breasts, etc., in contradistinction to gangways and airways. Often used in a broader sense to mean all underground developments. 2. The entire system of openings in a mine. Typical usage restricts the term to the area where coal, ore, or mineral is actually being mined. Heading: A gangway, entry, or airway. Entry: An underground passage used for haulage or ventilation, or as a manway* [8]. Единственный для переводчика способ выбрать правильный эквивалент слова «выработка» – изучить переводимый материал и понять, какую именно выработку имеет в виду автор и на основании этого выбрать из вышеперечисленных терминов самый подходящий по смыслу.

Таким образом, мы вкратце изложили примерный принцип нашей работы по переводу – поиск эквивалентных значений по англоязычному сегменту интернета, сравнение дефиниций. Данный методический подход к переводу будет разработан нами в рамках более широкого исследования.

Список литературы

1. Ермеков Т.Е., Исабек Т.К., Исабеков Е.Т. Очистной комплекс роботизированный с автоматизированным управлением для селективной выемки угольных пластов. // Труды университета, Караганда: Изд-во КарГТУ, 2015 г. № 3(60). С. 44-48.
2. Шаровар И.И., Виткалов В.Г., Мельник В.В., Рештаненко А.А. Перспективные технологии агрегатной выемки крутых угольных пластов // Горная Промышленность. №1. – 2009. С. 60.
3. Assembly.//www.macmillandictionary.com/
4. Садчиков В.А., Садчиков А.В., Жолмагамбетов Н.Р., Жолмагамбетов С.Р. Динамика газовыделения в отработанные пространства шахт.// Труды университета, Караганда: Изд-во КарГТУ, 2015 г. № 3(60). С. 52-55.

5. Климзо, Б.Н. Ремесло технического переводчика: Об английском языке, переводе и переводчиках научно-технической литературы. 2-е изд., переработанное и дополненное. –М: Р.Валент, 2006. – 508 с.
6. [Goaf://en.wiktionary.org/wiki/goaf](http://en.wiktionary.org/wiki/goaf)
7. Картозия Б.А. и др. Шахтное и подземное строительство. Том 2. Учебник для вузов. М., изд-во Академии горных наук, 2001. – 582 с.
8. Thrush, P.V., 1969. A Dictionary of Mining, Mineral, and Related Terms. U.S. Bureau of Mines, Spec.publ., 1269 pp.

ИНТЕРАКТИВНЫЙ ХАРАКТЕР РЕЧЕВОГО ОБЩЕНИЯ

Долженков В.Н.

доцент кафедры лингвистики и перевода, канд. филол. наук,
Российский государственный социальный университет, Россия, г. Москва

В статье рассматривается интерактивный характер речевого общения, являющегося продуктом взаимоотношений говорящего со слушающим. Общение отражает складывающиеся отношения между его участниками в конкретной ситуации. Подчеркивается большое значение ориентации слова на собеседника, которое по сути представляется двусторонним актом.

Ключевые слова: общение, интерактивный характер, говорящий и слушающий, слово, понимание текста.

В процессе общения складывается своеобразный «общий фонд» информации, которым может пользоваться каждый из партнеров по общению; складываются новые специфические механизмы регулирования динамики индивидуальных познавательных процессов, формируются совместные стратегии решения задач и общий для группы стиль деятельности. Общение выступает как открытая и весьма подвижная система, обеспечивающая возможность распределения (и перераспределения) функций между его участниками, смены ролей по ходу решения задачи, взаимного содействия (или противодействия), взаимной коррекции и контроля, взаимной компенсации. Важным его моментом является рефлексивность. Общение всегда имеет конкретно-ситуативный характер и протекает так, как складываются отношения между его участниками; общение несет на себе отпечаток всей системы этих отношений.

Самый процесс общения разворачивается как последовательность циклов, каждый из которых представляет собой сопряженный акт партнеров по общению. Цикл начинается с выявления задачи (или подзадачи), которая возникает в ходе совместной деятельности, и завершается согласованием принимаемых каждым из участников общения решений. Последовательность циклов не предопределяется какой-либо заранее сформированной программой, планом. Она весьма лабильна и направляется самим ходом выполняемой совместной деятельности. Взаимосвязи между участниками общения двусторонние и взаимнообратимые.

В ходе общения представления, понятия, решения, принципы и стратегии деятельности участников подвергаются согласованию [5, с. 244]. Таким

образом, даже признавая неполноту приведенных научных обобщений, что делал и сам их автор, можно считать убедительно доказанным, что речевое общение носит интерактивный характер. Более того, интерактивность характеризует не только процесс речевого общения в целом, но и отдельные его фазы, в частности такую фазу, как понимание речевого сообщения.

Так, интерпретация дискурса как определенного речевого акта (или серии речевых актов) является частью интерпретации взаимодействия участников коммуникации в целом. В процессе общения и у говорящего и у слушающего есть свои мотивы, цели и намерения; то же самое относится и к другим действиям, осуществляемым в данной ситуации, с которыми связаны речевые действия. Следовательно, прагматическое основание коммуникации следует обобщенно считать интерактивным основанием [3, с. 160]. Понимание – «это не просто пассивное конструирование репрезентации языкового объекта, а часть интерактивного процесса, в котором слушатель активно интерпретирует действия говорящего» [3, с. 161].

М. Монтень высказал мысль о том, что «произнесенные слова принадлежат наполовину говорящему, наполовину слушающему» и о том, что «последний должен принимать их так, как они ему брошены, подобно тому, как во время игры в мяч принимающий делает те или иные движения в зависимости от движений бросающего или от характера броска» [6, с. 590]. Продолжая предложенную аналогию, которую мы расцениваем как чрезвычайно удачную, следует только добавить, что и говорящий формирует и использует слова с учетом того, как слушающий может их понять, подобно тому, как во время игры в мяч движения бросающего и характер броска определяются тем, какие движения способен сделать принимающий мяч и к каким движениям стремится бросающий побудить принимающего. Понимание текста является, таким образом, фрагментом интерактивной процедуры.

С особой яркостью представления о существенной роли фактора адресата и о социально-интерактивной природе высказывания сформулированы в работах М. М. Бахтина. В частности, выдающийся ученый указывает, что конкретное высказывание «родится, живет и умирает в процессе социального взаимодействия высказывания». Его значение и форма в основном определяются формой и характером этого взаимодействия. Оторвав высказывание от этой реальной питающей его почвы, мы теряем ключ как к его форме, так и к его смыслу, – в руках у нас остается или абстрактно-лингвистическая оболочка, или абстрактная же схема смысла (пресловутая «идея произведения» старых теоретиков и историков литературы) [2, с. 83].

Излагая свои взгляды на социальную природу языкового знака, М. М. Бахтин отмечал, что «знак может возникнуть лишь на междоиндивидуальной территории» [2, с. 76], что высказывание строится между двумя социально организованными людьми. Слово ориентировано на собеседника, ориентировано на то, кто этот собеседник: человек той же социальной группы или нет, выше или ниже стоящий (иерархический ранг собеседника), связанный или не связанный с говорящим какими-либо более тесными социальными узами (отец, брат, муж и т.п.). Абстрактного собеседника не может быть. Значение ориентации слова на собеседника – чрезвычайно велико. В сущности, слово яв-

ляется двусторонним актом. Оно в равной степени определяется как тем, что оно, так и тем, для кого оно. Оно является как слово именно продуктом взаимоотношений говорящего со слушающим. Всякое слово выражает «одного» в отношении к «другому». В слове я оформляю себя с точки зрения другого, в конечном счете, себя с точки зрения своего коллектива. «Слово» в речи воспринимается как индивидуальный процесс творчества, обусловленный социальным кругозором, представляющим тот круг значений, который характерен для сознания индивидуальной личности и обусловлен конкретным историческим временем и культурной ситуацией эпохи. [4, с. 81].

В другой работе М.М. Бахтин отмечает: “Говоря, я всегда учитываю апперцептивный фон восприятия моей речи адресатом: насколько он осведомлен в ситуации, обладает ли он специальными знаниями данной культурной области общения, его взгляды и убеждения, его предубеждения (с нашей точки зрения), его симпатии и антипатии – ведь все это будет определять ответное понимание им моего высказывания. Этот учет определит и выбор жанра высказывания, и выбор композиционных приемов, и, наконец, выбор языковых средств” [1, с. 291]. Выдающийся теоретик в приведенных словах по сути дела формулирует идею интерактивно-конструктивной детерминации, или причинно-следственной определенности и построения дискурса в его реальной онтологии.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1986. – 444 с.
2. Волошинов В.Н. Слово в жизни и слово в поэзии // Бахтин М. (Под маской)., – М.: Лабиринт, 2000. – С. 72 – 94.
3. Дейк Т.А. ван, Кинч В. Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. – Выпуск XXIII. – Когнитивные аспекты языка / Сост., ред. и вступ. статья В.В. Петрова и В.И. Герасимова. – М.: Прогресс, 1988. – С.153-211.
4. Колмакова В.В. Концепция диалогизма М.М. Бахтина в современной рекламной коммуникации // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 10 (40). Ч. 2.- С. 80-83.
5. Ломов Б.Ф. Особенности познавательных процессов в условиях общения // Ломов Б.Ф. Системность в психологии. – Избранные психологические труды / Под ред. В.А. Барабанщикова, Д.Н. Завалишиной и В.А. Пономаренко / Вступ. статья В.А. Барабанщикова, Д.Н. Завалишиной и В.А. Пономаренко. – М.: Изд-во «Институт практической психологии», Воронеж: НПО «МОДЭК», 1996. – С. 220-245.
6. Монтень М. Опыты. – М.: Мысль, 1991. – 704 с.

НАЗВАНИЯ, СВЯЗАННЫЕ СО СМЕРТЬЮ В ЧЕЧЕНСКИХ НАРОДНЫХ СКАЗКАХ

Идразова Э.С.-А.

ассистент кафедры иностранных языков,
Чеченский государственный университет, Россия, г. Грозный

В статье впервые рассматриваются, встречающиеся в чеченских народных сказках термины, связанные со смертью. Приводятся лексемы и описание особенностей похоронного ритуала, раскрывающие отношение чеченцев к смерти.

Ключевые слова: народная сказка, термины, связанные со смертью, ритуал.

Проводы человека в последний путь у чеченского народа, пожалуй, сохранились в своем первозданном, архаичном виде. Чеченцы очень отзывчивы на чужое несчастье. Если в селе кто-то умирает, то все люди собираются, чтобы выразить соболезнования, оказать моральную поддержку, а если надо, и материальную помощь. Семья открывает настежь ворота или двери, показывая тем самым, что в этом доме горе. Во дворе хозяина собираются мужчины, к которым приходят почти все взрослые соседи, родственники, односельчане (в сказках этот ритуал описывается так: *«Божарий тезете хIиттина*. Мужчины собрались на соболезнование, букв. мужчины на траур (похороны) встали).

Считается, что на свадьбу приходить не обязательно, за это не обидятся, а посетить похороны – долг каждого.

В соседнем доме собираются женщины, которые словами утешения, сочувствием или громким плачем разделяют горе тех, кто потерял близкого человека (в сказках очень четко характеризуется поведение женщин на похоронах: *«зударий белхарга хевшина* – женщины оплакивают умершего, букв. женщины плакать сели).

В похоронном обряде процессу выражения соболезнования придается огромное значение [4].

В чеченских народных сказках встречаются следующие термины, связанные со смертью человека:

тезет «букв. траур, похоронный ритуал, место поминок во дворе, куда приходят родственники и знакомые покойника для выражения соболезнования» (сказка «Кхо ваший, наьрт-эрстхой» [2, с. 68] *«Ловзаргахь сакъера баьхкина божарий – тезете хIиттина, зударий – белхарга хевшина*. Пришедшие повеселиться на свадьбу мужчины – встали в похоронный ритуал, а женщины – заплакали;

дакъа «тело, труп» (в сказке «Докъаца кхоллам» [1, с. 155]: *«Ма хаза йоI яра хьо, докъаца кхоллам бацахъара*. Какая же ты красивая девушка, но ждет тебя жизнь с трупом (мертвецом)»;

кешнаш «кладбище», *белларш* «мертвецы», *каш* «могила» (сказка «Кхо ваша» [1, 62]: *«– Со велча, суна туьхан тIулгах дан а дай чурт а догла, наггахь тIедуьлий, коша тIе а хIитта, – аьлла*. Когда я умру, сделайте мне надмогильный памятник из каменной соли и иногда приходите к могиле»);

барма «носилки для усопшего (умершего)» – это четырёхугольные обитые тонкой кожей или дерматином с длинными ручками носилки, которые вносят в дом, устилают ковром, на который кладут тело покойного, покрывают его чёрной буркой или специальной тканью и выносят во двор;

къубба «гробница» (в сказке «ХIапуза а, Гюзигат а» [3, с. 230]: *«...ахъа Гюзигатан коша тIехь дешица, детица кхелина къубба яхь...* (букв....если ты на могиле Гюзигата из золота и серебра сделаешь гробницу) если ты для Гюзигата из золота и серебра сделаешь гробницу...»);

весет «завещание» (сказка «Мискачу стеган к1ант» [2, с. 138]: «*Ша вала дас весет дина к1анте*. Перед смертью отец сделал завещание сыну»);

чурт «памятник (надмогильный)» (сказка «Наьрт-эрстхойн паччахь Наураз» [2, с. 39]: «*И чурт ду боху пхи центнер беза хир болуш болу т1улг*. Этот памятник говорят – камень весом примерно в пять тонн»);

елла зуда «мертвая женщина» (в сказке «Кхаа йишин туьйра» [2, с. 47]: «*Дукха хан ялале зуда елла, дай кхо йо1лий дисина. Шен еллачу зудчун сийна зуда ца ялош вехха 1ийна да, шен кхо йо1 а кхобуш*. Прошло немного времени и жена умерла, отец и три дочери остались одни. Долго отец не женился в честь своей покойной жены (в память о своей умершей жене), воспитывая трех своих дочерей;

марчо «саван» (сказка «Ден йо1лий, г1арбашший [3, с. 285]: «*Цигахь, марчо а хьарчийна, д1аволла кечвина стаг гина йо1ана*... Там, обернутого в саван, приготовленного к погребению человека, увидела девушка...»);

када даха «нанести визит с соболезнаваниями (к близким родственникам покойного)» (сказка «Барзана хилла тешнабехк» [3, с. 334]: «*Цхьана иччархочо йинчу чевнах еллачу чана када даха гулделла дерриге а акхарой*. Собрались все звери нанести визит с соболезнаваниями по медведю, погибшему от раны, нанесенной одним (неким) охотником»).

Таким образом, обнаруженные нами в сказках термины, связанные со смертью доказывают не только то, что чеченцы с древних пор очень трепетно и с большим участием относились к смерти, но и то, что традиции и ритуалы похорон сохранились у чеченцев с древности.

Список литературы

1. Джамалханов З.Д., Уциев А.Х. Туьйранаш, шира дийцарш, кицанаш, х1етал-металш. – Грозный: ГУП «Книжное издательство», 2007. 768 с.
2. Джамбеков Ш.А. Нохчийн фольклор. – Грозный: Чеч-Инг. издат. «Книга», 1991. – 592 с.
3. Джамбеков О.А., Джамбекова Т.Б. Чеченское устное народное творчество. Учебное пособие. Часть вторая. – Махачкала: АЛЕФ (ИП Овчинников). – 478 с.
4. Интернет сайт – Традиции и обычаи вайнахов. Ссылка <http://che.rus4all.ru/traditions/20120905/723418204.html>

ТЕРМИНЫ ПРИВЕТСТВИЯ, ВСТРЕЧАЮЩИЕСЯ В ЧЕЧЕНСКИХ НАРОДНЫХ СКАЗКАХ

Идразова Э.С-А.

ассистент кафедры иностранных языков,
Чеченский государственный университет, Россия, г. Грозный

В статье впервые рассматриваются термины приветствия, встречающиеся в чеченских народных сказках, которые раскрывают как специфические (отличительные) черты чеченского народа, его культуру, обычаи и традиции, так и некоторые языковые особенности.

Ключевые слова: народная сказка, термины приветствия, культуру, обычаи, традиции.

Термины приветствия лучше всего раскрывают как специфические (отличительные) черты чеченского народа, его культуру, обычаи и традиции, так и некоторые языковые особенности.

Чеченцы в сказках, как и в жизни, раскрывают свои объятия и, широко улыбаясь, приветствуют всех, кто с миром приходит в их дом, на их Землю – Марша вог1ийла! «Да будет твой приход свободным!» – говорят чеченцы вместо – здравствуй. Марша 1ойла! «Живи свободным!» – говорят чеченцы, уходя. Ибо свобода для чеченцев не только философия существования – это норма жизни. С молоком матери закладывалось в человеке все самое ценное, что бережно хранил и передавал из поколения в поколение народ [4, с.5].

Если проанализировать сказочные термины приветствия и прощания, то в большей части выражений наблюдается частое употребление не только слова маршо «свобода», но и слова дика «добро (все хорошее, положительное), хороший, добрый, качественный» [3, с.146]:

– *Марша вог1улда хьо, хьаша, марша вог1ийла хьо!* «Да будет твой приход свободным, гость. Да будет свободным!»;

– *Марша йог1ийла хьо!* «Да будет твой приход свободным!» (данное обращение адресовано к женщине);

– *Де дика хуьлда хьан...* «Да будет день твой хорошим»;

– *Диканца дукха ехийла хьо* «букв. хорошо долго живи ты, т.е. будь счастлива»;

– *Суйре дика хуьлда хьан, молла* «Да будет вечер твой добрым, мулла»;

– *Ой, диканца дукха ехийла хьо, марша!* «Будь счастлива (живи долго), живи в мире!»;

– *Диканца дукха а вехийла, марша а вог1ийла!* «Живи в мире, да будет твой приход свободным!»;

– *1одикайойла хьан* (сложное слово *1одикайойла*, состоит из трех основ: *1ар* «масд. покой, неподвижность» + *дика* «хорошо» + *йойла* «будет» и означает «счастливо оставаться»)

– *Марша 1ойла хьо* «Живи свободно!»

– *Салам маршала...* «приветствие»

– *Некъ дика хуьлда хьан* «букв. дорога хорошей будь твоя, т.е. счастливого пути!».

Так, например: сказка «Кхаа йишин туьйра» [2, с.47]: «-- *Марша вог1улда хьо, хьаша. Со х1инца хьоьга янза ер яц, хьоьга а, хьан йишега а безам бахана сан, гечдо аса хьуна, хьох т1улг ца хуьлуйтуш.* – Да будет твой приход свободным, гость. Теперь мне ничего не остается, как выйти за тебя замуж, я полюбила тебя и твою сестру, я прощаю тебя и не превращу тебя в камень».

В чеченских народных сказках довольно часто встречается такая форма приветствия, как: – *Ассалам 1алайкум* «приветствие, означающее “мир вам” – *Ва 1алайкум салам* «и вам мир». Например, в сказке «Шина доттаг1чун туьйра» [2, с. 56]:

«– *Ассалам 1алайкум, дала жа ма дебадойла хьан, зуламан дан, – аьлла вистхилла Баймарза наьрт-эртхочуьнга Асране.*

- *Ва Iалайкум салам, нахам-м дебийла ма алара шена, ахьа ма дебийла ма боху шена? – аьлла вистхилла Асран наьрт-эрстхо.*

- Мир вам, да не позволит бог размножаться твоей отаре во имя зла, – заговорил Баймирза с нарт-эрстхойцем Асраном.

- И вам мир, люди желают размножения моей отары, а ты желаешь не размножаться, – ответил нарт-эрстхоец Асран».

Или в сказке «Т1уьйлиг» [1, с.128]:

«- *Салам а луш:*

- Приветствую:

- *Ассалам Iалайкум*

- Мир вам

- *Ва Iалайкум салам*

- И вам мир»

Несмотря на то, что термины *салам*, – *Ассалам Iалайкум*, – *Ва Iалайкум салам* являются заимствованными из арабского языка, они прочно вошли в лексический состав чеченского языка и являются (чуть ли не единственной) формой приветствия среди мужчин. Что не удивительно, ведь после принятия чеченцами ислама из арабского языка были заимствованы многие термины (особенно религиозные), которые широко употребляются в чеченском языке.

В сказках четко отражается отношение чеченского народа, как к гостям, так и друг к другу. Желание мира и добра в приветствии доказывает, что чеченцы миролюбивый и гостеприимный народ. А выражение *Марша Iойла!* «Живи свободным!», довольно часто встречающееся в сказках, как нельзя лучше характеризует свободолюбивый нрав чеченского народа.

Список литературы

1. Джамалханов З.Д., Уциев А.Х. Туьйранаш, шира дийцарш, кицанаш, х1етал-металш. – Грозный: ГУП «Книжное издательство», 2007. 768 с.
2. Джамбеков Ш.А. Нохчийн фольклор. – Грозный: Чеч-Инг. издат. «Книга», 1991. 592 с.
3. Мациев А.Г. Чеченско-Русский словарь. – М.: ГИИНС, 1961. – 625 с.
4. Хамидова З. Х. Нохчийн туьйранаш. Чеченские сказки. – М., 2003. – 305 с.

GENDER FEATURES OF CONTEMPORARY BRITISH ADVERTISING DISCOURSE

Кильсенбаева А.А.

студентка 3 курса филологического факультета, Стерлитамакский филиал
Башкирского государственного университета, Россия, г. Стерлитамак

Саттарова Р.В.

ассистент кафедры германских, Стерлитамакский филиал
Башкирского государственного университета, Россия, г. Стерлитамак

Advertising images inform us not only about products and services, but also about community relations, including interpersonal relationships between men and women. The vast majority of people believe in gender stereotypes presented in advertising. The article gives an analysis

of gender features of contemporary British advertising discourse. In conclusion, the author says that man has a positive assessment, and woman in most cases has a negative one.

Key words: gender features, British advertising, advertising discourse, gender stereotypes.

*The emotional, sexual, and psychological stereotyping
of females begins when the doctor says, "It's a girl."
Shirley Chisholm*

Advertising images convey information not only about products and services, but also about community relations, including interpersonal relationships between men and women. The vast majority of people believe in gender stereotypes presented in advertising. That is what determines the topicality of the research. The aim of the present research is the analysis of gender stereotypes that exist in the British advertising from sociocultural point of view. The object of linguistic analysis covers advertisements in the United Kingdom. The subject of linguistic analysis is gender features of modern advertising.

Discourse is a stream of speech, language in its constant motion that reflects a historical epoch as well as individual and social peculiarities of both a communicant and a communicative situation. Discourse expresses national and individual mentality and culture [Nelyubin 2003: 37].

Discourse, being a dynamic process, conveys functional features of speech and has a set of pragmatic, expressive and cognitive properties. As for the language of advertising, it is important to distinguish between oral and written types of discourse, which have their own differences.

Advertising texts reveal the main content of advertising messages. Their mission is to draw attention of potential buyers, get them interested in offered goods or services and convince to buy them. The main structural elements of advertising texts are a title, the body and motto. Besides, a subtitle, inserts and frames, various print, logos and signatures are used [Spirkin 1987: 426].

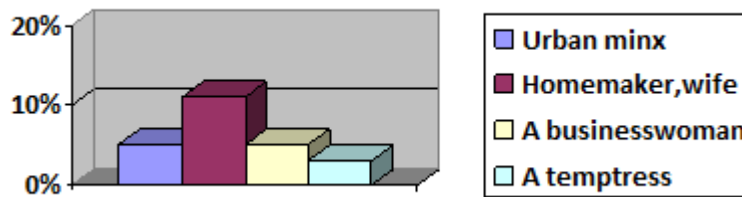
Gender stereotypes are «simplified, schematized, emotionally distinct images of men and women which are supposed to be characteristic of all members of a particular gender community regardless of personal features of those or other representatives» [Gritsanov 2009: 65].

The research is based on analysis of 100 commercials in Great Britain, which were created since 1985. Methods of study includes a method of contextual analysis, content analysis, and quantitative analysis.

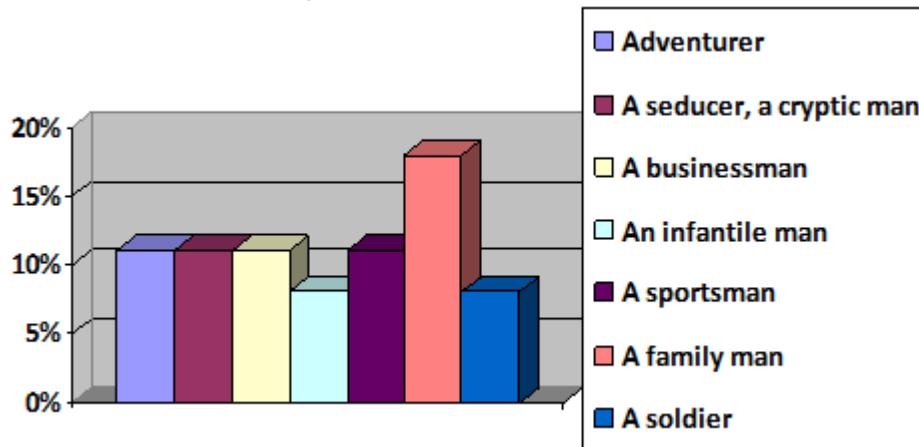
The study of commercials brought us to the following conclusions: 1) 32% of advertisements described animals. Animals advertise some kinds of products: cats – milk, dogs – meat, cows – chocolate, some dairy products, squirrels – chocolate with nuts. 2) 56% of advertisements depicted people; 3) 22% out of inanimate subjects in the limelight.

The commercials under study allowed us to distinguish several types of gender stereotypes:

a) Woman in advertising:

b) Man in advertising:

Such peculiarities of gender stereotypes are observed in British advertising:

1. The dominance of strength, mass, where the minor gender appears as small and fragile (12 from 66 cases). In most cases, men protect women from something, thereby infringing the significance of the feminine sex.

2. Differences of position in space when the image is dominated by a figure of a sitting or lying person (10 cases). In most cases, there is a man hanging over a woman, displaying all space in a room or scene.

3. Demonstration of events or movements, in which the secondary image of gender is more static (3 cases). For example, in the one of commercials man sits tranquilly on the table despite a woman fussing around him and squealing about her problem – no worthy fur coat to wear.

4. Facial expressions and postures of characters allowing to differentiate them by status (10 cases): a master – a female slave, a boss – a secretary, a first-class passenger – a stewardess.

Gender stereotypes are characterised as international where man has a positive assessment, and woman in most cases has a negative one. In the end, it is necessary to point out that males attract main attention because they play a big role in advertisements of popular and prestigious brands like cars, alcoholic beverages, models of computers and other electronic devices. Whereas the female gender prevails in such commercials as advertising of clothing, cosmetics, jewelry. Most commercials based on the image of woman as housewife and mother, as well as on the image of a family man. From this it can be concluded that the advertising in the UK mainly carries a family, homey character, which is undoubtedly the most important factor in the sphere of marketing.

References

1. Gritsanov A.A., Abushenko G.M., Evelkin G.M., Sokolova G.N., Tereshhenko O.V. (2009) *Sotsiologiya: Entsiklopediya*, [Sociology: Encyclopedia], Minsk: Bookshop (in Russian) – P. 274.
2. Kim Bartel Sheehan: *Controversies in Contemporary Advertising*, Second Edition. – SAGE Publications, Inc., 2014 – P. 51.
3. Nelyubin L.L. (2003) *Tolkovyj perevodovedcheskyj slovar*, [The Explanatory dictionary of the theory of translation], Moscow: Science. (in Russian) – P. 45.
4. Spirkin A.G., Anchurin I.A., Karpinskaya R.S. (1987) *Slovar inostrannykh slov*, [The vocabulary of foreign words], Moscow. (in Russian) – P. 426.
5. Gender images of advertising [Electronic resource]. – URL: http://library.by/portalus/modules/psychology/referat_show_archives.php?archive=1120045907&id=1107775837&start_from=&subaction=showfull&ucat=27 (accessed 27.10.15).
6. Gender stereotypes in advertising [Electronic resource]. – URL: http://www.socreklama.ru/analytics/list.php?ELEMENT_ID=5461&SECTION_ID=107 (accessed 29.10.2015)

ОБРАЗ БЕДНОГО ЧЕЛОВЕКА В КОМПАРАТИВНЫХ ПАРЕМИЯХ АНГЛИЙСКОГО И НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Лызлов А.И.

доцент кафедры иностранных языков, канд. филол. наук, доцент,
Смоленский государственный университет, Россия, г. Смоленск

Данная статья посвящена рассмотрению паремических единиц английского и немецкого языка, в плане содержания которых присутствует образ бедного человека. Построенные на основании компаративных моделей, которые являются достаточно типичными для паремических выражений, исследуемые паремии характеризуются наличием оценочных значений. Образы, используемые в качестве области-источника в сравнительных конструкциях рассматриваемых единиц, могут представлять собой как уникалии, так и универсалии, которые встречаются в пословично-поговорных выражениях обоих языков.

Ключевые слова: английские паремии, немецкие паремии, компаративность, оценка, универсалии, уникалии.

Данная статья посвящена сравнительному описанию английских и немецких паремических единиц, построенных на основании компаративных моделей, поиску сходств и различий в образных структурах данных языков.

Иными словами рассматриваемые паремические единицы, порожденные английским и немецким языками, нужно отметить, языками близкородственными, построены как сравнительные единицы. Образное сравнение характеризуется наличием двух элементов, того, что сравнивается и того, с чем сравнивается. Первое Лакофф и Джонсон называют областью цели, второе – областью источника [4, с. 13].

Как отмечает В.М. Мокиенко, любой язык это весьма разнородный сплав своего и чужого, исконного и заимствованного, глубинно народного и «поверхностно» книжного. Рассматривая паремии в сравнительно-сопоставительном аспекте, отмечая уникальные для определенного языка об-

ласти и описывая те сферы, где языки близки, нельзя не отмечать, что наличие сходных паремических единиц опосредовано заимствованием из других языков, которые носят название интернационализмов [2, с. 178].

Описываемые единицы объединяет также тот факт, что они характеризуются наличием в их форе содержания ключевого элемента – концептуального образа бедного человека.

Многие концептуальные единицы в рамках конкретных языковых единиц могут объективировать оценочную семантику. В работах З.Д. Поповой и И.А. Стернина дается следующее определение концепта: дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной деятельности личности и общества и несущее комплексную энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету [3, с. 34].

Н.Ф. Алефиренко описывает содержание концепта как взаимодействие: когнитивной, эмотивно-оценочной и языковой сфер. Каждая из этих сфер находит особое преломление в содержании концепта, делая его многоярусным образованием, выполняющим роль речемыслительного посредника между языковым знаком и мыслительными корреляциями этого знака – образами, представлениями и понятиями [1, с. 80]. Рассматриваемый образ, несомненно, имеет ярко выраженный эмоционально-оценочный потенциал.

Рассмотрение вопросов богатства и бедности в эпоху английского языка не могло обойтись без ссылок на священное писание – основной источник в разрешении вопросов этического свойства. Среднеанглийская паремическая единица: **as poor as Job** (WDP) дает нормативную оценку бедности. В ней бедняк сравнивается с библейским персонажем – Иовом, претерпевшим, как известно, немало злоключений на своем жизненном пути. Данная паремическая единица, являясь библейским заимствованием, является универсальной единицей.

Рассматриваемая фраза обрела новое звучание в американском варианте английского языка. Паремическая единица: **as poor as Job's turkey** (ERPD) характеризуется расширением компонентного состава, и, соответственно, изменением значения. Налицо детализация смысла. В плане содержания рассматриваемой единицы не без иронии упоминается не столько сам библейский пророк Иов, сколько его индейка. Известно, что во времена, когда создавались библейские тексты, такое животное как индейка не было известно ни в Европе, ни в Азии, ни в Африке.

В немецком языке также существует компаративно-оценочная поговорка, указывающая на Иова как на образ, являющийся эталоном крайней бедности: **arm wie Hiob** (DR). Как и в случае с английским языком, мы имеем дело с заимствованием из общего источника – Библии.

Ирония была свойственна многим поговоркам, свидетельством чему служит паремическое высказывание: **as rich as a new shorn sheep** (WDP).

Данная единица характеризуется наличием образа остриженной овцы, которая, конечно же, в течение определенного времени, не может быть источником дохода. Использование в описываемой компаративно-оценочной паремии предикатива «богатый» в сочетании с образом «бедной овечки» является лишним доказательством присутствия иронии в плане содержания рассматриваемой паремической единицы.

Компаративно-оценочные паремические высказывания используются для нормативного маркирования рассматриваемого понятия. Ряд паремий используют образы тематики фауны для образно – оценочного описания бедности. Образом бедности является известный представитель грызунов – мышь. Наиболее известной единицей, описывающей бедность, является паремия: **as poor as a church mouse** (WDP), в которой выводится образ церковной мыши. Данная единица универсальна, поскольку встречается во многих языках. Однако существует и другая единица: **as poor as a rat** (WDP). В ней присутствует образ крысы, который характеризуется негативной оценкой. При этом наблюдается расширение значения паремии, в ней говорится о более обобщенном образе, содержащем ярко выраженную оценку, о крысе вообще. Австралийская компаративно-оценочная единица: **as poor as a bandicoot** (ERPD) задействует образ сумчатого грызуна, родиной которого является Австралия. Помимо местного колорита, рассматриваемая единица не получила никаких изменений в значении по сравнению с паремиями, в которых задействованы образы более привычных для европейца грызунов, рассмотренных нами выше.

Идея о том, чтобы сравнивать бедного человека с церковной мышью, которой совсем нечем поживиться, является универсальной. В немецком языке данная мысль звучит как: **arm wie ein Kirchenmaus sein** (DR).

Наиболее поздней компаративной единицей, содержащей образы фауны для оценочного маркирования бедности, является английская паремическая единица: **as poor as owls** (ODP). В ней задействован образ сов. Примечательно, что образ пернатых используется в паремии во множественном числе, что случается далеко не всегда. Еще одной компаративно-оценочной единицей, в которой объективирован образ птиц, является единица: **as poor as fowl** (ERPD). В данной единице присутствует собирательный образ, образ дичи. Во втором своем значении слово **fowl** используется для наименования домашней птицы. Данный образ характерен исключительно для английского языка.

Образ древесины как вариант объективации бедности в компаративно-оценочных единицах свойственен только английскому языку. Данный образ встречаем в паремии: **as poor as wood** (ERPD), которую можно назвать уникальной. Нужно отметить, что рассматриваемая единица с течением времени утратила связь с речевой ситуацией, породившей ее, и в данный момент она является немотивированной.

Никому не нужны советы небогатого человека: **a poor man's wisdom is as useless as a palace in a wilderness** (ODP). План содержания данной компаративно-оценочной паремии говорит о том, что мудрость бедняка так же

бесполезна, как и дворец в глуши. Прагматика ряда паремических высказываний направлена на моральную поддержку людей, попавших в тяжелое материальное положение: **he is not poor that has little but he that desires much** (WDP). Данная паремия учит нас быть умеренным в своих желаниях, в ней говорится о том, что беден не тот, кто мало имеет, а тот, кто много желает. Умение достигать поставленные задачи делает человека счастливым, поэтому нужно уметь ставить достижимые цели. Данная паремическая единица имеет несколько более поздний вариант: **he is rich that has few wants** (WDP). В ней также постулируется положительная оценка скромным желаниям, но акцент в рассматриваемой единице делается на идее богатства.

В немецком языке есть много уникальных паремий, посвященных бедности. Среди тех из них, которые построены на основании компаративных конструкций, которые содержат иронию, примером чему может служить единица: **das ist nicht wie beim armen Leuten** (DR). В случае, если представители германоязычной культуры хотят показать свой достаток, они говорят, о том, что у них все делается не так, как у бедных людей.

Бедность в средневековье могла рассматриваться как наказание за грехи. Олицетворением темных сил в представлении людей эпохи, когда создавались паремии, является дьявол. Он и появляется в паремии: **hinter etw. her sein wie der Teufel hinter der armen Seele** (DR). Он стремится поймать в свои сети заблудшие души, в данном случае – души бедняков.

Существуют различные проявления нужды, об этом нам напоминает немецкая паремическая единица: **armut hat einen Sinn, mehr hat die Not** (DS). В ней речь идет о том, что в условиях неблагоприятных, в стрессовых ситуациях человек задействует все свои ресурсы, в том числе ментальные. И чем острее кризис, тем в большей степени проявляется его мыслительный потенциал. Идея о том, что лучше подать милостыню, чем просить ее проявляется в компаративном паремическом высказывании немецкого языка: **es ist besser die Armen sitzen vor seiner Tür, als du vor ihrer** (DS). В ней для описания бедности используется локативный образ двери, точнее, в ней имплицитно используется образ нищего, стоящего под дверью с просьбой о подаче. Немцы – любители золотой середины. Богатство и бедность – крайние проявления материальной обеспеченности человека. Превосходная мелиоративная оценка умеренности в паремии: **zwischen Armut und Reichtum ist das beste Leben** (DS) является доказательством этому.

В результате исследования мы приходим к следующим выводам. Сфера компаративной оценки задействует образ бедного человека как в паремиях английского, так и родственного ему немецкого языка. Компаративные модели рассматривают различные образы в качестве области-источника. Некоторые из них, такие, как образ Иова или мыши являются универсальными и встречаются в рассматриваемых языковых системах, тогда как образы индейки, домашней птицы или древесины являются уникальными для английского языка, они не встречаются в немецком языке. В свою очередь немецкая паремическая система задействует такие универсальные для рассматриваемой сферы образы как образ дьявола. Для немцев характерно описывать бед-

ность в относительном плане, на что указывает ряд компаративных паремий, рассматривающих различные проявления бедности.

Источники материала и сокращения

1. ERPД – Кунин, А. В. Большой англо-русский фразеологический словарь. 5-е изд., испр. М.: Живой язык, 1998. 944 с.
2. ODP – Speakers, Jennifer: The Oxford dictionary of proverbs. 5th edition, Oxford University press. NY, 2008. 388 p.
3. WDP – Apperson G.L. [et al.], The Wordsworth dictionary of proverbs. Apperson Wordsworth editions Ltd. Hertford-London, 2006. – 656 p.
4. DS – Die Deutschen Sprichwörter, Gesammelt von Karl Simrock Fischer, Taschenbuch Verlag GmbH, Frankfurt am Mein, 2011. 528 S.
5. DR – Redewendungen: Wortebuch der Deutschen Idiomatik 3., überarbeitete und aktualisierte Auflage, Band 3, Dudenverlag Mannheim – Zürich, 2011. 960 S.

Список литературы

1. Алефиренко Н. Ф. «Живое» слово: Проблемы функциональной лексикологии. М.: Флинта: Наука, 2009. 344 с.
2. Мокиенко В. М. Образы русской речи: историко-этимологические очерки фразеологии. 2-е изд., испр. М.: Флинта: Наука, 2007. 646 с.
3. Попова З.Д. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. М.: АСТ: Восток Запад, 2007. 314 (6) с.
4. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. London, Chicago: the university of Chicago press, 1980. 252 p.

ОБРАЗ МУДРОЙ ДЕВЫ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЛАТИНСКОЙ ГИМНОГРАФИИ: СВ.ЕКАТЕРИНА АЛЕКСАНДРИЙСКАЯ

Ненарокова М.Р.

старший научный сотрудник, д-р филологических наук,
Отдел классических литератур запада и сравнительного литературоведения
Института мировой литературы им. А.М. Горького (ИМЛИ) РАН,
Россия, г. Москва

Большую роль в формировании образа святой Екатерины, как «мудрой», «ученой девы» в средние века играла гимнография. Святая воспринимается и как мученица, и как исповедница, так как она трижды проповедовала веру Христову перед мученической смертью. Создавая песнопения для праздника св.Екатерины, гимнографы подчеркивали ее образованность, выделяя следующие черты: происхождение знаний земное и небесное, усвоенные науки, способности святой. Проповедь св.Екатерины принимает форму спора, ученого диспута, беседы. Мудрость св.Екатерины оказывается связанной не только с ее верой, но и с ее светским образованием.

Ключевые слова: средневековая латинская литература, латинская гимнография, агиография, св.Екатерина Александрийская.

Мнение о св.Екатерине, как о «мудрой», «ученой деве», сложилось из письменного было закреплено очень рано. Уже в ее первом Житии, написанном в Александрии по-арабски на основе устного предания, говорится, что она

выучила «всю философию и премудрость, и диалектику, так что [понимала] семьдесят два языка» [8, p.17]. По церковному преданию во время строительства Вавилонской башни Бог разделил человечество на семьдесят два языка, так что упоминание о том, что св.Екатерина понимала все языки на свете должно было подчеркивать ее необыкновенную ученость.

В сознании средневекового человека все имело некий смысл, не всегда видный сразу. Если святая была столь талантлива, что смогла получить такое прекрасное образование, в этом тоже должен был заключаться определенный смысл.

Привычно думать о св.Екатерине как о великомученице. Однако на средневековом Западе ее воспринимали несколько иначе. Адам Скотт, богослов XII в., живший в монастыре Драйбург на границе Англии и Шотландии, составляя трактат «О трехчастной Скинии», поместил святую Екатерину на значимое место в ряду святых дев: «Мария Магдалина, Фелицитата, Перпетуя, Агафия, Агния, Цецилия, Люция, Анастасия, Евфимия, Маргарита, Екатерина, Геновефа, Этельтрида, Бригитта, Хильда» [7, 198, 694B-694C]. В этом ряду св.Екатерина заканчивает собой одну группу святых и начинает другую. Св.равноапостольная Мария Магдалина – одна из первых христианских святых, ученица Христа. Она проповедовала новую веру наравне со св. апостолами. Следом упомянуты пять раннехристианских мучениц и три великомученицы. Если нанести на карту места, где происходили события, связанные с ними, то мы получим, с одной стороны, круг: Карфаген – Сицилия – Рим – Сирмиум – Халкидон – Антиохия – Палестина – Александрия, то есть все Средиземноморье, с другой – линию: по преданию, св.Мария Магдалина, проповедуя, дошла до Галлии (позже – Франкия, Франция), а первой святой новой группы, «из языков», оказывается св.Геновефа, покровительница Франкии. Новый круг состоит из четырех святых, все они исповедницы, принявшие монашество и словом и делом, как предписывали святые отцы, проповедавшие свою веру. Порядок упоминания святых указывает на Францию/Париж – юг Англии – Ирландию – север Англии. Два круга – большой, то есть святые раннехристианской Церкви, и малый, то есть, по мнению Адама Скотта, святые Церкви языков, соединяются в одной точке. Это св.Екатерина, с одной стороны, по характеру подвига принадлежащая к мученикам, великомученица, с другой, по своим дарованиям и по способу их проявления ставшая проповедницей новой веры посредством слова.

Именно эту черту святой отражает краткое изложение ее жития в одной из богослужебных книг, составленных Гримальдом Сен-Галленским (790-872): «Посредством Христа, Господа нашего, преславная победительница и блистательная мученица дева Катарина, наставленная в учении пророков и апостолов, и философов, и обученная всем языкам по благодати Святого Духа, императора с риторам, мир со всеми пороками одолела; императрицу Августу с вышешенными риторам, Порфирия со всеми его друзьями, своими примерами и учениями обратила ко Христу, и всех, после того как они приняли веру со знаменем [Креста], принявших мученический венец, предварила в Царстве Небес» [7, 121, 916A-916B].

Гримальд назвал свою книгу *Praefationes antiquae per anni circulum* – «Древние введения/ предисловия на годовой круг», то есть собрал тексты, объясняющие суть праздников, сообщающие, какие минимальные сведения необходимо знать о том или ином святом. В кратком введении упомянуты три центральных эпизода жития св.Екатерины – ее беседа с императором, ее спор с риторами и ее проповедь императрице и одному из приближенных императора, Порфирию. Они перечислены непрямо: мы видим не само действие, а результат его: «...одолела... обратила ко Христу... предварила в Царстве Небес».

То, что нужно знать о святом или о празднике, средневековый мирянин узнавал за богослужением. Основой службы святому является его житие. Используя факты, взятые из жития, гимнограф пишет песнопения, которые исполняются во время праздника, а проповедник обращается к народу с наставлением, в котором эти же факты используются как примеры. И живая речь, и речь ритмизованная хорошо запоминаются на слух. Если образованный средневековый человек получал знания из различных источников, то необразованное большинство могло обучаться, лишь наблюдая, рассматривая и слушая. Соответственно, у рядовых средневековых христиан в памяти оставались те образы святых, которые формировались под влиянием проповеди и церковной поэзии.

Образ св.Екатерины как Мудрой Девы уникален. И агиографическая традиция, и гимнографическая равно подчеркивают ее образованность. В самом раннем житии, составленном в Египте на арабском языке (VI-VII вв.), отмечается, что св.Екатерина знала «всю премудрость и все книги философов, ... Аристотеля и Платона, Вергилия и Гомера, философию, знаки светил и прочие науки, которых по числу языков семьдесят две» [8, р.14-15], «философские рассуждения Гомера и переплетенные силлогизмы Аристотеля, весьма остроумные находки Эскулапия и Галиена, ... Филистиона с Платоном и прочими авторами известные тома» [4] (12 в.). В конце Средневековья говорится, что святая выучила «речение каждого языка и всю премудрость философов и поэтов» [5, 284], называются имена Гомера, Аристотеля, Эскулапия, Гиппократы, Дионисия, Платона, Янния, Мамврия, Филистиона, Сивиллы [5, 285], при этом святая отмечает, что все выученное она отвергла, ибо небесное знание выше земного. Гимнографы характеризуют образованность святой так: *происхождение знаний земное или небесное*: «Наставникам/ передана/ для научения/ царская дочь» [2, 165] (14 в.), «Ее с малых лет/ Для обучения наукам/ Царь-отец передал./Так у нее, при том, что знание предшествовало, возросла/многообразная благодать» [2, 200] (14 в.), «... единственная дочь у родителей,/ Науками школьными/ Напитанная свыше,/ Замечательными наставниками [наученная] внешним/мирским [знаниям], изнутри/ Даром Духа Святого» [2, 195-196]; *содержание знаний*: «В учениях философских школ/ Наставленная свыше» [2, 195] (14 в.), «Предавшаяся ученым беседам, изучающая искусства,/ Жаждающая горнего,/ Изучает Евангелие» [2, 163], «Более сильная, чем прочие, в философии/ и [более изобилующая] Небесной благодатью» [2, 164] (15 в.), *способности святой*: «Восприимчивая разумом,/Цепкая памятью,/ Сильная трудолюбием в науках» [2, 197] (14-17 вв.).

И дарования святой, и ее образование помогли ей в ее проповеди. Беседа с императором, первый эпизод проповеди, происходит во время языческого

праздника. Как пишет Иаков Ворагинский, св.Екатерина, придя на место жертвоприношения, «посредством различных заключений силлогизмов аллегорически и метафорически, красноречиво и [обстоятельно] много спорила с цезарем» [6, 1206]. По агиографической традиции, император пытается отстаивать свою точку зрения, но делает это неумело. Житие в редакции Момбриция (1480 г.) передает мнение императора о его собственном участии в споре так: «Я не владею [материалом] (*non sum compositos*), чтобы тебе ответить» [5, 284]. А вот какой в этом эпизоде видят св.Екатерину гимнографы: «Она отвергает заблуждение,/ О вере Христовой свидетельствует/ И учит со вниманием. – Наес errorem aspernatur,/ Fidem Christi protestatur/ Et docet attentius» [2, 200]; *осуждает откровенно*: «Приказы Максентия/ Она осуждает благородным/ независимым/ прямо/ откровенно голосом (*Voce damnat libera*)» [2, 197], *увещает*: «увещая (*monens*) его, чтобы он/ отверг весьма пустых / и лживых идолов» [2, 165], *обличает*, причем царь изумляется: «Словам изумляется (*stupet*) нечестивый царь / Обличающей (*Objurgantis*) девы» [2, 198], *приводит царя в замешательство*: «Он был смущен (*Confunditur*) девой» [2, 198]. Один из гимнографов так сформулировал исход беседы: «Победительница, сражающаяся словом (*Verbo pugnans*)/ узнается в состязании» [2, 198].

Как известно, царь призывает ученых мужей, чтобы они, как сообщает, например, самое первое житие, «с нею спорили и ее [мнение] опровергли» [8, р.18-19]. Житие в редакции Момбриция излагает приказ императора более развернуто, из него мы узнаем его оценку способностей святой: «жена, исполненная тонкостей всего знания, предложила нам столь непонятную речь, что мы не можем сопротивляться ее словам, каковые, [находящиеся], в самой глубине философии, она нам предложила. Если бы вы смогли сопротивляться сей жене и ее победить, я почтил бы вас немалыми дарами» [5, 285]. И вот ученые мужи приходят. В гимнографии используется целая палитра слов для обозначения противников святой в диспуте: *наставники* («После этого наставников (*magistros*) превосходит» [1, 172]), *ораторы* («Ослепленных когда побеждает/ Ораторов (*Excaecatos/ ...Oratores*)» [1, 173], «Созванных ораторов (*oratores*)» [2, 165], «Ты победила ораторов» [2, 195]), *мудрецы* («Мудрецы (*Sapientes*) побеждаются...» [2, 163]), философы, знающие мужи («Философов и знающих [мужей] (*Philosophos et peritos*)... /Победила» [1, 164-165]). В целом все эти *ученые мужи* называются «народ риторический» (*Plebem ... rhetoricam*) [1, 166].

Сам диспут представляется как сражение в настоящем смысле этого слова, поэтому участники описываются как «когорты учителей» (*Doctorum cohortes*) [1, 168], «наставников/ ... полки (*magistorum.../agmina*)» [2, 165], Мудрецы призванные [на войну добровольцами] (*Sapientes evocati*) [2, 198].

Подчеркивается неравенство сил в этой необычной битве, что делает победу св.Екатерины еще более удивительной: «Она пятьдесят риторов (*rhetores*)/ Победенных вернула опозоренными...» [1, 171], «одна победила» [1, 168], «Ораторов просвещенных,/ На состязание приглашенных / По приказу царя,/ Одна победила всех...» [2, 200].

Оружие в этой словесной битве таково. У св.Екатерины *священная речь* («Священной победила речью» [1, 166]), у ее противников: «доводы мудрецов,/... искусство силлогизмов» [2, 199]. Диспут окончился тем, что мудрецы «смущены (*confunduntur*)/ Царской дочерью» [2, 165], «Уступили Высшей Истине» [2, 198].

Некоторые гимнографы создают более развернутые картины, подчеркивая не только внешнюю, событийную сторону, но и духовный смысл диспута: «Мудрецов [мирскую] хитрость/ Она превратила в [тонкость] ума» [2, 196], «Она, исполненная Небесной росы,/ Наученная языкам всех,/Победила силы пороков,/ Царя с риторками» [3, 157], «Философов и знающих [мужей] (*Philosophos et peritos*),/ Максентием принятых,/ Чтобы против нее спорили,/ Победила своими умозаключениями, / Доказывая, что, помутившись умом,/ Они заблуждались» [1, 164-165], «Укрепленная Таинственным учением/ И евангельскими словами,/ аргументами риторическими/ Отняла силу и софистскими./ Ибо толпа философов/ верует, побеждает заблуждения,/ Диалектика сражена,/ Риторика становится безъязыкой» [1, 170]. Когда ученые мужи обращаются в христианство, они уже не «когорты» и не «полки», они – «стадо [Христово]» (*grex philosophorum* [2, 199]).

Последний эпизод жития, связанный с проповедью св.Екатерины, касается ее заключения в темнице. Как рассказывает «Страдание св.Екатерины» (XII в.), в темнице святую навещают царица, отличающаяся «врожденной добротой души» [4], и некий «военачальник» [4] по имени Порфирий., «разумный в совете, готовый к [принятию] веры, неизменно сохраняющий тайну друга в хранилище молчания» [4]. Оба отличаются высокой нравственностью. Их не за что обличать, с ними не нужно спорить, им достаточно рассказать о вере Христовой. Поэтому и общение с ними проходит по-другому. Святая *учит*: «Царицу и Порфирия/ Учит (*docet*) к жизни поспешать,/ Обещая награду жизни» [1, 167], *увещает*: «спасительными увещаниями/ Обращает от заблуждений/ И служения демонам» [2, 164-165], *утешает*: «Она царицу увенчала/ И сановника утешила (*confortavit*),/ Дав вечное Небо» [2, 198], *привлекает в сообщество*: «Царицу в сообщество/ привлекает и Порфирия,/ которых от идолопоклонничества/ Его омывает благодать» [2, 196]. В результате «С августой она многих привела/ В Небесное Царство» [3, 157], «Чрез посредство святой стадо философов,/Императрица, народ с собранием/ Многочисленной знати/ Во Христа веруют и отходят/ С дрожью от заблуждений/ И от почитания демонов» [2, 199].

Для средневекового европейского христианина особенность подвига св.Екатерины была в том, что святая воспринимается и как мученица, и как исповедница, так как перед казнью она трижды проповедовала веру Христову и, по преданию, обратила несколько сот человек. Проповедь ее происходит в форме спора, ученого диспута, беседы. Отвергая самоценность внешних, мирских знаний, святая, тем не менее, пользуется ими как средством для более успешного объяснения христианских догматов. Мудрость св.Екатерины оказывается связанной не только с ее верой, но и с ее светским образованием.

Список литературы

1. Analecta Hymnica Medii Aevi. Hymni inediti. Liturgische Hymnen des Mittelalters. ed. G.M.Dreves, S.J. V.4. Leipzig, 1888 – New York and London, 1961. – p.270.
2. Analecta Hymnica Medii Aevi. Sequentiae ineditae. Liturgische Prosen des Mittelalters. Ed. G.M.Dreves.S.J. v.9. Leipzig, O.R.Reisland, 1890. – p.296.
3. Analecta Hymnica Medii Aevi. Hymni inediti. Liturgische Hymnen des Mittelalters. ed. G.M.Dreves, S.J. V.22. Leipzig, 1895. – p. 300.
4. Anonymus Passio sanctae Katharinae Alexandriensis (inter 1033-1048)// http://la.wikisource.org/wiki/Passio_S._Katharinae
5. Boninus Mombritius. Sanctuarium seu Vitae Sanctorum. T.I. Parisiis, 1910. – pp. 349.
6. Iacopo da Varazze. Legenda Aurea. Edizione critica a cura di Giovanni Paolo Maggioni. 2 ed. Firenze, SISMEL – Edizioni del Galluzzo, 1998.T.2. – pp.1366.
7. Migne, J.-P. Patrologiae Latinae Cursus Completus (PL). – On CD-Rom. – Chadwick-Healy, 1993-1995.
8. Une version arabe de la Passion de sainte Catherine d’Alexandrie// Analecta Bollandiana. t 26. 1907. – pp. 5-32.

ВЫРАЖЕНИЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ЭЛЕМЕНТА СОСТОЯНИЯ

Нордод Б.

преподаватель кафедры культурологии,
Ховдский государственный университет, Монголия, г. Ховд

Adverbial modifiers of role in Mongolian are same as complement of manner in Chinese.

Ключевые слова: дополнительный элемент, словосочетание, китайский язык, звукоподражающие слова.

Дополнительный элемент состояния – это элемент, подробно поясняющий действие, добавочно изображая результат действия.

Ta gao xing de <shou wu zu dao qi lai>.

В данном предложении словосочетание **shou wu zu dao qi lai** – является дополнительным элементом, подробно выясняет слово **gao xing** – например, слово “обрадоваться”.

Дополнительный элемент китайского языка – член предложения с особой структурой, не характерен не только для монгольского, но и для многих других языков мира. В китайском языке 7 разновидностей дополнительного элемента: ДЭ состояния, меры степени, времени, направления и др.

ДЭ занимает постпозицию по отношению к глаголу и прилагательному, раскрывает смысл действия и уточняет значение, многими способами поясняет отношение к данному явлению, действию. По грамматической форме и месту в предложении обстоятельство монгольского языка соответствует обстоятельству, а по семантике соответствует дополнительному элементу китайского языка. Обстоятельство образа действия монгольского языка соответствует дополнительному элементу состояния.

Обстоятельство образа действия в монгольском языке выражается звукоподражающими словами, сравнением, примыканием прилагательного и слова, указывающего на состояние, существительным в форме Т.п, деепричастием. Например: На столе часы тикают “**чаг чаг**”. Утренняя роса блестит жемчужиной. Пот у стоящего рядом со мной человека капает “**чив чив**”. В китайском языке также звукоподражающие слова, сравнение, сочетание прилагательного и слова, указывающего на состояние, глагольное сочетание, устойчивые слова, состоящие из 4 букв выступают в функции ДЭ.

Например: ta ba yan dai chou de <**ba da ba da**>. Издавая звук “**пис пас**”, он натягивал трубку с папиросом.

Дополнительный элемент **пис пас** с китайского языка переводится соответственно обстоятельству монгольского языка “пис пас”, “тир тар”. В этом случае слово занимает препозицию по отношению к глагольному сказуемому и более сильно уточняет значение данного высказывания. Настоящее интенсивно уточняющее значение- это дополнительный элемент китайского языка. Zhe yi jia de yi qie dou a de <**xiang xi ci wan yi yang ji jing tou liang**>. В доме чисто и все убрано, словно всё блестит как хрусталь.

В вышеприведенном примере выражение “как хрусталь” хотя имеет сравнительное отношение, здесь подразумевается значение “прекрасно”, замечательно: (Здесь выражается модальное значение, что говорящему производится приятное впечатление).

Здесь говорящий оценивает свое высказывание в целом и выражается его точка зрения отношения к объективной действительности. Выражение отношения говорящего сопровождается движениями как *кивать головой, показать большой палец, улыбаться выпучить глаза* и др.

Так слова как “**пис пас**” имеет более модальное значение, чем семантическое. Nu gong ren men xiao de <**qian yang hou he**>. Женщины-рабочие смеялись до упаду.

Фразеологическое выражение “смеяться до упаду” содержит значение, “долго смеяться”, “получить большое удовольствие”, наряду с которым оно носит модальное значение, выражающее приятное отношение говорящего к действительности. Здесь выражается положительное эмоциональное состояние говорящего. Ta shuo de <**jian jue, jian dan, ming**>le. Он решительно, кратко и ясно говорит. В данном предложении выражено значение необходимости.

Список литературы

1. Барайшир, Ш. Синтаксис современного монгольского языка, 1989 год.
2. Батчулуун, Д. Методика исследования лингвистики”, 2004 год.
3. Лувсанвандан, Ш. Грамматика монгольского языка Синтаксис. том 1, УБ 1956 год.
4. Мөнх-Амгалан, Ю., УБ, 1998 год.
5. Sun De Jin Грамматика современного китайского языка 2007 год.
6. Өнөрбаян, Ц. Морфология современного монгольского языка.
7. Пүрэв-Очир, Б. Синтаксис современного монгольского языка, УБ, 2001 год.

ОБУЧЕНИЕ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ В ПРОЦЕССЕ НАГЛЯДНО-ИГРОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Охотина Н.В.

магистрант, фак-т ин. яз.,
Марийский государственный университет, Россия, г. Йошкар-Ола

Статья посвящена актуальной проблеме обучения детей дошкольного возраста английскому языку в процессе игровой деятельности с опорой на наглядность. Английский язык в дошкольном возрасте – актуальное направление в методике, требующее новых подходов и нестандартных решений. Статья раскрывает основные стратегические линии в планировании, организации и реализации рабочей программы «Funny English for kids» для детей 5-7 лет при обучении английскому языку в МБДОУ «Детский сад №12» г. Йошкар-Олы «Ромашка». В статье показано, как наглядно-игровая деятельность помогает решить задачу педагога – активизировать познавательную деятельность детей в процессе обучения английскому языку, а также привить интерес к стране изучаемого языка. Показана эффективность использования мотивационной системы с целью получения детьми дошкольного возраста новых знаний, а также формирование коммуникативной компетенции на занятиях английского языка в рамках рабочей программы «Funny English for kids».

Ключевые слова: дошкольный возраст, игра, английский язык, наглядные пособия, рабочая программа «Funny English for kids», интерес, мотивация.

Иностранный язык, изучаемый с раннего детства, позволяет «раскрыть языковые способности: образуются две картины мира, ребенок учится сопоставлять два языка, вследствие чего мышление становится многоуровневым, т.к. ребенок абстрагируется от конкретного языка; знакомясь, с иной культурой, ребенок учится быть толерантным» [4, с. 51].

Актуальность появления различных методик обучения дошкольников английскому языку обусловлена потребностью общества и государства в воспитании детей дошкольного возраста, владеющих иностранными языками в соответствии, «с требованиями динамичного мира, а также языковых центрах практики раннего обучения; многочисленными исследованиями в области обучения дошкольников иностранным языкам» [1, с.76]; заинтересованностью родителей в изучении их детьми иностранного языка.

Если раньше методика обучения иностранному языку ориентировалась, прежде всего, на школьников, то теперь родители стремятся как можно раньше начать обучение иностранному языку, поэтому обучение иностранному языку детей пяти лет уже не ново. Создание различных методик по обучению иностранному языку детей- дошкольников является «ответом на социальный заказ родителей» [6, с.25].

В связи с возрастающей учебной нагрузкой в начальной школе, с одной стороны, и заинтересованностью родителей в изучении их детьми английского языка, с другой, появилась необходимость в создании программы обучения английскому языку в раннем возрасте, которая позволит развить и сохранить интерес и мотивацию к изучению иностранных языков.

В МБДОУ «Ромашка» № 12 г. Йошкар-Олы сформирован кружок английского языка. В основе методики лежит авторская рабочая программа Охотиной Н.В. «Funny English for kids» для детей 5-7 лет. Рабочая программа «Funny English for kids» реализуется поэтапно. Количество человек в группе от 8 до 10. Занятие продолжительностью 25- 30 минут.

Первый этап – подготовительный (фонетический). На данном этапе отрабатываются определенные английские звуки, тем самым идет подготовка артикуляционного аппарата для дальнейшей работы. Главным наглядным пособием здесь являются «веселые английские звуки».

У каждого звука есть свой цвет, своя «история-привязка», благодаря которым дети запоминают и усваивают их. Кроме того, особенность данного этапа в том, что дети могут с ними познакомиться не только визуально, но и тактильно. Тактильный контакт очень важен особенно в работе с детьми. Ведь когда рождается ребенок, информацию о мире он воспринимает при помощи рецепторов, которые находятся на подушечках пальцев. Так он может распознать горячее / холодное, мягкое / твердое, гладкое / шершавое. Здесь тот же принцип. Дети запомнят звуки гораздо лучше, если тактильно прочувствуют их форму, получают возможность сочетать их между собой, а потом озвучить. Детям это очень нравится.

Второй этап – лексический. На данном этапе происходит повторение изученного материала и знакомство с новой лексикой через подвижные игры.

Третий этап – музыкальный. Детям предлагается исполнить песню или сделать зарядку с музыкальным сопровождением на английском языке. Пение способно улучшить произношение, развить память, слух, а также приобщить к культуре страны изучаемого языка. Зарядка не только способна снять напряжение, усталость, здесь детки также упражняются в произношении.

Четвертый этап – диалоговый. На данном этапе происходит закрепление новых лексических единиц в речевые структуры. Это могут быть ролевые игры, постановка сказок или диалоги разного уровня (макро-, микро-) в зависимости от изученного материала.

Пятый этап – заключительный. Прощание в игровой форме.

Вызвать желание и интерес к изучению английского языка можно словесно и визуально через короткометражные игровые ситуации, наглядные пособия, ролевые игры, песни, зарядки, физкультминутки.

«Дошкольный ребенок – человек играющий, ...обучение входит в жизнь ребенка через «ворота детской игры» [3]. В голову ребенка невозможно вложить то, что ему неинтересно, но с ним можно поиграть и в ненавязчивой форме обучить азам английского языка. Чем интереснее игра и ярче, красочней пособия, тем лучше усвоится материал. Это связано с тем, что у дошкольников наглядно-образное мышление, а, значит, зрительная опора просто необходима.

Так, большой популярностью пользуется игра «What's missing?». Ее можно применять для введения нового лексического материала практически по любой теме. Данная игра вводится после того, как новый материал отработан фонетически каждым ребенком. Так, при изучении лесных животных на магнитно-маркерной доске прикрепляется коллаж леса (при изучении домашних животных – коллаж фермы, диких животных – коллаж зоопарка) с соответствующими животными.

Один из детей прячет животное в мешочек, но прежде дает команду остальным: «Close your eyes!». Затем ребята отгадывают. Игра продолжается до тех пор, пока каждый не примет участие. «Изюминкой» рабочей программы «Funny English for kids» является то, что после отработки лексических единиц мы начинаем закреплять их в речевых структурах. Все животные в мешочке, а коллаж леса пустой, но игра не заканчивается. После физкультминутки игра разворачивается дальше, но уже на отработку речевых структур. Детям предлагается отправить животных обратно по месту жительства, сделав акцент на том, что в мешочке им ночевать неудобно, тесно, а спать всегда лучше дома. Дети опустошают недавно наполненный мешочек, проговаривая по-английски:

The bear lives in the forest

The fox lives in the forest...

Для улучшения работы и активности каждого можно применить систему оценок, мотивируя их тем, кто будет стараться, тот будет лучшим, а, зна-

чит, получит наивысшую оценку. Таким образом, внутри группы развернется соревнование за право быть лучшим.

Как же дети будут удивлены, увидев свои отличные результаты, потому что старался каждый, вот только по-разному у всех получалось.

Следующая игра – «Throw the ball». Игра используется для закрепления речевых структур. Так, при изучении темы «My family» на вопрос «Do you have a sister...?», дети отвечают «Yes, I do», если у них есть сестра, и «No, I don't», если ее нет. Таким образом, дети учатся кратким ответам, а на следующем этапе они учатся задавать вопрос, подставляя слова, обозначающие членов семьи, уже самостоятельно.

Игра «What is your name?», как правило, используется на начальном этапе обучения. Можно предложить ребятам кубик, где нарисованы персонажи сказок, сказав, что кубик необычный, там живут сказочные персонажи. Каждому ребенку предлагается подбросить кубик и представить от имени того сказочного персонажа, который ему выпадет. Детям настолько нравится эта игра, что они замирают на тот момент, когда падает кубик, в ожидании, когда тот остановится.

В арсенале рабочей программы «Funny English for kids» подобных игр очень много, но принцип действия у них один – вводить новые лексические единицы и закреплять их в речевых структурах.

Рольевые игры с элементами драматизации находят неподдельный отклик в душе ребенка и вызывают огромный интерес. Так, детям очень нравится участвовать в постановке русских народных сказок в английской интерпретации. Весь секрет в том, что в основе методики лежат абсолютно всем детям известные русские народные сказки, но уже переделанные на новый лад. Вначале детям интересно предвосхищать события, а затем принимать участие, как бы примеряя на себе роль того или иного персонажа сказки.

Так, например, постановка русской народной сказки «Репка» («A turnip»). Сказка известна каждому ребенку и, в какой-то степени, уже неинтересна. Стоит только в эту сказку привнести элементы вымысла, как она приобретет новое содержание. Сказка начинается со следующих слов педагога:

- A grandfather plans a turnip. The turnip grows bigger and bigger. The grandfather comes to pull the turnip up, but he can't. The grandfather calls the grandmother.

Далее ведущий говорит по-русски, дети, согласно своим ролям, переводят на английский:

- Бабушка, иди сюда!

- Что случилось?

- Помоги мне.

- Я варю суп. (Ребенок изображает соответствующими движениями, как мешает суп в кастрюле. После того, как дедушка зовет второй раз, бабушке ничего не остается, как прийти на помощь).

И так каждый ребенок проигрывает свою роль, изображая персонажа сказки, будучи чем-либо занятым. Только персонажами нашей сказки, в дополнение к традиционным, являются еще попугай Кеша, лягушка- квакушка,

комарик. Конец сказки конечно- же традиционный. Репку вытащили, и все счастливы и довольны настолько, что в конце поют песню.

В процессе обучения английскому языку дошкольников также большое внимание уделяется музыке. Это связано с тем, что такой вид деятельности вовлекает в работу оба полушария головного мозга, что, в свою очередь, способствует хранению изучаемого материала и, как показывает опыт, его более быстрому воспроизведению. Музыка позволяет легко «проникнуть в эмоциональный мир ребенка, концентрирует его внимание на самых важных языковых явлениях» [2, с.79]. Песня, зарядка, физкультминутка – это важный этап при построении любого занятия в дошкольном учреждении. Песню можно спеть, а можно еще и разыграть.

Так, например, песню «Баа, баа black sheep», можно исполнить в сопровождении хоровода. При помощи жребия выбирается черная овечка, которая в процессе исполнения песни ищет среди ребят хозяина, хозяйку и маленького мальчика. Подобное проделать можно с любой песней. Если не получается сочетать песню с соответствующими движениями, то можно использовать наглядные средства. Выбор английских песен обширен. Наилучшими сборниками для дошкольников, на наш взгляд, являются серии книг «Songbirds» [5].

На каждом занятии ребята зарабатывают медали двух видов (красные и синие) и кладут их в соответствующий кармашек мотивационной системы. Это является не только хорошей мотивацией, но и позволяет видеть картину посещаемости. В конце каждого месяца проходят открытые занятия не только для детей, но и для их родителей. Здесь родители видят результаты нашей месячной работы. И здесь ребят ждет поощрение за их знания – это медали на грудь. Перед ребятами ставится задача – собрать их за год как можно больше, чтобы быть победителем. А быть лучшим, конечно, хочет каждый.

Процесс обучения дошкольников английскому языку будет эффективным и увлекательным, если:

- Занятия организованы в игровой форме, соответствующей естественным потребностям и желаниям ребенка.
- Учебный материал представлен различными информационными средствами (звук, видео, аппликация, коллаж, графика).
- Занятия построены на чередовании различных способов и приемов подачи учебного материала, повторении его в различных формах.
- Установлена доброжелательная атмосфера, создающая благоприятные условия для учебного процесса.
- Активность ребенка зависит от его мотивации.

Хорошо продуманная и организованная методика обучения детей английскому языку становится основой для организации увлекательной жизни и разностороннего развития каждого ребенка, а главное уже с детского сада прививает интерес к иностранному языку и дает положительную установку на дальнейшее его изучение как учебного предмета в школе.

Список литературы

1. Вроинская И.Е. Башкирова, Е. А. Английский язык в детском саду// Дошкольное воспитание. М., 2004. №6. С.76-80.
2. Мокерова Н.С., Протасова Е.В. Играя, познаем мир // Современное дошкольное образование: опыт, проблемы и перспективы. Сборник научно- методических статей. Йошкар-Ола: Поволжский государственный технологический университет, 2014. С.116-123.
3. Мухамедшина Е.В.Знание на душу населения. Газета. ru М., 2013. URL.: <http://www.gazeta.ru/social/2013/08/30/5617317.shtml>,30.08.2013
4. Сластенин В А. Педагогический процесс как система и целостное явление М.: Издат. дом МАГИСТР-ПРЕСС, 2000. С. 195-219.
5. Сторожевских О.А., Львов В.А и др. Песни для детей на английском языке. Книга 2. Animals. М.: Айрис- пресс, 2011. 36 с.
6. Штайнепрайс М.В. Программа обучения дошкольников английскому языку// Английский язык и дошкольник. М.: ТЦ Сфера, 2007. 160 с.

ВНЕШНЯЯ И ВНУТРЕННЯЯ ИНТЕГРАЦИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ: СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕТОДОЛОГИИ НАУКИ О ЯЗЫКЕ И УТВЕРЖДЕНИЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИЗЫСКАНИЙ

Паревская И.С.

соискатель кафедры теории и практики английского языка
Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации,
ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», Россия, г. Ростов-на-Дону

Волошина А.М.

преподаватель, ГБПОУ РО «Ростовский технологический техникум сервиса»,
Россия, г. Ростов-на-Дону

Енгонян Э.А.

студент, ГБПОУ РО «Ростовский технологический техникум сервиса»,
Россия, г. Ростов-на-Дону

В данной статье кратко характеризуется современное состояние лингвистики, оцениваются перспективы ее развития, а также проводится исторический обзор развития междисциплинарных контактов между языкознанием и иными науками, а также между самостоятельными течениями в рамках лингвистики.

Ключевые слова: язык, культура, лингвистика, лингвокультурология, исследовательские подходы и методы, междисциплинарность.

Изучение взаимосвязи и взаимовлияния языка и речи, языка и мышления, языка и социального поведения, языка и культуры, языка и истории формирует «верный и достойный взгляд на язык, на глубину его истоков и обширность сферы его действия», что позволяет приблизить исследователя к раскрытию внутреннего мира человека и характера того или иного народа. Столь широкая связь языка с «иными проявлениями человеческой сущности»

превращает язык в объект познания не только лингвистики, но и большинства «наук о духе», способствуя развитию обширных междисциплинарных связей. По мнению влиятельнейшего и крупнейшего лингвиста XX столетия Ф. де Соссюра последнее обстоятельство значительно усложняет процесс определения методологических основ лингвистики и является причиной возникновения колоссального числа «нелепых идей, предрассудков, миражей и фикций» [19, 45], выявление и по возможности окончательное устранение которых, есть «первейшая задача лингвиста» [18, 15].

Язык как форма, система отношений, нечто абстрактное составляет объект лингвистики, вычленив и постичь который довольно сложно ввиду разноуровневости образующих его структур: «Некто произнес французское слово *nu*; поверхностному наблюдателю покажется, что здесь имеется конкретный лингвистический объект, но более пристальный анализ обнаружит наличие в данном случае трех или четырех совершенно различных вещей в зависимости от того, как рассматривать это слово: как звук, как выражение мысли, как соответствие латинскому *nudum* «нагой» и т. д.» [18, 16]. Перечисленные толкования освещают различные стороны языка как знаковой системы, признаваемого приверженцами лингвистического структурализма «единственным и истинным объектом лингвистики, рассматриваемым в самом себе и для себя». Данная точка зрения на объект лингвистики, являвшаяся господствующей в отечественном и зарубежном языкознании вплоть до конца прошлого столетия, на современном этапе развития научной мысли признается несостоятельной, так как ведет к сужению понимания языка: «На протяжении XX века велась безуспешная борьба за то, чтобы отсечь от предмета (подразумевается объект) языкознания тот или иной аспект языка... Раздумывая над тем, что отсекалось, и главное – почему отсекалось, приходишь к такому результату: истоки редукции лежат в упрощенном и редуцированном понимании языка как системы знаков» [16, 13]. Комментируя подобным образом попытки придать лингвистике статус целостной науки, О. Г. Ревзина призывает рассматривать в качестве объекта исследования язык во всем многообразии его функций, свойств и проявлений, что обуславливает комплексное изучение и выступает гарантом результативности научных исследований. Из вышесказанного следует, что язык априори не может изучаться инструментарием одной науки, в связи с чем на рубеже веков «начинается разрушение не построенного до конца научного здания» [2, 280] – «лингвистика вновь теряет суверенность» [16, 11], «чистая» лингвистика «сходит со сцены», «носит откровенно прикладной характер, либо перерастает в психолингвистику, нейролингвистику, социоллингвистику и т. д., либо, наконец, срывается с логикой как наукой о выводном знании, философией и т.д.» [10, 308]. В тоже время исследователи возлагают надежды на «выход науки о языке из изоляции и рост ее общественной значимости в ближайшем будущем...» [11, 245].

Представления о природе изучаемого объекта выступают важнейшим методологическим аспектом любой науки, в силу чего каждый исследователь приводит свое понимание базисных презумпций, полное и глубокое освеще-

ние которых требует самостоятельного монографического исследования. Мы ограничимся освещенными выше трактовками объекта языкознания в рамках структурно-функциональной парадигмы и в ракурсе новых лингвистических парадигм.

Наименование объекта языкознания четко прослеживается в определении – это язык, понимание же предмета языкознания отлично на каждом историческом этапе познания и зависит от того, какая сторона языка попадает в фокус внимания ученого. В целом данные трансформации представляют собой итог смены исследовательских ориентиров: появление альтернативных взглядов на функции и задачи лингвистики (отличных в различных лингвистических парадигмах) обуславливаются сменой взгляда на язык, выходом за его границы, и определяют тем самым существование не просто единой лингвистики, а множества частных лингвистик, становление которых отнюдь не означает полного отказа от наследия предыдущих эпох, но позволяет говорить о лингвистике как о многопарадигмальной дисциплине. Если в центре внимания эколлингвистики находится язык как средство воздействия на социальную и природную среду обитания, в качестве предмета исследования выступают базовые структуры национального сознания и поведения, а основной задачей является защита и развитие языка, подвергающегося негативным воздействиям, и защита природы с помощью речевых воздействий на общество [23, 139], то когнитивная лингвистика, «лингвистика будущего», отождествляет язык с фактами культуры, составной частью культуры, и ее орудием, аккумулирующим концептуальную и национальную модели мира, и открывающим перед ученым возможность выявить особенности мировосприятия народа [12]. Сложно найти научную дисциплину, не претерпевшую внутренней дифференциации и не перестраивающую периодически «фундамент возведенного ею здания», однако именно языковедческая наука нацелена на постижение столь обширного числа типов знания (от принципов речевого общения до знаний о мире в целом), что их глубокое и детальное изучение возможно лишь путем выделения и специализации множества отдельных отраслей. Оформившиеся направления способны обнаруживать тесную связь не только между собой, но и с самостоятельными науками, которые в зависимости от поставленной задачи играют роль «науки-донора», либо «науки-реципиента». Установление подобного рода связей расценивается специалистами «совершенно необходимым» для «профессиональных исследователей языка, если только они не желают оставаться на своей бесплодной и чисто технической позиции...» [17, 26]. Рождение лингвокультурологии, психолингвистики, социоллингвистики, этнолингвистики и т. д. стало возможным во многом благодаря переосмыслению объекта, цели и задач исследования лингвистики: язык начинает рассматриваться как ключ к пониманию человека, отражение «всей его интеллектуальной и нравственной организации в совокупности», «ведь хотя мы и разграничиваем интеллектуальную деятельность и язык, в действительности такого разделения не существует» [7, 68]. Иными словами изучение «человека говорящего» стало связующим звеном между лингвистикой и социо-гуманитарными науками, синтез с которыми

оказался столь плодотворным, что позволил смежным областям даже претендовать на статус самостоятельных дисциплин.

Ярким примером вышеописанных метаморфоз можно считать лингвокультурологию, до недавнего времени имевшую статус течения в рамках языкознания, «однако она пережила настолько бурный период становления и утверждения присущих только ей категорий и принципов, что уже к началу XXI века превратилась в самостоятельную дисциплину, которая прочно вошла в образовательное пространство второго (магистерского) уровня подготовки специалистов-гуманитариев в университетах России и Европы. С одной стороны, лингвокультурология выработала свой особый предмет, позиционировавшись от страноведения, а с другой – выделилась в отдельную ветвь культурологии, ставшей обязательным предметом среди общеобразовательных дисциплин гуманитарного цикла в системе университетского образования вообще» [1, 6]. Согласно справедливому утверждению Н. Ф. Алифференко столь прочные позиции лингвокультурологии определяются глубинным, имплицитным взаимодействием лингвистики, психологии и культурологии на уровне общей методологии и частных методик [1, 6].

Прежде всего следует отметить, что лингвистические методы не есть фиксированный набор способов и принципов описания языковых категорий. Это многочисленные сочетания взаимодополняющих/взаимоисключающих методов, применяемых в фундаментальных и прикладных лингвистических исследованиях в различных вариациях и соотношениях. Доминирование определенного метода отлично в каждый конкретный период развития научной мысли, в каждой научной школе, прямо и/или косвенно зависит от приоритетов того или иного поколения языковедов и специфики проводимого исследования. Заметим, что под методом мы понимаем «совокупность приемов и правил изучения того или иного явления или группы явлений; исследовательский метод включает в себя также и саму методику (технику, процедуру) использования приемов и правил» [9, 5].

Принимая критерии научности естественных дисциплин, для постижения языка как естественного феномена, во второй половине XX в. языкознание обогатилось естественнонаучными подходами и моделями исследования. Математическая модель коммуникации, давшая толчок к появлению лингвистической теории коммуникации, модель языка Ф. Роси-Ланди, разработанная на основе аналогии языка со сферой производства, анализ естественного языка сквозь призму логики в исследовании А. Т. Кривоносова, применение синергетических моделей при изучении языка в работах А. Л. Вассоевича, Р. Г. Пиотровского и др. [15, 117] указывают на попытки приблизить лингвистику к точным наукам. Под влиянием антропоцентрического поворота неизбежно должна была произойти смена методологического вектора: возвращение человеку категории «меры всех вещей», «центра мироздания» [6, 64] стало залогом активного пополнения существовавших между языкознанием и «науками о человеческом духе» примеров междисциплинарной связи на основе общего объекта, продуктами междисциплинарности на основе заимствования постулатов и методов исследования. Вопрос об интеграции мето-

дов и реализации тем самым междисциплинарных проектов расценивается теперь как одно из главных условий развития лингвистики, выполнение которого стало возможным лишь благодаря нарастающей тенденции к дальнейшей дифференциации наук, подготовившей почву для обширного межнаучного теоретического синтеза: в то время когда одна отрасль познания «бесплодно билась в рамках своих старых, неуклюжих и уже исчерпанных методов... в другой отрасли рядом с нею давно существовали, но оставались неизвестными или непонятными для неё приёмы, которыми легко разрешались бы непосильные для неё задачи» [4, 96].

Тем не менее, анализ современных работ обобщающего, системного характера, посвященных вопросу междисциплинарного взаимодействия лингвистики (или ее самостоятельного направления) с «чистыми науками» социально-гуманитарного толка, мы практически не находим примеров, свидетельствующих об успешном опыте методологического диалога/ полилога, не обусловленного формированием пограничной дисциплины. В частности широко известным является успешный союз лингвистики и истории, воплотившийся в становлении исторической лингвистики, одной из наиболее глубоко разработанных на сегодняшний день лингвистических наук, давшей толчок к развитию этимологии, истории литературных языков, а также сравнительно-исторического языкознания. Однако применение исторического инструментария не для исторического рассмотрения языка путем установления степени родства между языками, выявления их праязыка и этимологии входящих в их состав слов, а в деле постижения национального самосознания народа-носителя языка, его повседневной жизни и «следов» официальной истории не является типичным для большинства новых «ликов» лингвистики.

Данные языкознания являются важнейшим источником при изучении традиционно исторических вопросов, таких как, взаимоотношения исторических общностей людей, генезис народов и наций, развитие на различных исторических этапах их культуры. Выявить и сопоставить общее и специфическое в родственных генетически и исторически связанных языках позволяет сравнительно-исторический метод, предоставляющий возможность не только сопоставить этапы эволюции рассматриваемых объектов, но предопределить тенденции их развития [8]. Являясь методологическим основанием для становления в первой половине XIX века сравнительно-исторического языкознания, сравнительно-исторический метод помог значительно углубить проблематику родства языков, разработать генеалогическую (генетическую) классификацию языков, внутри которой проводилось исторически ориентированное сравнение, позволившее выделить признаки родства и общности происхождения языков (Р. Раск, Ф. Бопп, Я. Гримм), установить возникновение из одного источника группы языков, ранее считавшихся неродственными (сопоставление материалов индоевропейских языков в XIX в.), определить совокупность приёмов для постижения истории, как отдельных языков, так и группы родственных языков. Сравнительно-исторический метод активно развивался на протяжении всего XX столетия и дал мощный импульс к дальнейшей разработке различных областей языкознания. Кроме того присталь-

ный взгляд к основным проблемам современной мировой науки обнаруживает широкие возможности использования методов изучения исторической реальности в деле раскрытия сущностных характеристик речевой деятельности как «сокровищницы, кладовой, копилки культуры» [21].

Как отмечает Е. П. Борзова, «в настоящее время актуальны исследования вопросов типологии культуры, унификации культуры, мультикультурализма, сравнительный анализ культур регионов, Востока и Запада, Запада и не-Запада, соотношение массовой культуры, народной и элитарной и т. д» [5, 3]. Наряду с этим обнаруживается острая потребность мирового сообщества в создании современной всеобщей картины культуры мира и определения тенденций ее изменения [5, 3], что обуславливает значимость постижения культурного достояния наций. Невозможно постичь объективное содержание культуры, не прибегая к принципу историзма, согласно которому все культурные явления изучаются совокупно с момента их возникновения при сопоставлении друг с другом, либо сравнении их отдельных элементов и периодов. Сопоставляя в историческом разрезе феномены разных культур, сравнительно-исторический метод предоставляет возможность выявить историческую связь между отдельными культурными явлениями, охарактеризовать основные этапы их развития в разных обществах, высветить тем самым современное состояние объекта исследования, последовательно освещая историко-временную связь: зарождение культурного феномена, его развитие, современное состояние и перспективы. Нахождение исторического в человеческих языках и культурах не есть самоцель сравнительно-исторического метода в рамках языкознания, его суть заключается в способности сущностного сравнения на первый взгляд уникальных либо самобытных культурных явлений, запечатленных в языке, что в свою очередь, предоставляет почву для суждений о контактах, историческом пути, последующих фазах развития народов или наций.

Сравнительно-исторический метод был первым научным методом языкознания. Обращение специалистов к типологическим исследованиям значительно расширило область его применения, позволило развиваться методу типологическому, а также стало отправной точкой к оформлению новой теоретической концепции языка – структурной (формальной) лингвистики [21, 778–781]. В XXI в., имеющий многолетнюю историю сравнительно-исторический метод способен не только помочь в разрешении главной задачи языкознания – синтезировании знаний и опыта, полученных в предыдущих столетиях и на их основе усовершенствовать господствующую парадигму, но и содействовать в разрешении задач, которые ставит общество перед наукой.

Помимо интеграции с другими дисциплинами развитие языкознания осуществляется путем двух противоположных, но тесно связанных между собой направлений: внутренних дифференционных и интеграционных процессов, протекающих зачастую одновременно. Примеры дробления лингвистической науки подробно описывает И. В. Арнольд: дифференциация в рамках синтаксиса обусловила появление семантического синтаксиса, коммуникативного, или прагматического синтаксиса, функционального синтаксиса; за

счет проникновения в тонкую структуру объекта возникла теория номинации; развивается и разветвляется стилистика, которая включает теперь функциональную лингвостилистику, литературоведческую стилистику, поэтику, стилистику декодирования и очень близкую, но не тождественную ей, теорию интерпретации текста [3]. Обратные тенденции характеризуют сближение психолингвистики и коммуникативной лингвистики, преследующих цель постижения связи языка с мышлением и психической деятельностью, когнитивной лингвистики и социолингвистики, направленных на изучение ментальных сущностей, отражающих культурно-национальные воззрения человека и имеющие название в языке, контактной лингвистики и этнолингвистики, рассматривающих языковые контакты и их последствия, взаимовлияние языков, интеракциональной лингвистики и лингвопрагматики, постигающих процессы, происходящие в речевом взаимодействии; терминоведения, переводоведения, теории коммуникации и лингвокультурологии, вскрывающих социальную обусловленность языковых реализаций.

Общеизвестным является факт получения принципиально новых данных непосредственно на стыке наук, однако внимание к внутренней интеграции также способно оказать неоценимую помощь в процессе восполнения внутренних потребностей развития языковедческого знания. Заметим, что как внешние, так и внутренние интеграционные процессы должны основываться на координации, а не на интервенции «чужого», замещении и вытеснении «своего», приводящим к уходу в эклектику, субъективность и утрате преемственности с классической наукой [13, 177-182], снижению интереса к собственно лингвистическим проблемам. По этому вопросу довольно емко высказался Ю.С. Степанов: «Непреходящие лингвистические ценности связаны не с ответвлениями и ветвями, а с центральным стволом лингвистики. <...>. Именно в рамках центрального русла лингвистики сохраняются и шлифуются фундаментальные понятия науки о языке, но в нем также и ставятся новые проблемы, разработкой которых некоторое время спустя начинает заниматься та или иная специальная ветвь» [20, 5].

Развитие языкознания и выделение в его рамках новых течений во многом обусловлены достижениями не только внутри лингвистики, но и в пограничных областях. В частности научной базой прагмалингвистики выступила теория субъективности в языке Э. Бенвениста, акцентирующая внимание на субъективной части высказывания, на предложении мнения и на предшествующих выражению сообщениях, т.е. пропозиции, пропозициональной установке, связывающей предметно-логическую часть высказывания с личностью говорящего. С данными положениями тесно связаны теория референции, теория имплицатур и теория импликации. Вышеперечисленные концепции были предвосхищены учением об эгоцентрических словах (термин предложен Б. Расселом, теория развита Э. Бенвенистом и Ю.С. Степановым), о дейксисе, об оценочных предикатах и перформативах [3, 12]. Бесспорно, освоение науками пограничных областей способствует формированию новых принципов взаимной обусловленности развития, а также обеспечивает обогащение научно-исследовательской базы «наук о человеческом духе».

Завершая обзор современного состояния лингвистики и ее взаимоотношений с другими гуманитарными науками, считаем необходимым процитировать З. Р. Палютину, отмечавшую, что обновление гуманитарных наук, их дифференциация, с одной стороны, и интеграция научного знания, его гуманизация – с другой, приводит к перерастанию внутридисциплинарных изысканий в междисциплинарные. Указанные тенденции становятся основой формирования новых направлений исследований и кардинального изменения их методов. Смещение аспектов лингвистических исследований и инструментария обуславливается распространением в науке идей антропоцентризма, переключением интереса лингвиста к человеку не только как к объекту, но и как к субъекту языка [14]. Проблема анализа деятельности человека, ее взаимосвязи с языком и зависимость от языка требует комплексного подхода, обуславливая тем самым потребность обращения к историческим подходам и характерным для них методам и принципам. В рамках диссертационного исследования «новые исторические подходы», будут применены к изучению национально-специфических элементов национально-культурных аспектов русского и английского языков.

Список литературы

1. Алифференко Н. Ф. Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка: учеб. пособие / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 288 с.
2. Апресян Ю. Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики. М., 1966. С. 280.
3. Арнольд И. В. Основы научных исследований в лингвистике: Учеб. пособие. – М.: Высш. шк., 1991. – 140 с.
4. Богданов А. А. Тектология (Всеобщая организационная наука). В 2-х кн.: Кн. 1-2. М.: Экономика. 1989. 304 + 351 с.
5. Борзова Е. П. Сравнительная культурология. Том 1. Санкт-Петербург, СПбКО, 2013. 360 с.
6. Воркачев С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. – 2001. – №1. – С.64-72.
7. Гумбольдт Вильгельм фон. «Избранные труды по языкознанию». М., 1984. С. 37-297.
8. Касавин И. Т. Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2009. – 1248 с.
9. Кодухов В. И. Методы лингвистического анализа. Лекции по курсу «Введение в языкознание». Л., 1963.- 128 с.
10. Леонтьев А. А. Надгробное слово «чистой» лингвистике // Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы: Тез. Междунар. конф. Т. II. М., 1995. С. 308.
11. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003.– 280 с.
12. Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику: учебное пособие / В. А. Маслова. – 5-е изд. – Москва: Флинта: Наука: 2011 [т.е. 2010]. – 293 с.: табл.; 21 см. – (Для филологов).
13. Немыка А. А. Интеграция предметно-объектных связей языкознания и других наук. Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: филология и искусствоведение. Вып. 2 (45). 2009. – С. 177-182.
14. Палютина З. Р. Теоретические основы цивилизационного направления в исследовании терминологии: диссертация ... доктора филологических наук: 10.02.20 Екатеринбург, 2005.

15. Пчелинцева О. Э. Заимствование моделей других наук как фактор развития теоретического языкознания: перспективы исследования проблемы // Вісник Черкаського університету. Серія Філологічні науки, Вип. 140, Черкаси, 2008. С. 114-119.
16. Ревзина О. Г. Лингвистика XXI века: на путях к целостности теории языка // Критика и семиотика. Вып. 7. Новосибирск, 2004. С. 11-20.
17. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии [Текст] / Э. Сепир; ред. А. Е. Кибрик. – М.: Прогресс, 1993. – 656 с. – (Филологи мира).
18. Соссюр Фердинанд де. Курс общей лингвистики/Редакция Ш. Балли и А. Сеше; Пер. с франц. А. Сухотина. Де Мауро Т. Биографические и критические заметки о Ф. де Соссюре; Примечания / Пер. с франц. С. В. Чистяковой. Под общ. ред. М. Э. Рут. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. – 432 с.
19. Соссюр Фердинанд де. Труды по языкознанию. Переводы с французского языка под редакцией А. А. Холодовича. М., «Прогресс», 1977. С. 15. – 695 с.
20. Степанов Ю.С. Методы и принципы современной лингвистики. М., 1975.
21. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. (Учеб. пособие) – М.: Слово/Slovo, 2000. – 624 с.
22. Чернова С. В. О методах описания языкового материала в условии интеграции научных дисциплин. Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2010, № 4 (2). С. 778-781.
23. Шляхов В. И. Эколингвистика и проблема экологии языка в российском языковом пространстве / В. И. Шляхов, А. Л. Никонов // Пространство и Время. – 2011. – № 4. – С. 138-144.

МОДЕЛИ ОБРАЗОВАНИЯ МНОГОКОМПОНЕНТНЫХ ТЕРМИНОВ В АНГЛИЙСКОЙ ТЕРМИНОСИСТЕМЕ ФИЗИЧЕСКОЙ ХИМИИ

Пресекова О.Е.

кандидат технических наук,

Кемеровский государственный университет, Россия, г. Кемерово

Статья посвящена анализу терминосистемы физической химии. Особое внимание уделяется многокомпонентным терминам, рассматриваются типы терминов-словосочетаний и способы их образования. Знание закономерностей терминообразования позволяет найти эквивалентные термины при переводе.

Ключевые слова: физическая химия, терминосистема, многокомпонентные термины, словосочетания, терминообразование.

Физическая химия как научная дисциплина развивается уже несколько десятилетий, в результате чего образовалось множество отражаемых соответствующей терминосистемой понятий. На начальном этапе развития терминосистемы физической химии в ней в значительном количестве присутствовали однокомпонентные термины (унитермы). Однако в ходе детального изучения процессов и явлений были выявлены более сложные внутрисистемные связи, потребовавшие создания многокомпонентных терминов, что привело к расширению терминосистемы. Подробный обзор исследований, посвященных природе многокомпонентного термина, приводится в работе Т.А. Кудиновой «К вопросу о природе многокомпонентного термина». Она отмечает, что унитермы «не всегда способны номинировать сложные процес-

сы, описания, характеристики и свойства». «Присутствие в тексте терминов-слов ... заметно снижается, ... роль многокомпонентной терминологии значительно повышается». Под многокомпонентным термином понимается «полилексемное терминологическое сочетание устойчивого типа с числом раздельнооформленных полнозначных компонентов более двух» [1].

На данный момент значительное количество терминов рассматриваемой области по своей структуре являются именно словосочетаниями (concentration profile – *профиль распределения концентрации*, rate determining step – *лимитирующая стадия*, high polymer – *высокомолекулярный полимер*, polymeric thickening agents – *полимерные загустители*, zero shear rate intrinsic viscosity – *характеристическая вязкость при нулевой скорости сдвига*).

Следует отметить, что большую часть терминосистемы физической химии представляют трех- и более компонентные термины (covalent intermolecular cross-linking – *образование ковалентных поперечных межмолекулярных связей*, hydrophilic N-terminal part of protein – *гидрофильная N-концевая часть молекулы белка*, triglyceride oil-water interface – *межфазная поверхность триглицерид – вода*). Такие термины могут представлять собой:

- словосочетания, в которых смысловая часть между компонентами выражена примыканием (boundary surface – *граница раздела (фаз)*, surface activity – *поверхностная активность*);

- словосочетания, компоненты которых оформлены грамматически (emulsion made with a protein – *стабилизированная белком эмульсия*, heat of crystallization – *теплота кристаллизации*).

В сфере терминообразования действуют те же закономерности, что в сфере образования любых лексических единиц определенного естественного языка [2]. Термины образуются на базе существующих слов общеупотребительной и специальной лексики, при этом некоторые способы терминообразования предпочтительнее других, что обусловлено основными требованиями и функциями терминологической лексики.

Термины-словосочетания можно разделить на следующие типы [3, с. 9]:

1. Термины-словосочетания, оба компонента которых представляют собой слова специального словаря и могут употребляться отдельно как самостоятельные единицы, имеющие присущее каждому из них значение. Например, по отдельности слово thermal имеет значения *тепловое излучение*, а conductivity – *проводимость*, однако состоящий из этих компонентов термин-словосочетание приобретает новое значение, несущее известную смысловую нагрузку: thermal conductivity – *теплопроводность*. Еще несколько примеров приведены ниже:

capillary viscometer	<i>капиллярный вискозиметр</i>
diffusional resistance	<i>диффузионное сопротивление</i>
dispersed particles	<i>частицы дисперсной фазы</i>
polymer melt	<i>расплав полимера</i>
continuous phase	<i>дисперсионная среда</i>

2. Термины-словосочетания, в которых один компонент – слово общеупотребительной лексики, а второй – технический термин. Например:

external stress	<i>внешнее напряжение</i>
back reaction	<i>обратная реакция</i>
variable valency	<i>переменная валентность</i>
simple electrode	<i>простой электрод</i>

3. Термины-словосочетания, которые состоят из слов общеупотребительной лексики, но только в данном словосочетании они образуют термин. Примеры:

dark heat	<i>тепло, излучаемое невидимой частью спектра</i>
water concentration	<i>мокрое обогащение</i>
basic metal	<i>неблагородный металл</i>
blue lead	<i>металлический свинец</i>

Следует отметить, что термины-сочетания данного типа идиоматичны, поэтому образование их с помощью этого способа недостаточно продуктивно, а их перевод представляет собой определенную сложность.

Компоненты терминов-словосочетаний находятся в атрибутивной связи, которая может осуществляться несколькими способами:

1. С помощью предлогов:

thickness of layer	<i>толщина слоя</i>
absorption of light	<i>поглощение света</i>
alcohol of crystallization	<i>кристаллизационный спирт</i>

2. Образованием конструкций:

- «существительное + существительное»:

partition ratio	<i>коэффициент распределения</i>
filter plate	<i>фильтровальная пластина</i>
liver oil	<i>жир печени рыб</i>

- «прилагательное + существительное»:

laminar flow	<i>ламинарное течение</i>
destructive distillation	<i>деструктивная перегонка</i>
electric cell	<i>электрический элемент</i>

- «причастие I + существительное»:

gelling agent	<i>структурообразователь</i>
spinning velocity	<i>линейная скорость вращения</i>
salting liquid	<i>солевой раствор</i>

- «причастие II + существительное»:

coiled polymer molecule	<i>полимерная молекула спиральной формы</i>
renneted milk gel	<i>сычужный сгусток</i>
dispersed particles	<i>частицы дисперсной фазы</i>

Необходимо отметить, что в терминосистеме физической химии большинству многокомпонентных английских терминов соответствуют русские многокомпонентные термины, однако в некоторых случаях это русские уни-

термы, имеющие две и более основы (thermal conductivity – *теплопроводность*, heat capacity – *теплоемкость*, crystal formation – *кристаллообразование*, micelle formation – *мицеллообразование*).

Не стоит забывать о соблюдении «правила ряда» (такой термин был впервые использован А.Л. Пумпянским в работе «Чтение и перевод английской и научно-технической литературы»): если после артикля стоит ряд слов, то последнее из них будет тем словом, к которому относится артикль и с которого нужно начинать перевод; остальные слова ряда являются его определениями [4]. Ряд может состоять только из существительных (the energy dissipation rate – *скорость диссипации энергии*), а может включать прилагательное, причастия или герундий (a water-cooled conveyor – *конвейер, охлаждаемый водой*). Несоблюдение «правила ряда» приводит к искажению смысла. Например, ряд, состоящий из двух слов, зачастую вызывает затруднения при переводе, поскольку существительное, играющее роль определения, либо переводится прилагательным, что далеко не всегда правильно, либо перевод начинается с первого слова, что также неверно:

the particle velocity	<i>скорость частиц (но не частичная скорость)</i>
measurement parameters	<i>параметры измерения (но не измерение параметров)</i> [5, с. 37].

Неотъемлемой частью современного развития науки в области физической химии является обмен информацией между специалистами, говорящими на разных языках. Поскольку термины являются языковым средством, которым оперируют специалисты, они должны обеспечивать точную и четкую связь с определенным понятием, явлением или процессом и однозначное понимание их учеными, решающими аналогичные задачи в разных странах мира. В связи с этим, перевод терминов, в особенности терминов-словосочетаний, сопряжен с определенными трудностями и требует поиска эквивалентных терминов с целью получения адекватного перевода.

Список литературы

1. Кудинова, Т.А. К вопросу о природе многокомпонентного термина (на примере английского подязыка биотехнологий) // Вестник Пермского ун-та. Вып. 2 (14). 2011. – С. 58 – 61.
2. Лейчик, В.М. Терминоведение: предмет, методы и структура. – ЛКИ, 2007. – 256 с.
3. Пронина, Р.Ф. Перевод английской научно-технической литературы. – М.: Высш. шк., 1985. – 175 с.
4. Пумпянский, А.Л. Чтение и перевод английской научной и технической литературы. Лексика и грамматика. – М.: ООО «Поппури», 1997.
5. Рубцова, М. Г. Чтение и перевод английской научной и технической литературы: лексико-грамматический справочник/ Н.Г. Рубцова. – 2-е изд. испр. и доп. – М.: АСТ: Астрель; Владимир: ВКТ, 2010. – 382с.
6. Герцфельд, К. М. Англо-русский химико-технологический словарь / под ред. Л. В. Кириченко, В. Н. Крючковой, В. А. Рокутовой. – М.: Печатный Двор, 1960.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ НЕВЕРБАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ АНГЛИЙСКОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ

Салимова Г.Н.

старший преподаватель кафедры германских языков,
Стерлитамакский филиал федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования «Башкирский государ-
ственный университет», Россия, г. Стерлитамак

В статье рассматриваются национальные особенности невербального поведения и его проявлений английской лингвокультурной общности. Подчеркивается важность правильного овладения невербальными компонентами общения, так как это позволяет сделать коммуникацию успешной.

Ключевые слова: коммуникативное поведение, лингвокультурная общность, вербальная коммуникация, невербальная коммуникация.

Коммуникативное поведение, так же как и речевая коммуникация в целом, регламентируется различными нормами и традициями, предписывающими представителям той или иной лингвокультурной общности определенные способы вербального и невербального взаимодействия для достижения эффективного и гармоничного общения [1, с. 37].

Для успешного общения важно понимать не только слова собеседника, но и используемые им средства невербальной коммуникации – мимику, жесты, позы, телодвижения, использование пространства, и другие знаки, роль которых нельзя недооценивать. По данным исследователей, с помощью слов передается всего 40% информации, остальная – несловесными средствами; при восприятии человека при первой встрече значимость его слов составляет всего 7 %, голоса – 38%, внешности – 55% [7, с. 27].

Знаки невербальной коммуникации являются культурно-специфичными и представляют собой «совокупность исторически сложившихся и закреплённых традицией особенностей использования средств невербальной коммуникации – проксемических, кинесических, тактильных и др.» [4, с. 15].

Как отмечает Е.Г. Крейдлин, «нет ни одного выражения лица, позы, или положения тела, которые бы имели одно и то же значение во всех культурах» [3, с. 233].

Невербальное поведение включает *проксемию* (использование пространства в процессе коммуникации, необходимое количество личной территории); *кинесическое поведение* (специфические жесты и частотность их использования, выражения лица, позы, телодвижения); *тактильное поведение* (допустимость прикосновений и тактильные жесты и др.); *паравербальные характеристики* (темп речи, громкость, тональность, допустимость и длина пауз, допустимость и роль молчания и т.п.).

Для английского стиля невербальной коммуникации характерны следующие черты:

- 1) значительная пространственная дистанция;
- 2) бережное отношение к незыблемости личного пространства каждого из участников коммуникативного акта, его автономии, недопустимость его нарушения;
- 3) практически полное отсутствие тактильной коммуникации;
- 4) ограниченное и сдержанное использование мимики и жестов;
- 5) сдержанность в проявлении эмоций;
- 6) социальная улыбчивость;
- 7) предпочтительно говорить тихим голосом, в среднем темпе, не перебивая друг друга и строго следуя правилу соблюдения очерёдности реплик, не допуская длинных пауз и молчания.

Необходимо уточнить, что в данной статье под английским языком и английской коммуникативной культурой, мы, вслед за Т. В. Лариной, понимаем, главным образом, британский английский и англосаксонскую культуру, многие черты которой в той или иной мере характерны и для других вариантов английского языка и для других англоязычных культур [4, с. 9].

Представители английской лингвокультуры в общении избегают физических контактов: они не обнимаются, не целуются, не прикасаются друг к другу. Даже такой распространенный в других культурах жест приветствия, как рукопожатие, обычно используется только при знакомстве. При этом рукопожатие у англичан краткое, делается оно при полностью вытянутой руке и без попытки задержать руку собеседника в своей. Молодежь или близкие друзья не обмениваются рукопожатием. На званом вечере хозяйка дома приветствует рукопожатием каждого приглашенного гостя. Джентльмены в официальной обстановке всегда обмениваются рукопожатием, даже если для этого нужно встать и пересечь комнату. Леди, если она этого пожелает, предлагает свою руку джентльмену, но не наоборот. Старший предлагает руку младшему. Считается оскорблением не ответить на протянутую для рукопожатия руку [5, с. 124-126].

Что касается жестов и мимики, в английской культуре они используются очень ограниченно. Ограниченная жестикуляция, как и сдержанная, неинтенсивная мимика, являются признаком воспитанности и хороших манер. Несколько своеобразным является использование визуального контакта. Как и в других европейских культурах, прямой взгляд у англичан является знаком внимания и заинтересованности. При этом глаза обычно неподвижны, не переходят с предмета на предмет, а сфокусированы в одной точке. Чтобы дать понять собеседнику, что они слышат и понимают его, англичане часто не кивают головой, а мигают. При этом смотреть прямо в глаза собеседника не принято [2, с. 111].

Важной чертой вежливого английского общения является негромкость речи. Из вежливости англичанин как бы разговаривает сам с собой, а не с собеседником. Немногословие также считается важным условием коммуникативной вежливости в английском речевом этикете [6, с. 14].

Несоблюдение же данных правил привлекает внимание окружающих и вызывает их осуждение, и наоборот, правильное овладение невербальными компонентами общения позволяет сделать коммуникацию успешной.

Список литературы

1. Газизов Р. А. Коммуникативные табу в немецкой лингвокультуре // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 8 (223). Филология. Искусствоведение. Вып. 51. С. 37-40.
2. Грейдина Н. Л. Основы коммуникативной презентации. Пятигорск: ПГЛУ. Изд-во «Рекламно-информационное агентство на КМВ», 2003.
3. Крейдлин Г. Е. Кинесика // Григорьева С. А., Григорьев Н. В., Крейдлин Г. С. Словарь языка русских жестов. М., Вена: Языки русской культуры. Wiener Slawistischer Almanach, 2001. С. 166-254.
4. Ларина Т.В. Категория вежливости в английской и русской коммуникативной культурах: Монография. М., Изд-во РУДН, 2003. 315 с.
5. Мосейко А.А. Этикетные модели поведения в британской и русской лингвокультурах: дис. ...канд. филол. наук. Волгоград, 2005. 197 с.
6. Стернин И. А. Русский речевой этикет. Воронеж, 1996. 73 с.
7. Sampson E. The Image Factor. L., 1994.

MANIPULATION IN DISCOURSE OF POWER

Самтарова Р.В.

ассистент кафедры германских языков, Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета, Россия, г. Стерлитамак

The article represents viewpoints of a number of linguists on manipulation in political discourse. It also clarifies the notions of manipulation, argumentation, persuasion, suggestion and shows their interconnection.

Key words: political discourse, manipulation, argumentation, persuasion, suggestion.

Semantic ambiguity, emotionally elevated vocabulary and other characteristic features of political discourse help subjects of political discourse to manipulate the audience. N. Fairclough, R. Wodak, T. van Dijk state that manipulative speech acts show the relations of social inequality [3].

Manipulation is behaviour that influences someone or controls something in a clever or dishonest way [10, p. 917]. Something manipulative, according to a dictionary entry, makes people do what they want by influencing them in a clever or dishonest way [10, p. 917].

T. van Dijk, a renowned representative of Critical Discourse Analysis, defines manipulation in relation to discourse as behaviour which implies the exercise of a form of illegitimate influence by means of discourse [6, p. 359]. He explains that manipulators make others believe or do things that are in the interest of the manipulator, and, moreover, against the best interests of the manipulated.

Frans van Eemeren from University of Amsterdam singles out characteristic features of manipulation in discourse:

- manipulation is intentional;
- speaker's or writer's true intention is covert in character;
- manipulative discourse is aimed at deceiving the addressee in some way or another (according to Louis de Saussure, manipulation makes "the hearer (or reader) adopt a behaviour consistent with the manipulator's interest" (Quoted from [8, p. 11])).

Frans van Eemeren puts a clear demarcation line between manipulation and argumentation. A vital difference between them, according to the linguist, becomes clearer when such characteristic features of manipulation are taken into account as covert intention and deception [8, p. 12]. Thus, the process of convincing the addressee of a speaker's standpoint by means of sound argumentation should be distinguished from skillful imposing a speaker's viewpoint on an addressee by means of intentional deceiving the latter through the covert use of communicative devices that do not correlate with generally acknowledged standards of reasonableness.

The distinction should also be recognized between manipulation and persuasion. The dictionary entry for persuasion says that persuasion is the process of persuading someone to do or believe something [10, p. 1114]. The verb "persuade", in its turn, has the following meaning: "to make someone agree to do something by giving them reasons why they should".

The verb "to persuade" also means "to make someone believe that something is true" [10, p. 1114], "make someone feel sure about something" [9, p. 1226]. This sense of the word "to persuade" is synonymous to "convince".

Regina Blass, a contributor to the book "Manipulation and Ideologies in the Twentieth Century: Discourse, Language, Mind", suggests two manifestations of persuasion: overt and covert. She emphasizes that the more it is covert, the more it becomes manipulative. As an example of this, she stresses that in language use it is quite acceptable to say: "Can I persuade you to come with me to the cinema?" but it is very odd to say: "Can I manipulate you to come with me to the cinema?" [5, p. 170].

V. E. Chernyavskaya by persuasion understands influence of an author of an oral or written message over addressees in order to convince them of something or call for performing or not performing certain actions. She stresses that a persuasive speech act has two communicative-pragmatic intentions: 1) the use of language means to influence addressees' mind, perspectives and values; 2) encouragement of addressees to perform some actions, direction of their behaviour [1, p. 25].

Thus, we understand persuasion as an oral or written communicative process that attempts to reinforce or change the listeners' attitudes, beliefs, values, or behaviour.

Speaking of persuasion, we should also mention another phenomenon called "suggestion". The difference between them lies in the common psychological division of behaviour into two sides: cognitive and emotional as well as in the idea about rational and emotional-subjective aspects of communication processes. V.E. Chernyavskaya advocates this distinction and defines suggestion as covert influence on subconsciousness of addressees accepted by them on faith, without critical evaluation [1, p. 25].

V. E. Chernyavskaya comes up with an idea that persuasion correlates with the cognitive side of behaviour and appeals to arguments, whereas suggestion correlates with the emotional behaviour. Though, she also states and we, in turn, agree that these processes are interconnected, forming a mental complex with a complicated structure. Undoubtedly, there are a number of purely persuasive techniques appealing to the mind and reason of an addressee (e.g. various kinds of argumentation), but still most techniques are of a mixed nature.

It should be born in mind that the processes of manipulation, argumentation, persuasion and suggestion are interconnected. Thus, for example, both argumentation and persuasion can be used as manipulative tools.

We agree with T. van Dijk's point of view on the correlation of manipulation and discourse: "discourse structures as such are not manipulative; they only have such functions or effects in specific communicative situations and the way in which these are interpreted by participants in their context models" [7, p. 226]. Moreover, discourse obtains manipulative character when it advocates ideas that might be or might not be in the addressees' interests but it is definitely against addressees' will (Quoted from [2, p. 145]). We advocate M. Seyranyan's idea that manipulations in political discourse are expressed as disguised images "implanted" into the minds of the audience aiming at impairing of opponents' images and enhancing a manipulator's image [4].

Thus, the same discourse may be of manipulative nature in one situation but not in another situation. Yet though discourse structures per se need not be manipulative, some of these structures may be more efficient than others in the process of influencing the minds of recipients in the speaker's or writer's own interests.

References

1. Chernyavskaya V.E. Diskurs vlasti i vlast diskursa. Problemy rechevogo vozdeistviya. M.: Nauka, 2006. 136 p.
2. Issers O.S. Kommunikativnye strategii i taktiki russkoy rechi. M.: LKI, 2008. 288 p.
3. Kozhemyakin E.A. Lingvisticheskiye strategii institutsionalnykh diskursov // Sovremennyyi diskurs-analiz. 2011. Vyp. 3. P. 62–69.
4. Seiranyan M.Yu. Konfrontativnye strategii i taktiki v politicheskikh debatakh // Vestnik MGOU. Seriya "Lingvistika". 2011. № 1. P. 37–42.
5. Blass R. Manipulation in the speeches and writings of Hitler and the NSDAP from a relevance theoretic point of view // Manipulation and Ideologies in the Twentieth Century: Discourse, Language, Mind / edited by Louis de Saussure, Peter Schulz. Amsterdam: John Benjamins Publishing Co., 2005. Vol.17. P. 169–191.
6. Dijk Teun A. van. Discourse and manipulation // Discourse & Society. – London: SAGE Publications, 2006. Vol.17 (2). P. 359–383.
7. Dijk Teun A. van. Discourse and Power. – NY: Palgrave Macmillan, 2008. 304 p.
8. Eemeren Frans van. Foreword: preview by review // Manipulation and Ideologies in the Twentieth Century: Discourse, Language, Mind / edited by Louis de Saussure, Peter Schulz. – Amsterdam: John Benjamins Publishing Co., 2005. Vol.17. P. 9 – 16.
9. Longman Dictionary of Contemporary English / edited by R. Quirk. – Harlow: Pearson Education Limited, 2007. X, 1950 p.
10. Macmillan English Dictionary For Advanced Learners / edited by M. Rundell. – Oxford: Macmillan Publishers Limited, 2007. II, 1748 p.

СОВРЕМЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ОБУЧЕНИЕ БИЛИНГВОВ. ОСОБЕННОСТИ ДЕТЕЙ-БИЛИНГВОВ КАК СУБЪЕКТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Скворцов К.В.

заведующий кафедрой «Русский язык и межкультурная коммуникация»,
канд. пед. наук, доцент, Московский государственный университет путей со-
общения императора Николая II, Россия, г. Москва

В статье рассматриваются проблемы обучения и воспитания детей-билингвов в процессе самореализации в условиях культуры и образования. Описываются особенности структура и компоненты культурно-образовательного процесса, потребности общества в развитии нравственных основ образования билингвов. Автор анализируется структура нравственных ценностей как ориентиров воспитания и обучения билингвальных детей.

Ключевые слова: воспитание, культура, моральные ценности, культурно-образовательный процесс.

В настоящее время в обучении детей-билингвов в российской школе обнаруживаются определённые кризисные явления. Вновь прибывшие учащиеся в образовательные учреждения (ОУ далее) имеют некоторые навыки правильной, беглой, выразительной речи и могут читать: они быстро и легко усваивают учебный материал, готовы к различным творческим заданиям. Учителю, в данном случае не надо думать о том, как объяснить тему наиболее доступно.

Многие обучающиеся знают буквы русского алфавита, некоторые читают по слогам или владеют навыком медленного чтения словами. Некоторые из них, несмотря на условную ограниченность языковой среды, участвуют в социально-культурной жизни родителей-мигрантов, повышая образовательный ресурс (смотрят русское телевидение, читают детские журналы, ярлыки на товарах, рекламу, посещают мероприятия на русском языке, общаются по телефону и интернету с родственниками и друзьями, совершают поездки на родину родителей).

Таким образом, большинство родителей способствуют и стремятся создать возможности для повышения образовательного потенциала собственных детей и оказывают необходимую помощь детям в освоении родного устного (русского) языка и приобретении навыка чтения. Некоторые из родителей даже надеются в будущем отправить детей учиться в российские вузы. Тем не менее, есть обучающиеся, которые не владеют грамотной устной речью, не могут правильно выразить собственную мысль, пересказать событие, не умеют или плохо читают.

Возникают сложности в процессе общения со сверстниками из русскоязычной языковой среды во время посещения занятий в школе.

Они избегают общения на родительском языке, не справляются с учебным материалом в «русских» образовательных учреждениях, далее появляются стойкие негативные эмоции, отрицательно влияющие на важные соци-

альные связи и контакты с родительской семейной системой. Преобладающее большинство учащихся в российских школах билингвов испытывают проблемы на начальном этапе освоения языка.

Для преодоления трудностей учителям и родителям двуязычных детей, нужна дополнительная помощь специалистов, владеющих технологией преподавания русского языка как неродного.

Быстрому и успешному усвоению языка (родного или социального), учебного материала, часто мешают звуковые нарушения в речи, лексико-грамматические и фонематические ошибки и неточности, что может привести в дальнейшем к проявлениям дисграфии. Учащиеся – билингвы, обучаясь в школе, испытывают психологический дискомфорт, переживают психоэмоциональный стресс и теряют мотивацию к усвоению языка, отказываясь в конечном итоге посещать занятия. Не стоит при этом забывать, что научить ребёнка- билингва красиво, правильно, бегло выражаться на родном языке, выразительно читать намного сложнее обучения основам физики или химии.

Таким образом, методы и учебные пособия по обучению грамоте, должны оцениваться, исходя из знаний о родном языке, которые приобретают дети-билингвы. Учитель должен уметь отслеживать то, как развивается интерес у детей-билингвов к родному языку, как формируется и понимаются некоторые закономерности родного языка, культуры. В условиях миграции и языковой ограниченности на современном этапе развития монокультурного общества, главной целью обучения грамоте русского языка как предмета является:

- обучение чтению слогов, слов и развитие фонематического слуха;
- пробуждение мотивации и интереса к чтению на русском языке как средству познания и развития;
- развитие личности каждого и обогащение его внутреннего мира;
- развитие мыслительной деятельности воспитание у учащихся любви и уважения к родному слову;
- развитие умения правильного построения предложений и др.

Основная задача предмета «русский язык как неродной» в школе – стать инструментом социализации ребенка в современном обществе, обучить, развить общие коммуникативные навыки. Увы, именно низкий уровень фонетической компетенции учащихся-инофонов порождает «стихийный» билингвизм, а значит, ошибки межъязыковой интерференции, акцент и другие особенности, отражающие взаимодействие двух языков. Поэтому представляется важной разработка целостного подхода к обучению фонетике учащихся национальных школ и полиэтнических классов крупных мегаполисов Российской Федерации. Процессы миграции развиваются, поэтому границы общения неизбежно расширяются. По разным статистическим подсчётам уже сегодня более 70% жителей земного шара двуязычные или многоязычные. Яркие черты русского характера, как самопожертвование, отзывчивость, соборность и взаимовыручка заложены в нравственном воспитании и культуре. Проблема билингвизма и билингвального образования достаточно широко освещена в литературе. Согласно наиболее распространённой точке

зрения, освоение второго языка в значительной мере зависит от уровня развития первого. Если первый язык развит настолько, что ребёнок способен пользоваться им в отрыве от контекста, освоение второго языка происходит сравнительно легко.

Важнейшими факторами такой фрустрации являются: растерянность при пользовании вторым языком; фрустрация, тревога, дезориентация из-за различий культур; низкий уровень мотивации освоения языка; снижение самосознания, которое наблюдается во время освоения второго языка. Если первый язык освоен плохо, либо имеется риск утраты первого языка, освоение второго языка может замедлиться. Вопросы для формирования билингвальной личности, остаются недостаточно изученными: какие психолого-педагогические условия создадут оптимальные предпосылки для развития русского и второго родного языка школьников, преодолеть страхи перед необходимостью знания языка страны для успешного старта в школе, как повышать квалификацию учителя при отсутствии системы повышения квалификации педагогических кадров. Возникают задачи: где и как дети-билингвы овладевают языками, в каких социальных условиях, с какими результатами. Родной язык важен для создания эмоционального комфорта и формирования чувств ребенка, как общее коммуникативное средство в большой семье. Освоение второго языка в школе связано с общими способностями ребёнка и особым языковым талантом. В смешанных коммуникативных средах характер средовых влияний, которым подвергается ребёнок, является более сложным по структуре и содержанию, в сравнении с аналогичным процессом у сверстника-монолингва. Это может оказаться препятствием к своевременной выработке «чувства языка» – способности, являющейся принципиально важной для овладения одним языком.

Жители примерно четверти государств планеты говорят на двух языках. Приведем данные – 56% жителей Западной Европы владеют двумя языками, 28% – тремя. Примерно 50-55% населения Земли одинаково хорошо владеют двумя языками. Каждые 5 лет количество людей, знающих два языка, возрастает на 9%. Среди них есть потомки эмигрантов, дети от смешанных браков, и жители стран, где несколько языков законодательно закреплены конституцией. Большинство европейцев в качестве второго языка изучают английский, далее следует французский, немецкий.

Психологи называют билингвизмом способность употреблять в общении две языковые системы, когда человек свободно переходит с одной языковой системы на другую, не путая при этом грамматические шаблоны и фонетику. Рассмотрим этимологию данного термина – билингвы.

«**Билингвизм**» происходит от латинского: *bi* – «двойной», «двоякий» и *lingua* – «язык». Билингвизм – это способность владения двумя языками. Поэтому человека, который может разговаривать на двух языках, называют билингвом. Кроме этого, существует понятие *мультилингвизм* – *многоязычие*. Отличительная особенность мультилингвизма заключается в том, что он бывает двух видов – национальным (использование нескольких языков в определенной социальной общности) и индивидуальным (употребление одним человеком не-

скольких языков, каждый из которых предпочитается в конкретной ситуации общения).

Овладение двумя языковыми системами способствует изменению всех основных психических процессов ребенка. Речь является важным фактором, качественно изменяющим не только психическую деятельность, но и совершенствующим новые формы внимания, памяти, воображения, мышления (Л.С.Выготский, В.Н. Вагнер, И.А. Зимняя, А.Р. Лурия, А.А. Леонтьев и др. Полноценно развивающиеся билингвы, как правило, хорошо учатся и лучше других усваивают абстрактные науки, литературу и другие иностранные языки.

Говоря о негативных моментах в билингвизме, необходимо продумывать стратегию и тактику общения на каждом языке. Вариант, при котором общение на обоих языках происходит с момента рождения, является наиболее благоприятным для формирования грамотного билингвизма. Главным критерием, влияющим на процесс обучения, является возраст, в котором происходит овладение вторым языком. По мнению исследователей, занимающихся проблемами билингвизма, невозможно эквивалентное, владение двумя языками. Абсолютный билингвизм предполагает идентичное владение языками и в равной степени во всех социальных ситуациях. Это связано не только с тем, что опыт, приобретенный на одном языке, отличается от опыта, приобретенного на другом языке. Подросток чаще использует разные языки в разных ситуациях: в случае получения знаний предпочтение отдаётся одному языку, – на котором эти знания и были получены. У ребёнка – билингва не может быть двух одинаковых социальных или культурных сфер действия языков, сформированы в разной степени. Именно в определении билингвизма отсутствует критерий абсолютно свободного владения обоими языками. Если один из языков не мешает второму, второй язык развит в высокой степени. Перечисленные выше особенности билингвов, дают возможность сделать вывод, что дети – билингвы – это уникальные участники межкультурного общения. Существуют во взаимосвязи языка с сознанием и коммуникацией как способ обмена содержанием при соблюдении формы, свойственной языку.

Учитель-предметник должен строить обучение русскому языку нерусских учащихся в соответствии с общедидактическими принципами, с принципами дидактики, определяющими содержание, методы и организационные формы обучения в школе. Дидактика является теоретической основой методики. Перейдем к рассмотрению дидактических принципов применительно к преподаванию русского языка в среднем звене общеобразовательной школы города Москвы ЮВАО как неродного в контексте изучения фонетической системы русского языка. Говоря о методах, следует рассмотреть, какие существуют в настоящее время в образовании. При хорошем знании родного языка (когда русский в семье и общении является ведущим) отличия не наблюдаются.

- **При недостаточном словарном запасе:** учащиеся на уроке с учителем стараются разговаривать (отвечают на поставленные вопросы) на русском языке. Если и в учебной ситуации не хватает словарного запаса, то либо молчат (не отвечают на вопросы, уклоняются от всякого общения, даже со

сверстниками), либо отвечают на иностранном. На перемене, или в ситуации до и после занятия переходят между собой на свой национальный язык. Для восполнения пробела в словарном запасе приходится в качестве исключения давать определения и на русском, и на национальном языке, чтобы ликвидировать интеллектуальный пробел в развитии детей.

- **Речевые проблемы:** окончания, рода, числа, предлоги, личные местоимения – путают, не знают. При недостаточно развитом словарном запасе, не могут описать предмет, явления, неправильно называют признаки. Проблемы с загадками и пословицами – вызывают серьезные затруднения у учащихся среднего звена. Как следствие, нет желания учиться читать и после освоения трудно развить навыки чтения и письма.

- **Поведенческие проблемы:** тревожные дети (особенно те, кто владеет только пассивной лексикой русского языка), часто самоустраиваются на занятиях, не участвуют в обучающем процессе (перебирают карандаши, листочки в папке, отворачиваются от сверстников, хотят сидеть за последним столом в одиночестве и пр.). В случае неудачи учащиеся-билингвы прекращают посещать занятия в русской школе.

- **Психолого-педагогические проблемы:** раннее погружение (когда ещё родной язык развит и сформирован в недостаточной мере) в иностранную языковую среду приводит у некоторых детей к длительному торможению речевого развития, либо к речевому недоразвитию. Умение рассказывать и описывать происходящее с ребёнком, описывать своё внутреннее состояние. Рассмотрим несколько теоретических аспектов билингвизма с позиции науки. Чтобы выучить второй язык, нужно, в первую очередь, иметь желание изучать его. Оно может не осознаваться самим ребёнком, но присутствовать подсознательно. Это положительное отношение к языку, к говорящим на нем людям, эмоциональный подъем, испытываемый детьми. Так же, следует обеспечить «доступ» к языку- предоставить возможность общаться с носителями языка, включить через воспитательную и внеклассную работу.

Практические результаты обучения могут быть связаны также с тем, что педагог, родители, учащиеся ставят перед собой различные цели в изучении второго языка. Одни хотят уметь общаться, другие – читать художественную литературу на языке оригинала. Это не соответствует начальной ступени школьного языкового образования: на начальной ступени преподавание должно носить максимально развивающий характер. К позитивным результатам в активном овладении языком могут привести разные стратегии учебного поведения.

Чтобы добиться хороших результатов в обучении иностранным языкам, нужен не просто индивидуальный подход. Пятиклассники обязательно должны захотеть учить преподаваемый язык и получать удовольствие. Учитель показывает ученикам разные технологии применения в аспекте изучения фонетики. Важнейшая роль отводится атмосфере занятий, благожелательной, стимулирующей обстановке. Поскольку большинство взрослых, общающихся с детьми во время образовательного процесса, не являются учителями иностранного языка, они не должны учить с детьми слова или заставлять их

правильно произносить предложения. И если ребёнок целый день говорит на одном языке (татарском, армянском, грузинском), то конечно он будет понимать своих родителей, говорящих по-русски или по-эстонски, но отвечать, будет на иностранном или не так уверенно как на иностранном. Несмотря на это надо, чтобы родители продолжали разговаривать с ними на родном языке, прививали любовь и уважения к культуре, своему народу. Каждый язык ценен в мире и имеет право на существование! Целесообразно предложить для работы блок- карту.

БЛОК-КАРТА

по разработке оптимальной системы учебных занятий в образовательном учреждении при изучении конкретной темы, раздела

Цель: оптимальное использование технологических единиц в учебном процессе.

Научный руководитель: профессор, к.п.н. Горячев Б.В.

Исполнитель: учитель-предметник, доцент Скворцов К.В.

Ф.И.О. учителя _____

ОУ (город, школа, округ) _____

Предмет русский язык

Класс 5

Категория учащихся _____

Форма учебных занятий	Технологические единицы	Применяется		Не применяется
		часто	редко	
1. <u>Лекционно-семинарская и зачетная</u> : зачет, школьная лекция, семинар.	1. Аргументация 2. Доказательство 3. Дискуссия 4. Контраргументация 5. Конспект 6. Работа с текстом			
2. <u>Игровая</u> : бенефис, исследование, конкурс, урок-аукцион, путешествие, экскурсия	1. Анкетирование 2. Беседа 3. Диалог 4. Наблюдение 5. Полемика 6. Поиск			
3. Традиционный урок: закрепление проверка знаний, умений, навыков, объяснение, комбинированный	1. Повторение 2. Объяснение 3. Закрепление 4. Самоконтроль 5. Контроль 6. Тестирование			

Дата заполнения “ ____ ” _____ 2016 г Подпись _____ ФИО

Список литературы

1. Алиев Р., Каже Н. Билингвальное образование. Теория и практика. – Рига, 2005.
2. Арутюнов А.Р. и др. Игровые задания на уроке русского языка. – М., 1989.
3. Балыхина Т.М.. Структура и содержание российского филологического образования. Методологические проблемы обучения русскому языку. – М., 2000.
4. Бернштейн С.И. Вопросы обучения произношению применительно к преподаванию русского языка иностранцам. – М., 1937.
5. Бернштейн С.И. Словарь фонетических терминов / Под ред. А.А. Леонтьева. – М., 1996.
6. Брызгунова Е.А. Звуки и интонация русской речи. 4-е изд. – М., 1997.
7. Верещагин Е.М. Психологические и методические характеристики двуязычия (билингвизма). – М., 1969.
8. Волков АЛ. Основы русской риторики. – М., 1996.
9. Вохмина Л.Л. Хочешь говорить – говори. 300 упражнений по обучению устной речи. – М., 1993.
10. Громова О.А. Аудиовизуальный метод и практика его применения. – М., 1977.
11. Зимняя И.Л. Педагогическая психология. 2-е изд., дополн. – М., 1999.
12. Зотов Ю.Б. Организация современного урока. – М., 1994.
13. Кулибина Н.В. Художественный текст в лингводидактическом осмыслении. – М., 2000.
14. Новиков Л.А. Художественный текст и его анализ. – М., 1988.
15. Общая методика обучения иностранным языкам. Хрестоматия / Сост. А.А. Леонтьев. – М., 1991.
16. Основы педагогического мастерства / Под ред. И.А. Зязюна. – М., 1989.
17. Пальмер Г. Устный метод обучения иностранным языкам. / Пер. с англ. – М., 1960.
18. Протасова Е.Ю., Родина Н.М. Многоязычие в детском возрасте. – СПб., 2005.
19. Русский язык для всех / Е.М. Степанова и др. Под ред. В.Г. Костомарова. – М., 1970; изд. 14-е.5 – М., 1990.
20. Сборник методических задач для изучающих русский язык / Е.И. Василенко, В.В. Добровольская. – М., 1990.
21. Скалкин В.Л. Основы обучения устной иноязычной речи. – М., 1981.
22. Скворцов К.В. Автореф. канд.дисс. Система игровых технологий в образовательном учреждении. М.: ИПК и ПРОНО МО, 1999.
23. Тер-Минасова С.Г. Сопоставительная лингвистика и проблемы преподавания иностранных языков. – М., 1994.
24. Фаенова М.О. Обучение культуре общения на иностранном языке. – М., 1991.
25. Шипицо Л.В. Контроль устной речи (на начальном этапе обучения). – М., 1985.

АНИМАЛИСТИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОМ ОТОБРАЖЕНИИ ЭМОЦИЙ (НА ПРИМЕРЕ ФРАНЦУЗСКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

Сухорукова Ю.С.

доцент кафедры немецкого и французского языков, канд. филол. наук, доцент,
Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина,
Россия, г. Сыктывкар

Статья посвящена универсальному и этноспецифическому в вербализации эмоций страха, гнева и печали во фразеологии французского и английского языков на примере использования зооморфных метафор.

Ключевые слова: метафора, анимализм, идиоэтническая семантика, языковое сознание.

Метафоризация – универсальный языковой прием отображения эмоций, связанный с абстрактно-чувственной, нематериальной природой последних. Метафора как «понимание и переживание сущности одного вида в терминах сущности другого вида» [3, с. 27] служит проводником в мир внутренних ощущений и их мотивации через сопоставление с конкретно-образным, познанным эмпирически. Широко известно языковое выражение человеческих эмоций через призму пространственных метафор, «телесных метафор» [1, с. 33], но в рамках данной статьи хотелось бы остановиться на анималистической метафоре, которая основана как на опытном наблюдении за повадками животных, так и на верованиях и мифологических представлениях о них.

Языковое сознание человека естественно обращается к миру животных, так как людям свойственно уподоблять собственную природу животной и признавать в животных, как и в самих себе, наличие души, своеобразного «органа», отвечающего за эмоции. Вследствие длительного близкого контакта с домашними животными и изучения поведения диких человек подмечает сходство с собственным поведением и приписывает животным похожие чувства и переживания. Соответственно язык заимствует образы из мира животных, чтобы помочь перевести в конкретно-образную форму то, что относится к области психического и невыразимого иным способом.

Однако, несмотря на универсальность метафоризации эмоций и эмпирического взаимодействия между миром людей и животных, сопоставительное исследование конкретных представлений в разных языках выявляет больший процент интерпретационных различий, чем сходств, и культурно-историческую идиоэтническую (термин Н.Н.Кирилловой) предопределенность выбора конкретных образов [2, с. 9]. Обратимся к фразеологической метафоризации эмоций страха, гнева и печали во французском и английском языках.

В исследованном фразеологическом корпусе французских и английских ФЕ семантики страха, гнева и печали (461 ФЕ) единицы, имеющие в основе анималистический образ, составляют примерно 16%. Наибольшее их количество связано с выражением эмоции гнева, что, вероятно, может быть объяснено наиболее яркими внешними проявлениями этой эмоции и наиболее частыми наблюдениями за животными именно в этом состоянии. При этом французская фразеология чаще обращается к анималистическим образам (17 компонентов-анимализмов: *lièvre, autruche, cabri, loup, mouche, tarantule, hérisson, cafard, bourdon, âne, pigeon, chèvre, mouton, chien, cheval, chat, cane*), чем английская (9: *lion, bear, monkey, hornet, rabbit, goose, cat, dog, cock, bird*). Интересно, что среди выбранных в качестве «модельных» животных количество домашних и диких практически равное в обоих языках. Если образы домашних животных объяснимы тесными контактами с ними человека, то в качестве прототипических диких представителей фауны вы-

браны либо те, которые являются универсальными культурными символами (напр., волк и заяц как векторные антонимические партнеры семантики страха во французской фразеологии, лев как символ устрашения, а медведь как символ сокрушительного гнева в английской фразеологии), либо образы насекомых, которые, не являясь домашними, тем не менее сопровождают человека в повседневной жизни.

Несмотря на кажущуюся универсальность опыта взаимодействия человека с животными в пределах родственных культурно-географических ареалов совпадение выбора анималистической символики в фразеологии ограничивается 4 случаями, в двух из которых совпадение лишь частичное. Заяц (фр.) и кролик (англ.), строго говоря, не полные эквиваленты, а различные видом (дикий заяц и домашний кролик), выступают эталоном труса для французов и англичан что доказывают следующие межъязыковые фразеологические эквиваленты: fr. *être peureux comme un lièvre, être poltron comme un lièvre* ; angl. *scared as a rabbit* ‘быть напуганным / трусливым как заяц / кролик’. Семантика страха в обоих языках передается также образом гусыни: во французской фразеологии – по сходству поведения: *faire la cane* (букв. вести себя как гусыня) ‘бояться’, а в английской фразеологии семантика ФЕ *a goose is walking over smb’s grave* ‘мурашки бегут по телу’ обусловлена игрой слов, перекрещиванием значений лексем *goose* ‘гусь’ и *gooseflesh* ‘гусиная кожа, мурашки’.

Общими для двух языков также являются образы кошки и собаки, но совпадение неполное. Во французской фразеологии образ кошки метафорически отражает два эмоциональных состояния – страха в интерпретации ситуации «кто-то переживший страх становится свехосторожным»: *chat échaudé craint l’eau froide* (букв. ошпаренная кошка боится холодной воды) и гнева: *avoir une mine de chat fâché* (букв. иметь выражение лица рассерженного кота), где мимика гневающегося человека уподоблена кошачьей (суженные или расширенные глаза, сдвинутые к переносице брови, напряженное «сморщенное» лицо). В английской фразеологии образ кошки присутствует опосредованно для описания эмоции гнева: *to put smb.’s back up* (букв. выгнуть спину) вызывает ассоциацию с поведением обозленной кошки.

Зеркально противоположна ситуация с образом собаки. В английских ФЕ подмечены три ее состояния, связанные с образом собаки как источника страха: собака лающая = неопасная несмотря на внешне устрашающие действия (*one’s bark is worse than one’s bite, great barkers are no biters, barking dogs seldom bite*), собака спящая, которую опасно будить (*to wake a sleeping dog*) и ошетилившаяся = готовая к нападению (*to set up/to raise one’s bristles*). Кроме того, ФЕ *to have the black dog on one’s back* (букв. иметь черную собаку на спине) ‘хандрить, быть в меланхолии’ рисует враждебный образ опасного существа, чье воздействие вызывает хандру и печаль. Черная собака – традиционный, восходящий к архетипическим, фольклорным и мифологическим (Анубис, Цербер) представлениям образ депрессии. С состоянием печали связан опосредованный образ собаки и во французской ФЕ *baisser l’oreille*

(букв. опустить уши), с ассоциативной основой – наблюдением за поведением собаки, расстроенной или напуганной.

Выбор остальных анимализмов, фигурирующих во французских и английских ФЕ, обусловлен культурно-историческими, идиоэтническими предпочтениями.

Французы активно используют наблюдения за повадками животного мира для языкового воплощения переживаний страха. Среди пугливых во французских ФЕ фигурируют страус (*autruche*) и козленок (*cabri*). По наблюдению французов, в состоянии испуга человеку свойственно вести себя подобно этим животным: fr. *faire l'autruche, s'effrayer comme un cabri* 'труситься'. Источником опасности является для французов волк (по размерам и, следовательно, по силе). ФЕ *on fait toujours le loup plus gros qu'il n'est* 'у страха глаза велики' передает идею преувеличенной опасности. Голубь фигурирует как существо не столько опасное, сколько способное навредить, помешать осуществлению цели: fr. *il ne faut pas laisser de semer par crainte des pigeons* (букв. не надо прекращать посев, боясь голубей) 'волков бояться – в лес не ходить'.

В английской фразеологии с семантикой страха связан образ льва как источника опасности (по характеру): *the lion is not so fierce as he is painted* 'у страха глаза велики'.

Любопытно отметить, что семантика печали ограничивается лишь одной анималистической метафорой мифологического происхождения (см. выше комментарий образа собаки) в английской фразеологии. Для французского языкового сознания грустные мысли, теснящиеся в мозгу, ассоциативно соотносятся с образами двух насекомых из разряда неприятных: шмеля и таракана. ФЕ *avoir le cafard* (букв. иметь таракана), *faire / foutre / flanquer le cafard* (букв. делать / находиться рядом с тараканом) и *avoir le bourdon* (букв. иметь шмеля) 'хандрить'. Оба метафорических переноса связаны с подчеркнутыми особенностями поведения данных насекомых: печальные мысли одолевают человека подобно копошащимся в темных углах тараканам или нудному гудению шмеля. Лексема *bourdon*, кроме того, имеет значение «большой колокол», тяжелый звон которого извещал о каких-то драматических событиях, что тоже встраивается в семантику печали.

Зато семантика гнева отражена наиболее подробно в обоих языках. Для французов продуктивными оказываются наблюдения за поведением лошади в разъяренном состоянии: ФЕ *prendre le mors aux dents* (букв. взять в зубы удила), *écumer de rage* (букв. изрыгать пену от ярости; сравните также: *écumer comme un verrot*, букв. изрыгать пену, как хряк), *s'échauffer dans son harnais* (букв. разогреться в упряжи) 'быть в гневе' перекликаются с характерными для человека физиологическими проявлениями, когда у рта гневающегося появляется пена, а температура тела повышается.

В английской фразеологии продуктивен образ петуха и птицы вообще, где маркером агрессивности является поднятый клюв (*to put smb.'s pecker up*) или гребешок (*to have/to get one's hackles up*), а также негативная реакция на попытку взъерошить оперение (*to ruffle smb.'s feathers* 'рассердить'). С по-

следней ФЕ перекликается также фразеологизм *to stroke smb. the wrong way of the hair* (букв. гладить кого-то против шерсти), относящийся к абстрактному, покрытому шерстью животному. Интересно отметить ФЕ *one's monkey is up* (букв. чья-то обезьяна проснулась) 'кто-то в ярости'. Образ обезьяны здесь отсылает не к поведению данного животного в гневе, а к древним верованиям, согласно которым в каждом человеке дремлет злой дух, имеющий вид обезьяны, который временами просыпается и видоизменяет поведение человека, делая его агрессивным.

Итак, исследование показывает, что универсальность взаимодействия мира человека и животных преломляется в этноспецифическом зеркале языкового сознания, что порождает уникальные анималистические фразеологические метафоры, отражающие разную, идиоэтническую «фокусировку».

Список литературы

1. Апресян В. Ю., Апресян Ю. Д. Метафора в семантическом представлении эмоций // Вопросы языкознания. 1993. № 3. С. 27-35.
2. Кириллова Н. Н. Фразеология романских языков: этнолингвистический аспект: Монография. СПб.: Изд-во Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена, 2003. 319 с.
3. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. / пер. с англ. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.

«ПЕСНЯ О РУБАШКЕ» ТОМАСА ГУДА В ТВОРЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ Э. Г. БАГРИЦКОГО

Холодкова Ю. В.

доцент кафедры «Английский язык», канд. филол. наук,
Пензенский государственный университет, Россия, г. Пенза

Крехтунова Е. В.

доцент кафедры «Английский язык», канд. филол. наук,
Пензенский государственный университет, Россия, г. Пенза

В статье рассматривается и сопоставляется оригинал «Песни о рубашке» Томаса Гуда с его интерпретацией, выполненной Э. Г. Багрицким. Проводится анализ стилистических, лексических и иных приемов, используемых переводчиком для отражения характера и настроения оригинала.

Ключевые слова: Томас Гуд, Эдуард Багрицкий, интерпретация, восприятие.

Написанная Томасом Гудом в 1843 г. «Песня о рубашке» («The Song of the Shirt») стала одним из вершинных достижений английской демократической поэзии своего времени, «скорбной рапсодией труда и лишений», во многом предвосхитившей творчество поэтов-чартистов Томаса Купера, Джеральда Масси, Эрнеста Джонса и др. Она не только «произвела глубочайшее впечатление по всей Великобритании» [5, р. 23], но и распространилась по миру «подобно гигантскому пожару» [6 р. 182], постепенно добравшемуся в самые отдаленные, чуждые цивилизации уголки. В России к осмыслению

«Песни о рубашке» в разные годы обращались разные поэты и переводчики. Э.Г.Багрицкий создал две редакции перевода, первая из которых была опубликована в «Известиях Одесского губисполкома» в 1923 г. [1, с. 1], а вторая – в «Комсомольской правде» в 1926 г. [2].

В основу стихотворения Томаса Гуда, представлявшего бедственное и безотрадное положение лондонских швей, была положена реальная история вдовы, долгими часами шившей на дому мужскую одежду из материала работодателя и получавшей за это скудную плату в размере семи шиллингов в неделю, – не выдержав, она заложила материалы, чтобы купить еду для своих голодных детей, за что была обвинена в преступлении. Стилистическим лейтмотивом английского произведения стали повторы, которые, звуча рефреном, усилили лиризм и драматизм повествования; наряду с анафорами и переносами, стягивавшими стихи и строфы, повторы имитировали непрерывность и однообразность работы швей и создали своеобразную мелодию.

Окончательная редакция Э.Г.Багрицкого (1923 г.) является более вольной, содержит те же одиннадцать строф, но по шесть стихов, с различными начальной и финальной строфами с характерным повтором, а также рядом оригинальных метафор и акцентом на возвышенной трагедийности: «От песен, от скользкого пота – / В глазах растекается мгла. / **Работай, работай, работай** / Пчелой, заполняющей соты, / Покуда из пальцев с налета / Не выпрыгнет рыбка игла!.. / **Работай, работай, работай**, / Покуда погода светла, / Покуда стежками без счета / Играет, летая, игла. / **Работай, работай, работай**, / Покуда не умерла!..» [3, с. 56, 57].

В окончательный вариант своего перевода Э.Г.Багрицкий внес патетический монолог, обращенный к швее. Монологическая форма позволила переводчику усилить эмоциональность и экспрессивность стиля, придать ему яркую публицистичность. Кроме того, Э.Г.Багрицкий композиционно связал пять строф (вторую, третью, седьмую, девятую и десятую) с помощью патетических анафор-обращений: «**Швея!** Этой ниткой суровой / Прошито твое бытие... / <...> / **Швея!** Отвечай мне, что может / Сравниться с дорогой твоей?.. / <...> / **Швея!** Ты не помнишь свободы, / Склонясь над убогим столом, / <...> / **Швея!** Ты не знаешь дороги, / Не знаешь любви наяву, / <...> / **Швея!** За твоею спиною / Лишь сумрак шумит дождевой <...>» [3, с. 56–57].

Метафора оригинала, соотносящая оплату швее с плохой постелью, скудной едой и одеждой, получает развитие в последующих стихах гудовского оригинала, представляющих обстановку в ее доме: «That shattered roof – this naked floor – / A table – a broken chair – / And a wall so blank, my shadow I thank / For sometimes falling there!» [7, с. 279] [Эта обветшалая крыша – этот голый пол – / Стол – сломанный стул – / И стена такая пустая, что свою тень я благодарю, / За то, что иногда она падает на нее!]. Э.Г.Багрицкий в окончательной редакции своего перевода ушел от избыточных натуралистических деталей, подчеркнув скудость быта посредством отдельных немногочисленных штрихов: «И в щели проклятого крова / Невидимый месяц течет. / <...> / Гниет одинокое ложе / Под стужей осенних дождей» [3, с. 56]; начало гудов-

ской метафоры сведено у него к отсутствию еды: «И хлеб ежедневно дороже, / И голод постылый тревожит» [3, с. 56].

В ранней редакции перевода Э.Г.Багрицкого повторы с нарочитыми перестановками лексем, подчеркивавшими каждодневную рутину, не передали особенностей внутренней структуры оригинала: «**Строчи воротник, пришивай рукава, / Сшивай рукава и строчи воротник**, – / И на руки падает голова, / И сон легковейный к ресницам приник. / <...> / **Опять воротник, и рубец, и рукав, / И снова рукав, воротник и рубец**» [1, с. 1]; напротив, в окончательном варианте переводного текста Э.Г.Багрицкий закольцевал пятую строфу повтором двустипхия, тем самым придав ей ритмическую четкость и композиционную завершенность: «**Опять воротник и манжеты, / Манжеты и вновь воротник...** / От капли чадающего света / Глаза твои влажной одеты... / **Опять воротник и манжеты, / Манжеты и вновь воротник...**» [3, с. 55].

Благодаря использованному Гудом повтору слова его швеи в пятой строфе песни ассоциируются с причитанием («*It seems so like my own – / It seems so like my own*, / Because of the fasts I keep» [7, с. 279] [**Он** <вид смерти> **так похож на мой – / Он так похож на мой**, / Из-за голода]), на что обратил внимание Э.Г.Багрицкий, активно использовавший подхват: «...Пусть ударит в окно, / Пусть по ветру ветхий развеет покров» (Э.Г.Багрицкий; [1, с. 1]). Анафорическое обращение Гуда «*Oh, Men, with Sisters dear! / Oh, Men, with Mothers and Wives! / It is not linen you're wearing out, / But human creatures' lives!*» [7, с. 279] [**О, мужчины, с сестрами милыми! / О, мужчины, с матерями и женами! / Не белье вы носите, / А жизни людей!**] в окончательной редакции перевода Э.Г.Багрицкого ограничивается предельно кратким обращением, с использованием расширенной метафоры: «**О вы**, не узнавшие страха / Бездомных осенних ночей! / На ваших плечах – *не рубаха, / А голод и пение швей, / Дни, полные ветра и праха, / Да темень осенних дождей!*» [3, с. 56–57].

Переводу Э.Г.Багрицкого в его итоговой редакции присуще нагнетание романтизированной поэтической лексики и традиционных поэтизмов романтического стиля («кров», «одинокое ложе», «бледная, как месяц, рука», «бледные щеки», «сумрак», «тьма гробовая»). Романтизации подвержен и пейзаж: так, в седьмой и девятой строфах Э.Г.Багрицкий представляет бурную весну, символизирующую революцию, усиливая мысль о необходимости выхода из оцепенения, совершения решительных действий: «...Ты **не помнишь** свободы, / Склонясь над убогим столом, / **Не помнишь**, как громкие воды / За солнцем идут напролом, / Как в пламени ясной погоды / Касатка играет крылом. / <...> / ...Ты **не знаешь** дороги, / **Не знаешь** любви наяву, / Как топчут веселые ноги / Весеннюю эту траву...» [3, с. 57]. В третьей и шестой строфах переводчик противопоставляет весенней картине осень, становящуюся символом мрачного мира корысти и угнетения, враждебного внутренней сущности человека: «Гниет одинокое ложе / Под стужей *осенних дождей*, / <...> / О вы, не узнавшие страха / Бездомных *осенних ночей!* / <...> / Дни, полные ветра и праха, / Да темень *осенних дождей!*» [3, с. 56–57]. В ран-

нем варианте своего прочтения «The Song of the Shirt» Э.Г.Багрицкий отчетливо противопоставил зиму и весну, прорисовав картину пробуждения природы: «...А лед затянул / Прозрачными пальмами стекла окна. / ...хоть слышится гул / Апрельского грома, и веет весна. / И легкие ласточки пронеслись / Над мокрой дорогой и гулом садов. / Дождями весенними вымыта высь. / И ясен прохладный полет облаков. / *О, путь средь хлебов, о степная страда, / О, запах горячей земли и травы, / О, сладостный день полевого труда, / О, пчелы, жужжащие вокруг головы*» [1, с. 1]. При этом, как видим, переводчик ввел типичные для стиля поэтов-романтиков эмфатические восклицания, усиленные анафорами и параллелизмом синтаксических конструкций.

Описание весны было заимствовано Э.Г.Багрицким из концовки восьмой и начала девятой строфы оригинала, где картины природы возникали лишь в воспоминаниях и мечтах швеи: «While underneath the eaves / The brooding swallows cling / As if to show me their sunny backs / And twit me with the spring. / *Oh! but* to breathe the breath / Of the cowslip and primrose sweet – / With the sky above my head, / And the grass beneath my feet» [7, с. 279] [А под карнизами / Стайки ласточек прилепились, / Как будто чтобы показать мне свои солнечные спинки / И подразнить меня весной. / О! если бы вдохнуть аромат / Первоцветов и примул нежных – / А небо над моей головой, / И трава под моими ногами].

Оригинал содержит в основном ямб и анапест в трехстопных и четырехстопных стихах. Э.Г.Багрицкий (редакция 1926 г.) также активно обращался к перекрестной рифме, сохраняя ряд нерифмующихся стихов: трехстопный размер (амфибрахий с добавлением ямба), и только в последнем стихе («Покуда не умерла!..») – амфибрахий и четырехсложник с ударением на последнем слоге, что создало впечатление своеобразного обрыва и трагичности финала.

Э.Г.Багрицкий сделал песню Гуда созвучной своей революционной эпохе, что выразилось «и в страстном монологе поэта, и в романтической символике, и в гиперболизации образов, и в напряженных контрастах, и в бурной динамике стиля» [4, с. 116].

Список литературы

1. Багрицкий Э.Г. Песня о рубашке // Известия Одесского губисполкома, губкома КПБУ и губпрофсовета. 1923. – №1025 (5 мая). – Литературное приложение. – С. 1.
2. Багрицкий Э.Г. Песня о рубашке // Комсомольская правда. – 1926. – 22 авг.
3. Багрицкий Э.Г. Песня о рубашке // Багрицкий Э.Г. Стихотворения и поэмы. – М.-Л.: Сов. писатель, 1964. – С. 56–57.
4. Никольская Л.И. К проблеме сопоставительного анализа стихотворных переводов. Эдуард Багрицкий и Томас Гуд («Песня о рубашке») // Романо-германская филология: Сборник кафедр иностранных языков / Смоленский гос. пед. ин-т им. Карла Маркса. – Смоленск, 1973. – С. 116–122.
5. Hatton J. A Journalistic London: Being a Series of Sketches of Famous Pens and Papers of the Day. – London: Sampson low, 1882. – 108 p.
6. Memorials of Thomas Hood. Collected, arranged, and edited by his daughter, with a preface and notes by his son: In 2 vol. – Boston: Ticknor & Fields, 1860. – Vol. 2. – 264 p.
7. The Masterpieces and the History of Literature: In 10 vol. – New-York-Chicago: E.R. du Mont, 1903. – Vol. IX. – 342 p.

СЕНТЕНЦИАЛЬНЫЕ АДВЕРБИАЛЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ ХАРАКТЕРИСТИКИ ВЫСКАЗЫВАНИЯ В ЯПОНСКОМ ЯЗЫКЕ

Чиронов С.В.

заведующий кафедрой японского и др. языков, к.ф.н., доцент,
Московский государственный институт международных отношений,
Россия, г. Москва

В статье с опорой на данные корпуса рассмотрены сентенциальные адвербиалы со значением характеристики высказывания в современном японском языке. В японском языке данный класс имеет маркированную структуру, характерной чертой которой является внедрение иллокутивного глагола и его производных в нескольких вариантах. В качестве семантических признаков в основе организации данного класса выразительных средств выделяются идентичность/расхождение с истинным положением вещей, вид предпринимаемых говорящим семантических трансформаций, основы его суждения, его личное отношение к факту своего высказывания и эмоциональное состояние в связи с ним. Продemonстрировано, что семантический профиль характеристики высказывания влияет на выбор формального варианта структуры оборота. Такого рода структурные закономерности оцениваются как средство экспликации интенций говорящего, прямо указывающие на иллокутивную силу высказывания, где иллокутивный глагол в той или иной его форме имеет перформативный статус.

Ключевые слова: японский язык, сентенциальные адвербиалы, иллокутивные глаголы, корпусные данные.

Одно из перспективных направлений изучения иллокутивного значения высказываний – анализ сентенциальных наречий и сходных с ними единиц (адвербиалов, например, словосочетаний, синонимичных наречиям). Речь идёт (пользуясь формулировками «Нового объяснительного словаря синонимов русского языка» [3, с. xl], а также [4]) о таких дополнительных предикатах (в логической структуре предложения), актантом которых является всё предложение в целом. На их иллокутивный потенциал указывают Дж.Урмсон [14, с. 485], Дж.Остин [8]. В классификации, предложенной С.Гринбаумом и Р.Кверком [11], названным единицам соответствует группа так называемых дизъюнктов. Как легко убедиться, их синтаксическая оторванность от структуры предложения как раз и объясняется тем, что семантически они соотнесены не с отдельными его членами, а со всем предложением в целом как со смысловым единством. В упомянутой классической «Грамматике английского языка» [11] среди них выделяются т.н. *attitudinal disjuncts*, передающие эвиденциальные и оценочные значения, и *style disjuncts*, выражающие комментарий говорящего о форме высказывания или условиях его осуществления – об этом разделении на русском языке см., например, [2]. Именно адвербиалы последнего типа, привязанные не к содержанию пропозиции, а непосредственно к речевому действию, то есть такие, которые отвечают более жёсткому критерию иллокутивности у Л.Н.Иорданской [10], выглядят наиболее многообещающими в плане вклада в экспликацию иллокутивной силы высказывания.

Нескольким индоевропейским языкам, на материале которых данная тематика была разработана изначально, свойственно наличие широкой омонимии между адвербиалами различной сферы действия [4], включая сентенциальные. Поэтому перформативный анализ такого высказывания подразумевает такой элемент теоретического построения, как постулирование метауровня «речевого действия», не выраженного в поверхностной структуре: {P+(речевое действие)}+характеристика речевого действия = S, напр. [13].

Особенность японского языка в том, что в нём имеет место регулярная вербализации этого метаязыкового уровня через глагол говорения, что в конструктивном плане и становится маркером данного типа дизъюнктивной связи. Собственно, для случая английского языка (как и русского) такой путь тоже не невозможен, но там он является факультативным, лишь дополняя основную – одиночный сентенциальный адвербиал, и притом ещё и подвержен определённым ограничениям. Очевидным образом ограничения эти определяются с содержательным планом наречной лексемы, ср. *frankly* {*speaking*/0}, Р (наречие характеризует поведенческую позицию говорящего, Р – пропозиция), но *strictly* {*speaking*/*0}, Р (наречие характеризует логическое соотношение двух пропозиций при перифрастическом выражении), и т.п. Ограничения могут быть связаны и с типом предложения (хотя едва ли здесь уместно говорить о типе речевого акта – ведь восклицательное предложение лишь становится одной из реализации экспрессива): *honestly* {0/?*speaking*}, *he is such a bore!*, ср. рус. {*честное слово*/**честно говоря*}, {0/**как*} *ты меня достал!* Однако для японского языка факультативным следует признать скорее одиночное появление иллокутивного сентенциального наречия со значением характеристики высказывания (а не пропозиции), возможное лишь с весьма ограниченным набором лексем.

Регулярные маркеры данного функционала представляют собой глаголы говорения и их производные: *iu* = *говорить* в условно-предположительной форме *-(r)eba*, условной конструкции с цитационным маркером *to*, или как деепричастие *(-te)*, а также предшествующий главному предложению именной член (односоставное предложение) с отглагольным существительным *hanashi*←*hanasu* = *разговаривать*, присоединяемый аппозитивно или слабопротивительными союзами *ga*, *kedo*. В таблице приведены данные по частотности каждого из вариантов, полученные из открытого корпуса [16].

Таблица

Виды сентенциальных оборотов характеристики высказывания

адвербиал	примерный перевод	<i>ieba</i>	<i>iu to</i>	<i>itte</i>	<i>hanashi</i> (<i>da ga</i>)
1	2	3	4	5	6
<i>seikaku-ni</i>	<i>точно</i>	82	78		
<i>aritei-ni</i>	<i>как есть</i>	16	0	2	
<i>genmitsu-ni</i>	<i>строго</i>	78	56		
<i>sotchoku-ni/na</i>	<i>искренне</i>	12	9	26	1
<i>shoojiki-ni/na</i>	<i>честно</i>	27	26	25	27
<i>zakubaran-na</i>	<i>без утайки</i>				1
<i>majime-ni/na</i>	<i>серьёзно</i>				17(1)

1	2	3	4	5	6
<i>hontoo-no koto-o</i>	<i>правду</i>	9	15		
<i>tanteki-ni</i>	<i>прямо</i>	57	13	14	
<i>kantan-ni/na</i>	<i>просто</i>	206	152		3
<i>kanketsu-ni</i>	<i>сжато</i>	4	4		
<i>tanjun-ni/na</i>	<i>лапидарно</i>	20	7		2
<i>hitokoto-ni</i>	<i>одним словом</i>	155	53		
<i>hitokuchi-ni</i>	<i>одним словом</i>	18	3		
<i>ketsuronteki-ni</i>	<i>как вывод</i>	7	3		
<i>sookatsuteki-ni</i>	<i>обобщая</i>		1		
<i>oozappa-ni</i>	<i>приблизённо</i>	22	14		
<i>oomaka-ni</i>	<i>приблизительно</i>	11	13	3	
<i>kojinteki-ni/na</i>	<i>лично</i>			2	(3)
<i>keikenteki-ni</i>	<i>по опыту</i>			2	
<i>gutaiteki-ni/na</i>	<i>конкретно</i>	58	60	2	(1)
<i>ippanteki-ni/na</i>	<i>в общем случае</i>	32	16	26	(1)
<i>kyokutan-ni/na</i>	<i>экстраполируя</i>	57	13		(6)
<i>oogesa-ni</i>	<i>преувеличивая</i>	16	3		
<i>sara-ni</i>	<i>более</i>	173	14		
<i>betsu-no kotoba-de</i>	<i>другими словами</i>	12	4		
<i>...fuu-ni</i>	<i>как..., в духе...</i>	31	13		
<i>gyaku-ni</i>	<i>напротив</i>	257	99		
<i>shitsurei-na</i>	<i>невежливо</i>				1
<i>hazukashii</i>	<i>стыдный</i>				(27)
<i>nasakenai</i>	<i>непростительный</i>				(5)
<i>hen-na</i>	<i>дикий, странный</i>				11(7)
<i>okashi-na</i>	<i>странный</i>				(5)
<i>hiniku-na</i>	<i>ироничный</i>				(2)
<i>katte/migatte-na</i>	<i>своевольный</i>				(2)
<i>biroo-na</i>	<i>неприличный</i>				(1)

Семантическая структура выявленных адвербиалов, как нетрудно заметить, в основном формируется вокруг сличения неких двух пропозиций. Вернее, речь идёт о двух вариантах одной и той же пропозиции, которая реализуется в главном предложении: её инвариантном значении, существующем до вмешательства говорящего, а также той формулировке, какую он предъявит адресату. Такие образом, первое разделение проходит по признаку [+/- идентичность]. Положительное значение он получает в единицах, составляющих верхние строки таблицы (*точно, как есть* и т.п.), а далее претерпевает «постепенные» изменения по мере всё более радикального изменения содержания пропозиции при её репрезентации – они могут быть концептуализованы как скалируемые. В конце этого ряда находятся единицы, означающие высокую степень несоответствия «исходного» и вновь представляемого высказывания (*экстраполируя, преувеличивая, приблизительно* и др.), и, наконец, отрицательное значение: *другими словами, напротив* – где мы наблюдаем переход в смежную сферу выражений, вводящих перифраз.

Значение отсутствия идентичности в свою очередь внутренне неоднородно и может быть представлено как организованное по нескольким осям. По признаку оценки отношения говорящего выделяются *искренне, честно,*

серьёзно и т.п. Отсутствие другого полюса (*неискренне, несерьёзно* и т.п.) здесь предсказуемо, во-первых, в силу действия грайсова принципа кооперации, а во-вторых – так как вербализация этих интенций, даже если они имеют место, означала бы иллокутивное самоубийство. Наблюдаемая в отдельных случаях «критичная» оценка своего речевого действия – *преувеличивая, лапидарно*, несомненно, в определённой мере может трактоваться как хедж, нужный говорящему, чтобы «протащить» неожиданное для собеседника утверждение. Так или иначе, психологическим объектом оценки в первом случае всегда является сам говорящий: это он искренен, честен, серьёзен и т.д. Во втором случае он – лишь субъект оценки, привносящий оценочный компонент значения, тогда как объектом характеристики становится предлагаемая формулировка – *преувеличенная, лапидарная* и т.д.

Значения, связанные с видоизменением пропозиции в подаче говорящего, группируются по шкалам «конкретизация-обобщение», «субъективность-объективность». В первом случае критерием становится способ подачи пропозиционного содержания, во втором – выбор в качестве опоры для рассуждений личного опыта или логики, см. *в личном плане, по моему опыту – в общем смысле, экстраполируя*. В последнем случае мы видим чёткую связь со значением союзов (скреп) и дискурсивных слов, влияющих на объём рассмотрения: либо «опускающих» рамку контекста до конкретики, либо «поднимающих» её до более общего уровня: ср., напр., рус. *вообще*. Кроме того, наблюдается и односторонний вектор «упрощения», объяснимый с точки зрения известной «максимы уместности» П.Грайса. Притом обратный вариант видоизменения содержания говоримого – намеренное его усложнение (по крайней мере с обозначением этого в речи) – исключается самими принципами рациональной коммуникации. В свою очередь, содержащиеся во вводных оборотах ссылки на переход к более конкретным или более общим данным, к выводам, близко сходятся с теми единицами, которые принято называть маркерами дискурса [12]. Условным «водоразделом» здесь, пожалуй, следует считать содержание контекста: маркер дискурса, роль которого состоит в разметке текста, в общем случае обязательно будет следовать после некоего материала, озвучиваемого «до переработки» (хотя, конечно, нельзя исключать случаи опущения и парцелляции). Для характеристики высказывания как таковой подобная последовательность не является необходимым требованием. Излишне упоминать, что собственно выражения перифраза по определению могут появляться исключительно между двумя вариантами формулировки для описания некоторого события. Часть из них, формально сходная с исследуемыми единицами, отличается от них на морфологическом уровне: так, глагол говорения *iin*, также появляющийся в условной форме, модифицируется ещё одной глагольной основой со значением *пере-* в *iikaereba* = *другими словами*; в технике иероглифических сочетаний это же происходит в *kangen-sureba* (то же значение), где *gen* = *говорить*, *kan* = *менять*.

Из описанных закономерностей семантической организации «выпадает» группа лексем, помещённых нами в нижнюю часть таблицы. Большая часть из них характеризует ощущения говорящего от осуществления выска-

зывания (стыд, ощущение, что допущена невежливость, совершено непростительное действие, или что сказано что-то странное, возможно, неуместное в данной ситуации). Малочастотны, но всё же имеются выражения, характеризующие непосредственно содержание пропозиции, такие, как *по иронии судьбы*, *к сожалению*, а также ряд других, не вошедших в таблицу единичных случаев.

Обращает на себя внимание неравномерность в распределении обозначенных элементов значений среди четырёх формальных вариантов выражений. Определяющим фактором различий между первыми двумя из них, видимо, становятся особенности передаваемого условного значения: *ieba* на уровне прототипической модели употребления выражает чистое условное предположение, а *iu to* тяготеет к выражению повторяющейся или универсальной связи [1, т.2, с. 270]. Логично предположить, что более стандартные ходы мысли говорящего будут оформляться по второму варианту, а более творческие, непредсказуемые – по первому. Данная закономерность в целом подтверждается в данных таблицы: при общем доминировании *ieba*, объяснимом в предложенных терминах, его степень является разной для наречий разной семантики. Наиболее заметный перекося в сторону *ieba* наблюдается в тех случаях, когда пропозиция подвергается радикальной переработке (*одним словом, напротив*), сильно отступает от канона нейтрального сообщения (*прямо*), отражает активное размышление, словесное творчество говорящего (*более, преувеличивая, экстраполируя, в духе...*). С другой стороны, для случаев более стандартной подачи сведений в *строго, конкретно, просто*, цифры сближаются или даже в отдельных случаях перевешивает именно *iu to*, в прототипическом варианте в аподозисе сообщаемое то, что известно говорящему из опыта.

В этом же ключе можно рассматривать и крайне ограниченную употребимость деепричастной формы на *-te*, которая помимо значения последовательности действий при соблюдении ряда ограничений фигурирует в предложении как маркер обстоятельства образа действия. Она преимущественно свойственна выражениям *честно, откровенно, прямо* и *как есть*. Все данные параметры высказывания, вообще говоря, презюмируются в общении, то есть, ни в коей мере не составляют предмета произвольного выбора говорящего. Ещё один район концентрации данной формы – группа значений на шкале «конкретно-обобщая», а также упоминания об опоре на личный опыт. С точки зрения полного освещения картины говорящим данные характеристики высказывания, видимо, также представляются носителю языка сугубо естественными, а значит, не требуют введения условных форм.

Показательна разница в частотности вариантов для двух близких квазисинонимов – *sotchoku* и *shoojiki* (*искренне / откровенно / честно*). Первый описывает модус свободного, раскрепощённого общения и использование его становится речевым штампом. Второй больше связан с регулятивной сферой. Именно он будет употреблён, например, матерью или следователем, добивающимися правдивого ответа. Этот нюанс накладывает отпечаток на употребление: *shoojiki* равно частотно во всех вариантах выражений, а

sotchoku, как параметр, не составляющий никакой тайны или новости, очевидным образом воспринимается естественно как рутинный «образ действия», но на предмет гипотезы «не тянет».

Конструкция с *hanashi*, в первую очередь в аппозитивном виде (без слабопротивительного союза), оказывается в основном зарезервированной для указания на те свойства высказывания, что связаны с психологическим состоянием или установками его субъекта. Среди прочего это касается и упомянутого нами случая *shoojiki* = *честно*. Посредством слабопротивительной связи вводится уже более широкий спектр характеристик высказывания, в том числе ряд перечисленных выше. Этот способ применяется и с определённым кругом эпитетов, не вошедших в таблицу: *zannen* = *жаль* (1 вхождение), *kawaisoo* = *жалко* (кого) (1), *iya* = *противный* (1), *joodan-mitai* = *как будто шутка* (1), *iso-mitai* = *всё равно как неправда* (1), *shinjirarenai* = *невероятный* (1). Все они в строгом смысле оказываются соотнесены уже с содержанием высказывания, однако характеристика эта остаётся в высокой степени субъективной и легко ассоциируется с определённым типом переживаний говорящего. То же видим в *ироничный* или *неприличный*. Вообще говоря, такой же слабопротивительной связью (но уже без служебного имени *hanashi*) вводится гораздо более широкий круг комментариев говорящего к содержанию его фразы, в том числе интродуктивного характера, а также извинения (см. [6]). Таким образом, здесь мы имеем дело со своего рода переходным случаем, выводящим на более широкие возможности в плане расширения высказывания, введения в него новых элементов.

В целом характеристики высказывания, вводимые в виде сентенциального адвербиала, группируются вокруг значений, связанных со степенью верности порождаемого высказывания «объективному», «истинному» положению вещей, типом семантических трансформаций, предпринимаемым говорящим, а также его психологическими установками и эмоциональным состоянием в связи с данным речевым действием. Регулярное использование иллокутивного глагола и его производных, становящегося маркером данного типа оборотов, позволяет за счёт манипуляции с его формой гибко отражать различную степень стандартности (стереотипности) или экспериментальности авторской оценки. Сигнал об этом, обращаемый к слушателю, повышает эффективности коммуникации.

Что касается эффекта от введения данного оборота для значения высказывания, то его можно сформулировать, обращаясь к классификации видов социосемиотической деятельности субъекта, разработанной М. Хэллidayем [9, с. 37]. Согласно ей, все из рассмотренных нами примеров корпуса подпадают под такой вид речевой деятельности, как *exrounding* = отстаивание своей точки зрения (включая оба раздела, выделяемые автором: *explaining* = объяснение и *categorizing* = категоризация), то есть являются собой квалификацию, интерпретацию, характеристику события и др., см. классификацию, уже предпринятую в другой работе нами [5]. Потенциал утвердительного предложения, собственно говоря, предполагает данный профиль высказывания. Если воспользоваться иерархией М. Ямаоки [15, с. 11], можно сказать, что он

заложен на уровне функции предложения и может быть реализован в плане функции высказывания. Но в самом по себе утвердительном предложении эта функция была бы лишь одной из серии других потенциально возможных, включая, по М.Хэллидэю, *reporting* = пересказ, *recreating* = воспроизведение и др. С внедрением же сентенциальных адвербиалов исследуемого типа высказывание однозначно закрепляется в зоне *exponing*, маркером которой, таким образом, и могут считаться конструктивные определяющие рассмотренных оборотов. Таким образом, их маркированная структура является средством экспликации иллюкутивного намерения говорящего.

Список литературы

1. Алпатов В.М., Аркадьев П.М., Подлесская В.И. Теоретическая грамматика японского языка. В 2 т. М.: Наталис, 2008.
2. Губанова В. П. Три статуса наречных лексем в английском языке (адъюнкты, дизъюнкты, конъюнкты) / В. П. Губанова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена № 25, т. 7. 2007. [Электронный ресурс] URL = [http://lib.herzen.spb.ru/media/magazines/contents/1/7\(25\)/gubanova_7_25_21_24.pdf](http://lib.herzen.spb.ru/media/magazines/contents/1/7(25)/gubanova_7_25_21_24.pdf) (дата обращения 23.02.2016).
3. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. 2-е изд. (под общ. рук. Ю. Д. Апресяна) Москва-Вена: Языки славянской культуры: Венский славистический альманах [Текст] 2004. – 1488 с.
4. Рудницкая Е.Л. Сентенциальные наречия в русском языке. Автореф. дисс. канд. филол. н. [Текст] М., 1993. – 22 с.
5. Чиронов С.В. Иллюкутивность и субъективная модальность в монологической речи (микроисследование) / С.В. Чиронов. // Японский язык в вузе: актуальные проблемы преподавания: материалы научно-методической конференции. Ассоциация преподавателей японского языка. – М.: Ключ-С. 2016. [Текст]. – С. 219-231.
6. Чиронов С.В. Прагматика извинений в директивах в японском деловом общении (как проблема преподавания и перевода) // С.В. Чиронов / Теоретические и практические аспекты лингвистики, литературоведения, методики преподавания, перевода и межкультурной коммуникации. Материалы международной научно-прикладной конференции 17 ноября 2014 г. [Текст]. Астрахань: АГУ, 2014. 290 с.
7. Яковлева Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия) [Текст]. М.: Гнозис, 1994. – 344 с.
8. Austin J.L. How to do things with words. [Текст] Oxford: OUP, 1962. – 244 p.
9. Halliday, Michael, Matthiessen Christian. Halliday's Introduction to Functional Grammar. 3rd edition, [Текст]. London, Routledge, 2004. 786 p.
10. Iordanskaja, L. Pour une description lexicographique des conjonctions du français contemporain. [Текст] *Le Français Moderne*, 61(2) 1993. pp. 159-190.
11. Quirk, Randolph, Sidney Greenbaum, Geoffrey Leech, and Jan Svartvik. A Comprehensive Grammar of the English Language. [Текст]. London: Longman, 1985. – 548 p.
12. Schiffrin, Deborah. Discourse Markers. [Текст] Cambridge, CUP 1987. 463 p.
13. Schreiber, Peter A. Style Disjuncts and the Performative Analysis *Linguistic Inquiry* Vol. 3, No. 3 1972 [Текст] pp. 321-347.
14. Urmson, J. O. Parenthetical verbs. [Текст] *Mind* 61: 1952. – pp. 480-496.
15. 山岡正紀 発話機能論 くろしお出版 (Ямаоки М. Теория речевых функций. Токио, Курошио) [Текст] 2008. – 188 с.
16. 現代日本語書き言葉平均コーパス KOTONOHA (Взвешенный корпус письменных источников современного японского языка) [Электронный ресурс] URL = http://www.kotonoha.gr.jp/shonagon/search_form (дата обращения 10.02.2016).

СЕКЦИЯ «ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ»

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ НА ЮГЕ РСФСР В 1920-1930-е гг.: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Аверьянов А.В.

доцент кафедры исторической политологии, канд. историч. наук,
Южный федеральный университет, Россия, г. Ростов-на-Дону

В статье затронута проблема эволюции национальной политики большевиков в полиэтничном регионе Юга России в 1920-1930-е гг. Выявлен характер и степень влияния на трансформацию этнополитической модели ВКП (б) последствий свёртывания НЭПа и перехода к обществу мобилизационного типа в условиях форсированной индустриализации и ужесточения политического режима в СССР.

Ключевые слова: Юг России, РСФСР, национальная политика, нация, национальный район, ВКП (б), большевики.

Национальный вопрос всегда очень остро стоял в России, особенно в периоды глобальных социальных потрясений и вызывал едва ли не самые острые конфликты в обществе. Этническое разнообразие Юга России в кризисные периоды её истории становилось важнейшим фактором дестабилизации региона.

Кардинальная смена цивилизационного вектора развития России после прихода к власти большевиков определила глобальную трансформацию государственной политики в сфере межэтнических отношений. В то же время советская национальная политика на разных этапах своего существования носила подчинённый характер и зависела от идеологических и конъюнктурных аспектов стратегии правящей партии.

Процесс перехода от НЭПа с его относительной хозяйственной и политической свободой к обществу мобилизационного типа в контексте форсированной индустриализации и коллективизации на рубеже 1920-1930-х гг. повлёк за собой коренные сдвиги в рамках модели национальной политики большевиков.

В 1920-е гг. традиционно полиэтничный Юг России представлял собой своеобразную строительную площадку, на которой ударными темпами из множества этнических групп, стоящих на различных ступенях общественного развития, советская власть формировала новые нации.

За короткий промежуток времени южнороссийский макрорегион претерпел кардинальные изменения в области административно-территориального устройства, методов и средств управления, форм и содержания взаимодействия между представителями различных народов.

С 1924 по 1937 гг. на территориях, охватывающих современный Южный и Северо-Кавказский федеральные округа, были образованы Юго-Восточная область, Северо-Кавказский край, из которого в 1934 г. был выде-

лен Азово-Черноморский край, а в 1937 г. – современные Ростовская область и Краснодарский край.

Развитие современной производственной базы, передовых форм хозяйствования, письменности, понятного широким слоям местного населения родного языка, культуры и искусства, по мнению большевиков, должно было сформировать национальное самосознание народов Юга России, вывести их на новый уровень общественно-политического и экономического развития [1, л.6].

Конструирование новой модели межнациональных отношений, основанной на стремлении скорейшего выравнивания хозяйственного и культурного уровня населяющих южнороссийский регион народов, определяло предоставление широких возможностей политического, культурного и административно-территориального характера целому ряду этнических групп в масштабах их компактного проживания.

В данной связи организация национально-территориальных образований имело целью создание условий максимального благоприятствования для достаточно быстрого по историческим меркам «вызревания» новых наций.

В рамках Северо-Кавказского, а впоследствии Азово-Черноморского края были учреждены т.н. национальные области, районы и сельсоветы, которые должны были стать национальными очагами для армян, греков, немцев, ассирийцев, калмыков, адыгов и других этносов Юга России. На протяжении 1920-х – начала 1930-х гг. на территории Кубани и Дона существовали Греческий, Ванновский (немецкий), Шапсугский, Армянский, Калмыцкий национальные районы, а также целый ряд сельсоветов с компактным проживанием тех или иных этнических групп [2].

С целью популяризации национальной культуры в регионе создавались театры, клубы, библиотеки, избы-читальни, ориентированные на потребности нацменьшинств. На родном языке велось преподавание в школах, техникумах и профессиональных училищах. Языки народов Юга РСФСР активно внедрялись в систему дело- и судопроизводства, местных правоохранительных структур.

Зачастую политика большевиков шла вразрез с национальными традициями и системой ценностей ряда этнических групп, вызывая определённые трудности в процессе их интеграции. Требования со стороны партийно-государственных органов усилить классовую борьбу, в том числе в отношении пользующихся авторитетом и уважением зажиточных земляков, и антирелигиозную политику определяла сохранение повышенного уровня недоверия между властями и некоторыми национальными общинами.

Кроме того, значительные сложности вызывала нехватка средств местных бюджетов, сохранявшиеся межэтнические трения, низкий уровень подготовки национальных кадров. Так, в докладной записке о состоянии дел в Калмыцком районе Азово-Черноморского края отмечалось, что среди механизаторских кадров, в том числе трактористов и комбайнёров, калмыков насчитывается только 8,1% от всех работников [3, л. 101-102].

В итоге, период национально-культурного разнообразия 1920-х гг. с началом нового десятилетия сменился этапом унификации и строгой форма-

лизации межэтнических отношений, что ознаменовалось пересмотром национальной политики большевиков в сторону её ужесточения и усиления давления на некоторые этнические группы, в том числе посредством ликвидации национальных районов и сельсоветов, переселений и депортаций.

Значительная часть национальных административно-территориальных образований на Юге РСФСР была упразднена. В их числе, Ванновский немецкий, а также Греческий национальные районы на Кубани. Массовому выселению подверглись представители немецкой, греческой и других общин.

Характер межэтнических отношений на Юге России в 1930-е гг. определялся приоритетами внешней и внутренней политики, центральное место среди которых занимали подготовка к будущей войне, а также задачи индустриализация и коллективизация. Национальная политика большевиков в данный период была ориентирована на мобилизацию всех имеющихся в обществе материальных и людских ресурсов с целью модернизации экономики, а также борьбу с «врагами народа» и потенциальными «коллораборационистами» на территории Советского Союза.

Решение Политбюро ЦК ВКП (б) от 17 декабря 1937 г. о ликвидации всех национальных районов и сельсоветов подвело черту под большевистский эксперимент создания очагов национальной культуры многочисленных национальных меньшинств на территории СССР. Начавшаяся Великая Отечественная война оформила окончательный разворот национальной политики советской власти в сторону усиления фактора военно-политической целесообразности.

Список литературы

1. Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИРО). Ф.7. Оп. 1. Д. 208.
2. См. напр.: Хлынина Т.П. «Синдром осажденной крепости», или как на Кубани появились национальные районы // Мир славян Кубани. – Вып. 3. – Краснодар, 2007. С. 96–111.
3. ЦДНИРО. Ф.8. Оп.1. Д. 171.

МОСКОВСКОЕ ДУХОВЕНСТВО В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННЫЕ ГОДЫ: СЛУЖЕНИЕ В ЦЕРКВАХ И РАБОТА В СОВЕТСКИХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

Денисов М.Е.

генеральный директор, ООО «Центр исторических исследований»,
Россия, г. Москва

В статье на основе нормативно-правовых актов Советской России и «анкет для служителей религиозного культа» из московских архивов рассматривается феномен работы православного духовенства в первые послереволюционные годы в советских учреждениях.

Ключевые слова: декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», «анкета для служителей религиозного культа», избирательные права, Церковь, духовен-

ство, Москва, Единый государственный архивный фонд, Румянцевский музей, Третьяковская галерея, Московская консерватория.

Октябрьская революция 1917 г. и принятый в 1918 г. декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» кардинально изменили статус Российской Православной Церкви и, соответственно, изменили положение православного духовенства. Несмотря на это, для первых послереволюционных лет характерна трудовая деятельность духовенства в советских учреждениях. Можно выделить несколько основных причин этого феномена.

Во-первых, в указанном декрете определялось: *«Никто не может, ссылаясь на свои религиозные воззрения, уклоняться от исполнения своих гражданских обязанностей»* [2, с. 29]. Этот принцип развивался в межведомственном циркуляре от 15 августа 1921 г.: *«...служители всех религий и культов никакими особыми изъятиями, связанными с исповедуемыми верованиями, от трудовых или иных повинностей не пользуются»* [1, с. 659].

Найм священника верующими для совершений регулярных богослужений не давало ему никаких привилегий и не изменяло его обязанностей в отношении гражданской службы. *«Однако, – уточнял циркуляр, – при назначении им в порядке трудовой повинности работ должны быть принимаемы во внимание бытовые условия их жизни и занятий»* [1, с. 659].

Другой причиной можно считать стремление духовенства жить на трудовые доходы, так как лица, имевшие нетрудовые источники доходов, подвергались в советском государстве лишению избирательных прав.

Третьей причиной трудовой деятельности духовенства в советских учреждениях являлось их тяжелое материальное положение после Октябрьской революции.

В первое десятилетие Советской власти двенадцатые церковные праздники оставались выходными днями, что в практическом плане позволяло духовному лицу совмещать служение в церкви с работой в советском учреждении.

Советское законодательство определяло возможные для духовного лица сферы трудовой деятельности. Согласно декрету Совета народных комиссаров «О порядке предоставления работы служителям религиозных культов» от 13 января 1921 г., духовенство могло распределяться на должности во всех комиссариатах, исключая Наркомпрос, Наркомюст, Наркомзем, Наркомпрод, Рабкрин и отделы управления НКВД. Совершенно закрыт был доступ духовенству в сферу образования и просвещения после циркуляра Наркомпроса от 3 марта 1919 г. [1, с. 294-295].

Однако священнослужителю позволялось работать лишь в городе, но не в сельской местности: *«Указанным лицам могут быть предоставлены должности в Советских учреждениях лишь уездных и губернских городов, но ни в коем случае не в волостных Исполнительных Комитетах, Сельских Советах и их органах и вообще в сельских местностях»* [1, с. 294-295].

Кроме того, согласно вышеупомянутому декрету «О порядке предоставления работы служителям религиозных культов» 1921 г., священнослужителям *«не могут предоставляться должности в Советских учреждениях,*

кои оплачиваются выше 16 разряда тарифных ставок Союза Советских работников» [1, с. 294-295].

Указанный декрет обязывал священнослужителей при исполнении своих служебных обязанностей в советских учреждениях быть в обычной гражданской одежде: *«При исполнении своих служебных обязанностей в советских учреждениях служители культа обязаны быть в обычном для всех гражданском одеянии»* [1, с. 294-295].

Основным архивным источником, зафиксировавшим трудовую деятельность духовенства в советских учреждениях, являются «анкеты для служителей религиозного культа», хранящиеся, в частности, в фондах Административного отдела Московского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (ЦГА Москвы) и Московского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (ЦГАМО).

Автором было выявлено в московских архивах 82 анкеты образца 1921 г. Данная источниковая база отражает персональные данные 15 % духовенства Москвы, поэтому мы можем делать на ее основе выводы в отношении всего московского духовенства.

Формуляр анкеты образца 1921 г. включал, в том числе, вопрос № 22: *«Состоите ли на гражданской службе, где именно, укажите должность и месячный оклад»* [9, л. 56 об.]. 35 % проанкетированных священнослужителей ответило на этот вопрос утвердительно.

Анкеты предоставляют сведения о занимаемых священнослужителями должностях. Так из 21 духовного лица семь работало в транспортной сфере, по три – в сферах культуры и здравоохранения, по два в учреждениях партийно-государственного контроля и жилищного хозяйства, по одному – в сферах финансов, архивного дела, образования и в общественной организации.

Таким образом, в основном, священнослужители работали счетоводами, статистиками, секретарями и инспекторами. Однако были среди духовенства и научные сотрудники – священник Александр Постников (Единый государственный архивный фонд) [4, л. 143 об.], протоиерей Анатолий Орлов (библиотека Румянцевского музея) [6, л. 158 об.] и священномученик Илия Четверухин (Третьяковская галерея) [7, л. 174 об.], а также профессора, например, священник Василий Металлов, преподававший в Московской консерватории [5, л. 200 об.].

Преподавание священника Василия Металлова в Московской консерватории являлось исключением, так как циркуляром Наркомпроса от 3 марта 1919 г. духовенству была совершенно запрещена преподавательская деятельность. Как пишет А.В. Топычканов, *«после революции Наркомпрос «во внимание к глубоким познаниям профессора Металлова в области истории и теории духовной музыки», несмотря на его сан, разрешил ему продолжить преподавание в Московской консерватории»* [3, с. 610].

В начале 1920-х гг. происходит постепенное сокращение духовенства в советских учреждениях, что позволяет отследить «анкетные списки для служителей религиозного культа» 1923 г. Например, из анкетного списка церкви Усекновения главы Иоанна Предтечи в Кречетниках следует, что священник Василий Никологорский, работавший конторщиком диспансера, в мае 1922 г. был по сокращению штата уволен [8, л. 14 об.].

Резюмируя, нужно сказать, что материальная нужда вынуждала значительную часть духовенства в первые послереволюционные годы работать в советских учреждениях – органах партийно-государственного контроля, культурных, финансовых и медицинских организациях, на транспорте и в жилищном хозяйстве. Другими причинами трудовой деятельности духовенства в советских учреждениях можно считать стремление жить на трудовые доходы, чтобы не лишаться избирательных прав, а также необходимость в альтернативной военной службе.

В первые послереволюционные годы работа духовенства в советском учреждении была возможной как с правовой стороны, так и с практической – высокообразованное городское духовенство было востребовано. Причем то обстоятельство, что двенадцатые церковные праздники оставались до конца 1920-х гг. выходными днями, облегчало духовенству совмещение церковной и гражданской службы. Однако эта свобода продолжалась недолго: с начала 1920-х гг. наблюдается постепенное вытеснение духовенства из советских организаций.

Благодаря трудовой деятельности духовенства в советских учреждениях в первые послереволюционные годы, биографическую информацию о нем можно почерпнуть из учетных карточек, которые велись в отношении всех советских служащих и которые в совокупности с «анкетами для служащих религиозного культа» могут компенсировать частичное отсутствие в указанный период клировых ведомостей.

Список литературы

1. Гидулянов П.В. Отделение церкви от государства в СССР. М., 1926.
2. Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917-1941. М., 1996.
3. Топычканов А.В. Металлов Василий Михайлович // Московская энциклопедия. Т. 1. Кн. 2. М., 2008.
4. ЦГА Москвы. Ф. Р-1215. Оп. 3. Д. 35.
5. ЦГА Москвы. Ф. Р-1215. Оп. 3. Д. 41.
6. ЦГА Москвы. Ф. Р-1215. Оп. 3. Д. 49.
7. ЦГА Москвы. Ф. Р-1215. Оп. 3. Д. 69.
8. ЦГА Москвы. Ф. Р-1215. Оп. 3. Д. 78.
9. ЦГА Москвы. Ф. Р-1215. Оп. 3. Д. 80.

К ВОПРОСУ О ВОССТАНОВЛЕНИИ ЭВАКУИРОВАННЫХ ИЗ ЗАПАДНЫХ РАЙОНОВ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ В МОСКВЕ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Ершова Т.В.

профессор кафедры отечественной истории, д.и.н., профессор,
Московский городской педагогический университет, Россия, г. Москва

В статье рассматривается вопрос о восстановлении эвакуированных промышленных предприятий из западных районов в Москве в условиях Первой мировой войны. Перемещение из прифронтовой полосы крупных промышленных фабрик, заводов, торговых предприятий и запасов сырья позволило избежать их захвата неприятелем, восстановить и использовать для нужд обороны.

Ключевые слова: эвакуация промышленных предприятий, восстановление эвакуированных предприятий, обогащение буржуазии.

В годы Первой мировой войны произошло значительное перемещение промышленных предприятий из западных районов, которым угрожала немецкая оккупация. Уже осенью 1914 года из прифронтовой полосы был эвакуирован ряд крупных промышленных фабрик, заводов и торговых предприятий и запасы сырья. Эвакуация осуществлялась по распоряжению военных властей без всякого плана, без подготовки в тылу топливной и энергетической базы, помещений, складов. Довольно часто отдельные машины и оборудование отправлялись в разные концы страны. В пути оборудование портилось и расхищалось. Большая часть эвакуированных предприятий направлялась в Петроград, Москву, Харьков и Нижний Новгород [2, с. 589; 10, с. 149].

По сведениям А.Л.Сидорова, из Польши было эвакуировано 237 фабрик и заводов и из Риги и Рижского района 395 предприятий, в том числе из города 352 фабрики и завода. Из них в Москву и ближайшие к ней пригороды было вывезено 121 промышленное заведение. Среди них был ряд крупных, как резиновый завод “Проводник” [7, с. 5, 8]. По подсчетам А.П. Погребинского, ссылающегося на изданную в 1916 г. МВПК книгу «Адреса эвакуированных из Западного края промышленных предприятий», было эвакуировано из Польши и Белоруссии в течение второй половины 1915 г. свыше 700 предприятий. Однако, А.П. Погребинский оговаривается, что среди эвакуированных было большое количество мелких фабрик и даже ремонтных мастерских [5, с. 143]. По подсчетам Ю.Н.Нетесина в Москву и ее окрестности было эвакуировано 143 предприятия, что составляло 43,3% от всех выведенных из Латвии промышленных заведений. Из них из Риги – 127 и из Даугавпилса – 16 фабрик и заводов [3, с. 193-194]. Г. И. Шигалин и П.А. Хромов считают, что к 1-му февраля 1916 г. было эвакуировано 427 предприятий из прифронтовой полосы [11, с. 149; 10, с. 29].

После начала шумной кампании мобилизации промышленности в рижском районе появились представители московской (точнее – российской) торгово-промышленной буржуазии, банковских деятелей, получивших заказы на производство снарядов и не имеющих оборудования. Рижский промышленный район с его огромным парком металлообрабатывающих станков и химической аппаратуры стал объектом атаки всех, жаждущих быстрого обогащения. Именно эти слои поставили перед собой задачу форсировать эвакуацию, вывезти вглубь страны промышленное оборудование, превратить его в объект реквизиции, скупки и захвата [3, с.193, 194, 214]. Под флагом борьбы с “германским засилием” расхищались и ликвидировались предприятия, выступающие порой в качестве конкурентов московским предпринимателям.

По данным фабричной инспекции к лету 1916 года в Москве было восстановлено 45 эвакуированных промышленных предприятий, на которых работало 8137 человек. Из них восстановленных в Москве фабрик и заводов крупных было 3, где было занято 5 тысяч рабочих. Остальные восстановлен-

ные промышленные предприятия в Москве по своим размерам были средние и мелкие. Из всех фабрик и заводов, начавших производить продукцию, металлообрабатывающих было 21, на которых работало 5929 человек [9, с. 5-100].

Среди фабрик и заводов, начавших работы в Москве, вывезенных из Варшавы было 11. Из них наиболее крупными были “Варшавский арматурный завод”, на котором в 1916 году работало 440 рабочих, фабрика металлоизделий акционерного общества “Металлам” с 187 рабочими. На остальных предприятиях, начавших работы, количество рабочих было меньше 100 человек [9, с. 27, 49, 50 53, 55, 62, 65, 72]. Прибывшие из Риги в Москву, к середине 1916 года 19 предприятий были восстановлены и стали выпускать продукцию [9, с. 5, 18, 41, 42, 45, 47, 48, 51, 55, 61, 67, 81, 82, 93, 96, 99, 100]. Из них видное место заняли такие гиганты как Московский металлический завод “Всеобщей компании электричества”, на котором было 3300 рабочих, резиновый завод “Проводник” и др. [9, с. 51, 99]. Среди эвакуированных из Риги были и такие предприятия, восстановленные в первую очередь, как табачная фабрика Акционерного общества А.С.Майкапар и фабрика граммофонных пластинок. Из Минска в Москву было эвакуировано 4 предприятия, начавших производство к лету 1916 года. Среди них своими размерами выделялась фабрика одежды торгово-промышленного товарищества И.Е.Сумин, на которой работало 700 человек [9, с. 21, 52. 81].

Подавляющая масса прибывших в Москву предприятий по своим размерам была незначительной. Так, на арматурном заводе А.Фридмана, вывезенном из Варшавы, трудилось 30 рабочих, на свинцово-прокатной фабрике Товарищества свинцовой промышленности “Диана”, эвакуированной из Риги, работало 17 человек, на машиностроительном и чугунолитейном заводе А.Вечерека, вывезенном из Белостока, трудилось 49 рабочих, на механическом заводе М.П.Вейнберга, эвакуированном из Митавы, работало 13 человек [9, с. 47, 49, 50, 58].

К лету 1916 года были восстановлены в Москве предприятия, вывезенные из Слонима, Белостока, Ковно, Митавы и Вильны. Своими размерами из них выделялись “фабрика акционерного общества Митавских металлических заводов Л.Крамер и сыновья” с 1000 рабочих [9, с. 67]. К концу 1916 года в городе было восстановлено еще несколько промышленных предприятий, эвакуированных из Западных районов России.

Необходимо отметить, что рабочие вывезенных в Москву заводов, принимали участие в стачечной борьбе [1, с. 146, 147]. Из них наибольшей революционной активностью выделялся механический завод “Мазур и Шкурник”, вывезенный из Белостока (ГАРФ. Ф. 63. 1917. Д. 25. Т. 1. Л. 2).

В восстановлении промышленных предприятий, эвакуированных в Москву, чувствовалось отрицательное отношение московской буржуазии. Только этим можно объяснить, что большинство фабрик и заводов не было восстановлено и пущено в ход. Их оборудование было реквизировано и распродано, а частью и расхищено.

На московском железнодорожном узле и на центральном складе во время войны скопилось большое количество дефицитных станков и аппара-

тов, которые никак не могли разделить между собой представители ГАУ и военные власти Москвы с “общественными организациями” – Земгором, Военно-промышленными комитетами, в том числе и Московским и др. Это оборудование пролежало до Октябрьской революции. На складах Московского военного округа на Ходынском поле имелись грузы, поступившие сюда из Западных районов России. Так, на 31 марта 1916 года здесь хранились: двигатели разного рода – 162, станки для обработки металла – 75, аппараты разного рода и прессы – 939, механические принадлежности, в том числе трансмиссии – 1252, медь красная и желтая – 16 тыс. пудов, вместе с колоколами – 100 тыс. пудов, сталь, инструменты и др. – около 4 тыс. пудов, цинк – 849 пудов, свинец – 71 пуд, чугун, железо, рельсы – 17,5 тыс. пудов [3, с. 210]. В то же время (с августа 1915 г. по 25 июля 1916 г.) со складов военного округа было выдано: двигателей разного рода 347, станков для обработки металлов 821, аппаратов разного рода 610, станков для обработки дерева 75, механических принадлежностей 1087, станков для разного рода производства и машин 482 [8, с. 227-228].

Подавляющая масса вывезенного оборудования была захвачена военно-промышленными комитетами, Военным и Морским ведомством, финансовыми предпринимателями типа Второва, Ярошинского, Стахеева и др. [3, с. 211].

Особого влияния эвакуированные предприятия не оказали на характер и структуру московской промышленности. Исключение составила резиновая промышленность. После эвакуации заводов “Каучук” и “Проводник” Москва заняла одно из ведущих мест в России в области резиновой промышленности [6, с. 15; 4, с. 15-16].

Список литературы

1. Касаров Г.Г. Политическая борьба российского пролетариата в октябре – декабре 1916 года // Общественное движение в России во второй половине XIX – начале XX веков. Сб. научных трудов. М.: Изд-во МГОПИ, 1993. С. 137-153.
2. Лященко П. И. История народного хозяйства СССР. Т. II. Капитализм. Издание четвертое. М.: Госполитиздат, 1956. 728 с.
3. Нетесин Ю.Н. Промышленный капитал Латвии (1860-1917 гг.): К изучению социально-экономических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции. Рига: Зинатне, 1980. 240 с.
4. Панфилова А.М. История завода «Красный Богатырь». (1887-1925 гг.). М.: Изд-во МГУ, 1956. 128 с.
5. Погребинский А.П. Государственно-монополистический капитализм в России. Очерк истории. М.: Изд-во «Мысль», 1959. 396 с.
6. Пролетарский М. Резиновая промышленность за 100 лет. М.:Л.: Изд-во «История фабрик и заводов», 1932. 214 с.
7. Сидоров А. Эвакуация русской промышленности во время первой мировой войны // Вопросы истории. 1947. № 6. С. 3-25.
8. Сидоров А.Л. Экономическое положение России в годы первой мировой войны. М.: Изд-во «Наука», 1973. 655 с.
9. Список фабрик и заводов г. Москвы и Московской губернии. Составлен фабричными инспекторами Московской губернии по данным 1916 года М.: б/изд., 1916. 294 с.

10. Хромов П. А. Очерки экономики России периода монополистического капитализма. М. Изд-во ВПШ и АОН при ЦК КПСС, 1960. 240 с.
11. Шигалин Г. И. Военная экономика в Первую мировую войну. М.: Воениздат, 1956. 332 с.

ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ МОЛОДЕЖИ НА ОСНОВЕ ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Жуйкова Т.Н.

доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин,
канд. истор. наук, доцент, Воронежский институт МВД России,
Россия, г. Воронеж

В статье рассматриваются важность сохранения исторической памяти о Великой Отечественной войне для консолидации общества, для подъема национального самосознания.

Ключевые слова: историческая память, патриотизм, воспитание, национальное самосознание, гражданственность, Великая Отечественная война, И.Д.Черняховский.

Воспитание гражданственности и патриотизма в России базируется на традиционных фундаментальных основаниях, одним из которых является историческая память о Великой Отечественной войне. Чем мы дальше отдаляемся от 9 мая 1945 года, тем острее встает вопрос об исторической памяти нынешнего поколения. Историческая память россиян является одним из действенных рычагов подъема национального самосознания и патриотического воспитания молодежи.

Она обладает большой потенциальной силой, способной сохранять в массовом сознании членов общества оценки событий прошлого, которые превращаются в ценностные ориентации, определяющие поступки и действия людей. В зависимости от того, какие содержательные стереотипы преобладают в исторической памяти, она может либо консолидировать общество, либо оказывать на него негативное влияние. Историческая память выступает в виде сложного и многогранного духовного образования, фиксирующего состояние устойчивости и изменчивости в общественном развитии и обеспечивающего преемственность, связь времен и поколений, что в целом является основой для правильной ориентации в будущее. Способность исторической памяти воспроизводить прошлое и увязывать его с будущим является фундаментальным свойством человека и человеческого общества. Она представляет собой один из ключевых механизмов соединения людей этническими связями, обеспечивая идентичность исторических предков, общие воспоминания, коллективные гордость и унижения, радость и сожаления, связанные с тем, что случилось в прошлом [1]. Так, ослабление исторической памяти о Великой Отечественной войне в последние десятилетия не может не вызвать настороженности. Ведется широкая и планомерная программа по

разрушению образа Великой Отечественной войны, фальсификации событий, принижении роли СССР в борьбе с фашизмом. Этого нельзя допустить, так как Великая Отечественная война и память о ней является позитивной опорной точкой национального самосознания нынешнего российского общества.

Опрос курсантов на занятиях по темам, посвященным Великой Отечественной войне, показывает, что имена героев войны им, к сожалению, не известны. Каждый уголок нашей Родины имеет связь с событиями прошлых лет. Например, имя Ивана Даниловича Черняховского, было знакомо не одному поколению воронежцев. Гостей города, приезжающих на железнодорожный вокзал, «встречает» замечательный памятник этого талантливого полководца. Каждый житель нашего города должен знать непростую историю этого памятника и биографию талантливого полководца, с именем которого связано освобождение воронежской земли от фашистов. Иван Данилович Черняховский родился 29 июня 1906 года в украинском городе Умань Черкасской области в многодетной семье железнодорожного рабочего. Когда эпидемия сыпного тифа унесла обоих родителей, ему было двенадцать лет. В 1924 году губернский комитет комсомола отправил его в военную школу, после чего с армией И.Д.Черняховский уже никогда не расставался [2].

Путевку к славе ему выдал главный полководец Украины И.Э.Якир, вручив в 1930 году молодому комбату – ценный подарок, а профессиональные задатки полководца разглядел знаменитый воронежский танкист, участник пяти войн генерал С.М.Кривошеин.

Войну И.Д.Черняховский встретил командиром 28 танковой дивизии. Сражался в боях юго-западнее Шяуляя, на Западной Двине, защищал Новгород. За организацию обороны Новгорода награжден орденом Красного Знамени. До июня 1942 года командовал 241 стрелковой дивизией. В июне-июле 1942 года руководил вновь сформированным 18 танковым корпусом на Воронежском фронте. Несмотря на огромные трудности, 18 танковый корпус совместно с соединениями 40-й и 60-й армий остановили дальнейшее продвижение врага под Воронежем. По настоятельной просьбе возглавившего Воронежский фронт генерала Н.Ф.Ватутина, Черняховский был назначен командующим 60-й армией (до апреля 1944 года). Командарм провел ряд мероприятий по усилению обороны. Войска армии успешно действовали в Воронежско-Касторненской операции, в ходе которой сдавили с юга и востока кольцо вокруг противника и захватили в плен свыше 5000 солдат и офицеров противника. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 4 февраля 1943 года И.Д.Черняховский за освобождение Воронежа в третий раз был награжден орденом Красного Знамени. В феврале 1943 года армия Черняховского участвовала в освобождении Курска. 14 февраля 1943 года ему было присвоено звание генерал-лейтенант, а 5 марта 1944 года – звание генерал-полковник. Черняховский командовал 60-й армией до апреля 1944 года, после чего возглавил 3-й Белорусский фронт. Из всех командующих советскими фронтами он был самым молодым по возрасту. Фронт под его командованием успешно участвовал в Белорусской, Вильнюсской, Каунасской, Мемельской, Гумбиннен-Гольдапской и Восточно-Прусской операциях.

28 июня 1944 года ему присвоили звание генерал армии. Ему было 37 лет. 18 февраля 1945 года в районе польского города Мельзак И.Д. Черняховский был смертельно ранен осколком разорвавшегося снаряда и в тот же день скончался [3].

После войны И.Д. Черняховскому ставили памятники. И.Д. Черняховский был похоронен в освобожденном его войсками Вильнюсе, на его могиле был возведен памятник. Памятник генералу был открыт в 1950 году, его автором были скульптор Н.В. Томский и архитектор Л.Г. Голубовский. Памятник Черняховскому представлен скульптурой в полный рост, в распахнутой шинели и без головного убора. Бронзовая фигура была установлена на прямоугольном гранитном постаменте, украшенном барельефами, изображающими людей, с радостью встречающих советских солдат. На передней стороне постамента надпись по-литовски: «И.Д. Черняховскому от литовского народа». Во время подъема националистического движения в Литве в начале 90-х годов прошлого века памятник был демонтирован властями Вильнюса. Несмотря на противодействие местных властей, начальник городского управления культуры И. Чухнов при поддержке местного гарнизона добился спасения памятника от его уничтожения и перевез его в Воронеж, где он и обрел новую Родину. В Воронеже памятник простоял в деревянной упаковке два года, пока общественность Воронежа собирала деньги на новый постамент. Бронзовая фигура была установлена на новом бетонном постаменте, облицованном плитами из розового павловского гранита, работы воронежского архитектора С.А. Гилева. Открытие памятника состоялось 9 мая 1993 года. Поверженный памятник вернулся на воронежскую землю, придав архитектурную завершенность одной из лучших площадей города, а прах героя генерала был перезахоронен в Москве на Новодевичьем кладбище.

Похожая история повторилась уже в 2014 году. В городе Пененжно, в Польше, в начале 70-х годов прошлого века, был установлен памятник на том месте, где 18 февраля И.Д. Черняховский получил смертельное ранение. Он представляет собой высокую бетонную стелу с бронзовым барельефом Ивана Черняховского на вершине. Памятник был внесен в реестр польско-российского межправительственного соглашения по охране памятников от 1994 года. К сожалению, памятник неоднократно подвергался актам вандализма. 13 января 2014 года городские власти города Пененжно приняли решение снести его. Причина – отсутствие финансовых средств на его содержание. Решение городских властей о демонтаже памятника вызвало бурную реакцию в польских и российских средствах массовой информации. 18 февраля 2014 года в день гибели Ивана Даниловича Черняховского около памятника состоялся траурный митинг, в котором участвовало около 150 человек, прибывших из Калининградской области. В числе присутствующих на возложении цветов были поляки-ветераны, их дети, выступающие за сохранение памятника. 28 марта 2014 года власти Варминско-Мазурского воеводства не дали разрешение на демонтаж памятника.

Историческая память не умирает и историческая справедливость обязательно восторжествует. Мы должны чтить и помнить наших героев и нашу ис-

торию. Сегодня важно привлекать молодое поколение к работе военно-патриотических клубов по изучению событий Великой Отечественной войны, поисковых отрядов по розыску погибших, уход за памятниками героям войны, написание рефератов по проблематике войны и т.д. Все это является важным средством перевода знаний о войне в активную гражданскую позицию личности, формирует соответствующие идеалы и ценностные установки.

Список литературы

1. Тавокин Е.П., Табатадзе И.А. К вопросу об исторической памяти о Великой Отечественной войне // Социс, 2010. №5. С.62-66.
2. Карпов В. Генерал армии Черняховский. М.: Вече, 2014. 404 с.
3. Воронежцы: знаменитые биографии в истории края / редактор-составитель Ю.Л.Полевой. Воронеж: Кварта, 2007. С.462-465.

ТУРКМАНЧАЙСКИЙ ДОГОВОР 1828 г. И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ

Касимова Х.А.

магистрант 2 курса кафедры истории России с древнейших времен до конца XIX в., Дагестанский государственный университет, Россия, г. Махачкала

Статья посвящена значению Туркманчайского мирного договора. Россия преследовала на Востоке свои цели – контроль над Закавказьем, добившись окончательного присоединения земель отошедших от нее еще в 1732-1735 гг., она сняла все вопросы о дальнейшем владычестве в этом регионе.

Ключевые слова: Туркманчайский трактат, русско-иранская война, Россия, Персия, ханства, куруры, ратификация, договор, торговые отношения.

На протяжении всей своей истории Кавказ развивался не изолированно, а в тесной географической, политической и этнолингвистической связи с мировыми процессами. В этом плане следует отметить, что именно после Туркманчайского трактата 1828 года данный регион фактически стал частью Российской империи. Подписанию этого трактата предшествовала огромная работа.

Русско-иранская война 1826-1828 гг. завершилась победой России. 10 ноября 1827 г. началась первая конференция с иранской стороной. Иранскую сторону представляли: Аббас-мирза, каймакам Мирза-Абуль-Касем, Мирза-Мамед-Али и Мирза-Масуд. Русская делегация была представлена генералом Паскевичем, д. ст. советником Обрезковым, Влангали (от Коллегии иностранных дел), Аббас-Кули-агою Бакихановым, А.С. Грибоедовым – редактором протоколов конференций и его помощником – Амбургером и Киселевым [1, с.106].

Паскевич выдвинул следующие условия для подписания мирного договора: уступка Ереванского и Нахичеванского ханств, возвращение Талышского ханства, уплата контрибуции в размере 15 куруров туманов (по офици-

альному курсу 1 туман был эквивалентен 4 руб. серебром, а курур – 500 тыс. туманов, или 2 млн. руб. серебром). В ходе переговоров российская сторона пошла на уступки – сумма контрибуции была снижена до 10 куруров. В залог гарантии получения всей суммы контрибуции Иранский Азербайджан должен был остаться под управлением России [2, с.128].

Что касается позиции Николая I относительно присоединения иранского Азербайджана к России, то он был против этого.

На время переговоров объявлялось перемирие с 21 ноября по 10 декабря 1827 г.

Сам трактат был подписан в феврале 1828г. Ровно в 12 часов ночи с 9 на 10 февраля (22) 1828 г. в деревне Туркманчай, расположенной по дороге из Тебриза в Тегеран, был заключен Туркманчайский договор. Гюлистанский договор объявлялся недействительным, хотя многие его положения вошли в новый трактат, который состоял из 16 статей [3, с.581].

Согласно статье III «Его Величество шах Персидский от своего имени и от имени своих наследников и преемников уступает Российской империи в совершенную собственность Ханство Эриванское по сю и по ту сторону Аракса, Ханство Нахичеванское» [4, с.215].

Таким образом, к России отходили Ереванское и Нахичеванское ханства. По статье IV Туркманчайского договора, граница между Россией и Персией должна была проходить по реке Аракс. За понесенные Россией в войне убытки Персия обязывалась уплатить ей контрибуцию в размере 20 млн. руб. сер. (10 куруров туманов) (ст. VI). Статья VII гласила: «Как его величество Шах персидский признал за благо назначить своим преемником и наследником престола Августейшего сына своего принца Аббас-Мирзу, то Его Величество Император Всероссийский, дабы всенародно доказать Его Величеству Шаху персидскому Свое дружественное расположение и желание содействовать к утверждению сего наследственного порядка, обязуется признавать отныне в августейшем лице Его Высочества принца Аббас-мирзы преемника и наследника Персидской Короны, а по вступлении его на престол почитать его законным государем сей Державы». Договор также устанавливал свободу торгового судоходства по Каспийскому морю для русских и персидских судов, а также подтверждал исключительное право России содержать военный морской флот на Каспийском море. «Относительно же военных судов... кроме России, никакая другая Держава не может иметь на Каспийском море судов военных» (ст. VIII). Этот пункт, включенный как в Гюлистанский, так и в Туркманчайский договоры, был направлен не столько против самого Ирана, сколько против возможных попыток со стороны Англии или пользоваться с помощью Ирана Каспийское море для военной экспансии по отношению к России [5, с.140]. Стороны обменялись миссиями на уровне посланников или поверенных в делах (ст. IX).

Согласно ст. XIII [4, с.217] «все военнопленные обеих сторон ... должны быть освобождены и возвращены в течение четырех месяцев». По ст. XIV, «ни одна из Высоких договаривающихся сторон не будет требовать выдачи переметчиков и дезертиров, перешедших в подданство другой до нача-

тия последней войны или во время оной...». Согласно XV статье трактата шах обязывался даровать полное прощение всем тем, кто оказывал услуги русским войскам во время войны и не препятствовать переселению армян в русские пределы.

Помимо договора был подписан «Особый акт, заключенный в Турманчае 10 февраля 1828 г. (о торговле)», состоявший из 9 статей, он развивал основные положения ст. 10 Туркманчайского трактата: русским купцам разрешалось свободно торговать по всему Ирану, вести транзитную торговлю через Иран; аналогичные права признавались и за персидскими купцами в России (ст. I). Подтверждался установленный Гюлистанским трактатом 5 % -ный максимум таможенных пошлин, отменялись внутренние таможенные сборы (ст. III); русским подданным предоставлялось право арендовать и покупать дома и склады для товаров (ст. V), устанавливалась экстерриториальность русских подданных в Иране. Россия получила право консульской юрисдикции на территории Ирана (ст. VII, VIII) [4, с.218].

Туркманчайский договор подвел итоги второй русско-иранской войны 1826-1828 гг. Он принес России большие территориальные приобретения, имевшие огромное стратегическое и политическое значение. Туркманчайский договор укрепил влияние России на всем Среднем Востоке. Он нанес удар по позициям Англии в данном регионе. Этот договор, закреплявший зависимое положение Ирана, стоял в одном ряду с неравноправными договорами, заключенными Ираном с европейскими государствами.

21 марта 1828 года была издан манифест "Об окончании с Персией войны и о заключении между Россией и Персией мира". Здесь же была дана первая оценка Туркманчайскому трактату: «Выгоды сего мира измеряем Мы не иначе постановлением в сей стране твердых и безопасных границ. В сем единственном виде взираем Мы на пользу приобретенного Нами края». Россия ратифицировала договор в марте, Иран – в июле 1828 года.

Туркманчайский договор означал освобождение народов Закавказья от шахского Ирана и как результат явился основой для дальнейшего развития российско-иранских отношений. На базе данного договора успешно стали развиваться экономические связи между двумя государствами. Положив конец русско-иранским войнам, он расширил территориальные границы России, укрепил ее военно-стратегические и экономические позиции на Кавказе и на Ближнем Востоке [5, с.142]. Присоединение Закавказья к России покончило с грабительскими, опустошительными набегами иранских и турецких захватчиков, привело к ликвидации феодальной раздробленности и прекращению ханских междоусобиц, к установлению более тесных экономических связей с Россией. Это ускорило процесс разложения феодально-патриархальных отношений и способствовало развитию буржуазных. Присоединение к России открыло для грузинского, армянского и азербайджанского народов более широкую возможность общаться с передовой революционно-демократической русской культурой.

Однако необходимо отметить, что, присоединив Закавказье к России, царизм превратил его в свою колонию и проводил политику национально-

колониального угнетения его народов. Представители передовой, прогрессивной России всегда с большим сочувствием относились к борьбе закавказских народов против гнета царизма и оказывали им помощь и содействие в этой борьбе.

Присоединение Грузии, Восточной Армении и Северного Азербайджана к России было серьезной победой России не только над отсталым феодальным Ираном, но и ударом по колониальным планам Англии, которая в то время стремилась подчинить себе Иран и Закавказье и с этой целью пыталась не допустить распространения русского влияния в этом районе.

Туркманчайским договором завершилось многолетнее военное и политическое противостояние трех империй (Российской, Османской и Иранской) за Кавказ, в результате чего государства региона, потеряв независимость, стали составной частью Российской империи.

Список литературы

1. Ениколопов И.К. Грибоедов и Восток. Ереван, 1954.
2. Игамбердыев М.А. Иран в международных отношениях первой трети XIX в. Самарканд, 1961.
3. Потто В.А. Кавказская война. Т. 3. М., 2006.
4. Юзефович Т. П. Договоры России с Востоком. Политические и торговые. СПб., 1869.
5. Иванов М.С. Очерк истории Ирана. М., 1952.

ЕВРОПЕЙСКИЕ РЕГИОНАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1930-х гг. И НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ПРОПАГАНДА

Крупская С.Ю.

ст. преподаватель кафедры международных отношений, канд. ист. наук,
Белгородский государственный национальный исследовательский
университет НИУ «БелГУ», Россия, г. Белгород

В статье рассматривается информационное сопровождение гитлеровской Германией европейских региональных конфликтов второй половины 1930-х гг. Проводится сравнительный анализ целей и механизмов пропагандистского воздействия на общественное мнение стран Западной и Центральной Европы со стороны немецких национал-социалистов на примере судетского кризиса (1938) и Гражданской войны в Испании (1936-1939).

Ключевые слова: региональные конфликты, национал-социалистическая пропаганда, Судетский кризис, гражданская война в Испании 1936-1939.

Проблемы региональных конфликтов и их информационное сопровождение играли и играют весьма важную роль в международных отношениях. На современном этапе развития человечества представляется важным изучение исторических примеров массированного пропагандистского воздействия на общество. Так, локальные конфликты в Европе второй половины 1930-х

гг., а именно, Гражданская война в Испании (1936-1939) и Чехословацкий кризис (1938-1939) породили масштабные информационно-пропагандистские кампании, которые накануне Второй Мировой войны не имели себе равных ни по динамике развития, ни по степени влияния на общественное сознание европейцев.

Рассматриваемые региональные конфликты в Западной и Центральной Европе 30-х гг. мы условно делим на две группы: «этнические очаги» (на примере Чехословакии) и «идеологические очаги» (Гражданская война в Испании).

Важнейшим идеологическим постулатом конфликтов этнического характера в Третьем Рейхе, являлась идея «*Volksgemeinschaft*» [«народное единство»], согласно которой, единство всех немцев определялось, в первую очередь, биологическим фактором, принадлежностью к «северогерманской» расе, соответственно, даже проживающие за пределами своего государства немцы представляли «единое германское народное сообщество» [6, с. 374-380]. Поскольку Гитлер считал Европу «понятием не географическим, а обусловленным расовыми факторами» [3, с.87], то и Чешскую республику он рассматривал как составляющую часть «первого рейха», следовательно, ее включение в состав «Третьего Рейха» считались вопросом времени: «Германия обретет завершенность лишь тогда, когда Европа станет Германией. Без власти над Европой мы зачахнем. Германия – это Европа» [9, с. 37].

Для привлечения к данной проблеме европейской общественности, Гитлер взывал к «сочувствию», утверждая, что этнические немцы, проживающие в Чехословакии, «лишены права национального самоопределения, не имеют права на всеобщую человеческую и политическую свободу и свободу мировоззрений..., а для мировой державы, обладающей чувством собственного достоинства, становится, в конце концов, невыносимым сознавать, что рядом с ней живут соотечественники, которым наносятся тягчайшие страдания только за то, что они выражают симпатию и преданность всему германскому народу» [1; л. 35].

Уже в марте 1938 г. гитлеровское руководство начало систематическую провокационную кампанию против Чехословакии на основе муссирования Судетской проблемы. Цель подобной пропаганды заключалась в искусственном обострении национальных отношений в Судетах, за счет создания видимости «угнетения» немцев и попытке разжечь их стремление к воссоединению с Третьим Рейхом. Интенсификации этого процесса способствовало создание в Судетской области по указанию фюрера партии Генлейна, члены которой инспирировали массовые беспорядки и активно подстрекали судетских немцев, проживавших в пограничных районах Чехословакии, к провокационным выступлениям. С весны в германской прессе появлялись обвинения в адрес чехословацкого правительства, якобы осуществлявшего притеснения судетских немцев, а корреспонденты давали рекомендации официальной Праге «исправить свои ошибки» и наконец-то позволить судетским немцам «самостоятельно решать свою судьбу», повторялась идея о необходимости объединения этнических немцев [10, 1938. 10, 27 Mai]. Публикова-

лись и более «вызывающие» материалы, например, о том, что «Чехословакия, должна прекратить свое существование, а судетские немцы, «насиленно присоединенные» к ней, решить свою судьбу на основе «самоопределения» [5, 1938. 18 Mai], критиковался курс чехословацкого правительства [4, 1938.1, 9, 18 Juli; 9, 30 Aug.].

Гражданская война в Испании (1936-1939 гг.) не вполне вписывалась в идейную внешнеполитическую программу Третьего Рейха. Целью участия Германии стало продление войны в Испании, для осложнения отношения Италии с западными державами, «ликвидация прокоммунистического очага в Испании», использование ее территории как военный полигон и др. [8, с.6-7].

Исходя из мотивов вступления в конфликт, нацистские газеты демонстрировали изобретательность в подходах, методах освещения событий. Основными тематическими направлениями была антисоветская и антикоминтерновская риторика [7, 1936. 21 Nov.]. Важным направлением нацистской пропаганды также стало объяснение причин и одновременное оправдание немецкой помощи испанским мятежникам. Другими существенными векторами германской пропагандистской машины было утрирование потенциальных международных последствий испанских событий: усиление франко-советского блока, большевизация Испании и Средиземноморья, ухудшение англо-итальянских отношений и др. Формы подачи материалов постепенно приобретали более агрессивный характер. Распространенными методами и приемами подачи материала были: замалчивание информации (например, об итальянской, и собственно, германской помощи Франко); повторение клише и лозунгов («Германия – единственное противоядие «красной угрозе»), искажение информации о сроках начала, формах и размерах советской помощи Мадриду и т.д. Все это работало на формирование образа врага – Народного фронта, большевизма, антифашизма.

Таким образом, нацистский пропагандистский аппарат, в первую очередь, была направлен на правящие круги западноевропейских стран и мирового сообщества в целом, и лишь во вторую очередь – на массы (население) и делал ставку не на информирование, а на возбуждение эмоциональных чувств негативного плана у населения [2, с. 246].

Итак, информационная база нацистской пропаганды в региональных конфликтах 1930-х гг. чаще всего реализовывалась через использование тактики контрастов: свои – чужие, друзья – враги, чистосердечные нацисты – трусливые социалисты и др., организацию идеологических диверсий, распространение мировоззренческих мифов и конкретно-событийных измышлений, подтасовок, фальсификаций, запугиваний, обещаний, лжи, демагогии, провокаций и т.д. Такая манипуляция общественным мнением с целью обеспечения реализации немецких экспансионистских планов через создание ложных образов, призывы к освобождению «природных немцев» и всеобщей борьбе с коммунизмом оказалась достаточно результативной.

Список литературы

1. Архив Внешней Политики РФ. Ф.56. Оп.23. П.51. Д. 6.

2. *Вашик К.* Метаморфозы зла: образы врага в плакатной пропаганде в России и Германии в 1930-1950-х годах // Россия и Германия в XX веке. В 3-х т. Т.1., М.:АИРО-XXI, 2010. С. – 238-275.
3. Выдержки из стенографической записи высказываний Гитлера о завоевательных планах Германии. 8-9.9. 1941 г. Документ № 13// *Дашичев В.И.* Стратегия Гитлера – путь к катастрофе, 1933-1945: ист.очерки, док. и материалы: в 4 т. Т. 1., М.: Наука. – 524 с.
4. Der Angriff.
5. Deutsche Allgemeine Zeitung.
6. Die Tödliche Utopie/ Bilder, Texte, Dokumente, Daten zum Dritten Reich / Hrsg. von H. Möller, V. Dahm und H. Mehringer unter Mitarbeit A.A. Feiber. München, 2001. – S. 832.
7. National Zeitung.
8. *Малай В.В.* Проблемы Гражданской войны в Испании в геополитических реалиях Европы // Гражданская война 1936-1939 гг. и Европа (к 70-летию начала): материалы межвуз. науч. семинара. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2007. – С.5-8.
9. *Раушин Г.* Говорит Гитлер. М.: «Миф», 1993. – 382 с.
10. Völkischer Beobachter.

СУДЬБЫ НАШИХ СООТЕЧЕСТВЕННИЦ: ДЖЕННЕТ ДАЛГАТ – ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА-ГОРЯНКА В СИСТЕМЕ ЖЕНСКОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО МУЗЫКАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ДАГЕСТАНА

Мутиева О.С.

доцент кафедры гуманитарных дисциплин, канд. истор. наук, доцент,
Дагестанский государственный университет народного хозяйства,
Россия, г. Махачкала

Статья посвящена женщине-горянке Дженнет Далгат – уникальному явлению в системе женского профессионального образования XIX века. Рассматриваемый в данной работе материал, является свидетельством того, что на рубеже XIX-XX вв. дагестанские женщины вторгаясь в сферы профессионального образования, искусства, сферы – ранее закрытой для них.

Ключевые слова: Дагестан, женщина-горянка, светское образование, культурная жизнь, профессиональное образование.

Основной предпосылкой развития женского светского образования в Дагестане, безусловно, стало окончание Кавказской войны и интеграция края в состав Российской империи. Изначально, первые женские светские учебные заведения Дагестана были ориентированы исключительно на обучение детей военнослужащих и гражданской администрации. Привлечение в светскую школу девушек-горянок являлось серьезной проблемой. Потребовалось немало времени, чтобы произошли изменения в менталитете дагестанского общества, и появилась необходимость дать светское образование девочкам. Женское светское образование существенным образом повлияло на процесс интеграции женщин в общественную жизнь, открыв женщинам дорогу к

высшему профессиональному образованию. Женщина получила возможность освоить новые профессии, доказывая свое право на самостоятельность.

Ярким тому подтверждением является Дженнет Далгат – первая женщина-горянки, получившая высшее музыкальное образование за рубежом. Безусловно, учитывая тот факт, что до революции девушке-горянке было трудно получить образование не то что за границей, но и на Родине, пример Дженнет Далгат, является уникальным явлением в системе женского профессионального образования XIX века.

Большую роль в осуществлении мечты дочери стать пианисткой, сыграли ее родители – отец Магомед Далгат, депутат IV Государственной Думы от Дагестанской области и Закатальского округа, человек высокой европейской культуры и мать Нисаханум, дочь персидского консула в России. Магомед Далгат принимал активное участие в общественной жизни Терской области и Владикавказа. Так, в «Терском календаре» за 1900 год отмечено, что Магомед Далгат был: членом правления общества распространения образования и технических сведений среди горцев Терской области [4, с.45; 5, с.167]. В семье старались привить дочери не только хорошие манеры, но и дать хорошее образование, в том числе и музыкальное. С самого раннего детства Дженнет играла на рояле. Увлечение перешло в потребность. Брала уроки у известных музыкантов – темирханшуринок [2]. Дженнет Далгат, после школы решила по настоянию отца, окончившего в Германии Вюрцбургский университет, получить высшее музыкальное образование в Лейпцигской консерватории, которую она в 1909 году закончила с золотой медалью. Ее педагогами были талантливые музыканты, профессор Альфред Рейзенауэр и профессор Фриц Рейтер. Следует отметить, что композитор Фриц Рейтер является автором произведения «Дагестанская сюита» [3].

Мурад Кажлаев, указывая на этот факт пишет, что, будучи в Германии, он обнаружил в архиве рукопись Ф. Рейтера «Сюиты на дагестанские темы», что безусловно свидетельствует о воздействии Дженет на своего профессора [1]. После окончания Лейпцигской консерватории начались гастрольные поездки по городам Европы и России. Булач Гаджиев, в своей книге «Дочери Дагестана» упоминает со слов музыковеда Манашира Якубова, о высокой оценке, данной творчеству Д. Далгат в журнале «Артист», за 1914 г.: «Отметим еще раз игру выдающейся пианистки госпожи Д. М. Далгат – выдержанный до педантизма хрустальный звук..., невероятная музыкальная память... Исполненные ею две вещи Листа (этюды и 2-й концерт для фортепиано с оркестром) под силу лишь пылкому темпераменту и мужским меркам» [2].

После установления советской власти Дженнет Далгат работает в Дагестане педагогом, оказывает непосредственную помощь композитору Готфриду Гасанову в организации музыкального училища в Махачкале.

Но, видимо, не получая духовного удовлетворения от работы, она при удобном случае обращается к наркомому просвещения Дагестана Алибеку Тахо-Годи с просьбой помочь ей выехать за границу для продолжения учебы. Ее мечта сбывается, и с 1925 по 1927 гг. она получает композиторское обра-

зование в Лейпциге. Алибек Тахо-Годи в течение двух лет обеспечивает дагестанку стипендией [2].

Вернувшись на родину, она увлеченно занимается музыкой, написав произведения, в которых использовались дагестанские народные темы: «Прелюдии и фуги», «Рапсодии», «Три баллады», «Лезгинка (Рондо)» и другие. М. Якубов, давая оценку ее творчеству этого периода писал: «...в музыке баллад композитору не удалось добиться подлинно творческого усвоения дагестанской песенности» [2].

На наш взгляд, автора несправедливо обвиняли в том, что ее произведения лишь внешне были связаны с дагестанской народной музыкой, и что она с трудом преодолевала влияние немецкой школы.

По этому поводу, Б. И. Гаджиев справедливо отмечал, что «композитор с европейским образованием, воспитанная на западной классике, не нашла выхода своему таланту в новых условиях. Будущее представлялось мрачным. Хрупкая женщина испуганно глядела на окружающий мир. То, что происходило, она воспринимала как божье наказание. Не хватало свежего воздуха. Когда нужно молчать, хочется говорить, однако Д. Далгат чувствовала, что сам Бог велел ей молчать. Так поступила женщина, могущая обрести мировую славу [2].

К сожалению, ее жизненный и творческий путь хотя и был ярким, но недолгим. Известно, что она была сослана из Махачкалы в Минеральные Воды из-за репрессий 1937 года. Последние годы своей жизни Дженнет Далгат провела в Нальчике, где и умерла в 1938 году в возрасте 53 лет. К сожалению, долгие годы творчество талантливого музыканта было в забвении, и только в 1960 году, накануне Декады дагестанской литературы и искусства в Москве, прозвучали ее романсы, вокальные дуэты, камерные сочинения, восстановленные ее сыном Джамалом Далгатом.

Таким образом, рассматриваемый в данной работе материал, является свидетельством того, что на рубеже XIX-XX вв. женщины становились активными преобразовательницами жизни, вторгаясь в сферы профессионального образования, искусства, сферы – ранее закрытой для них. А жизнь и творчество Дженнет Далгат, талантливой дагестанской пианистки, педагога и композитора яркий этому пример.

Список литературы

1. Джаннет Далгат. Из интервью Мурада Кажлаева, данное им М.Дугричилову. URL: <http://dargo.ru/publ/31-1-0-232> (дата обращения: 16.01.2016)
2. Гаджиев Булач. Дочери Дагестана. URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/1035130/Gadzhiev_-_Docheri_Dagestana.html (дата обращения: 18.01.2016)
3. Рейтер (Reuter) Фриц. URL: <http://www.az-libr.ru/Persons/000/Src/0001/a8910107.shtml> (дата обращения: 18.01.2016)
4. Терский календарь на 1900 год». Тип. Терского областного правления. Вып. 9, Владикавказ, 1899 г.252с.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВЛАСТНЫХ СТРУКТУР ДАГЕСТАНА ПО ПРИВЛЕЧЕНИЮ ШКОЛЬНИКОВ К СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫМ РАБОТАМ В НАЧАЛЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (22 ИЮНЯ – 31 АВГУСТА 1941 ГОДА)

Муцалханов М.С.

доцент кафедры истории, канд. ист. наук, доцент,
Дагестанский государственный педагогический университет,
Россия, г. Махачкала

В статье рассматриваются вопросы деятельности органов государственной власти и педагогической общественности Дагестана по привлечению школьной молодежи республики в сельскохозяйственное производство в первые месяцы Великой Отечественной войны. Изучение проблемы показало, что в условиях военного времени процесс подготовки подрастающего поколения к труду и жизни тесно увязывался с патриотическим воспитанием учащейся молодежи.

Ключевые слова: общеобразовательная школа Дагестана, Великая Отечественная война, подготовка учащихся к труду и жизни, участие школьников в сельхозпроизводстве.

Великая Отечественная война, начавшаяся 22 июня 1941 г. с нападения фашистской Германии на Советский Союз и продолжавшаяся 1418 дней, стала величайшим испытанием для народов нашей страны.

Самыми тяжелыми в этой войне для нашей страны стали начальные месяцы. Вспомнить о героических днях борьбы советского народа с «коричневой чумой» первой половины XX века нас обязывает предстоящий в этом году 75-летний юбилей начала Великой Отечественной войны.

На борьбу с врагом встала вся страна. Весомый вклад в Великую Победу внесла школьная молодежь страны, в т. ч. Дагестана – одной из автономных республик.

Для начала отметим значение одного документа высшего представительного и законодательного органа государственной власти СССР в деле урегулирования вопроса вовлечения школьной молодежи страны к трудовым процессам. Речь идет о принятом 26 июня 1941 г. Указе Президиума Верховного Совета СССР «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время» [1]. Согласно данному нормативно-правовому документу, «разreshалось привлекать лиц, не достигших 16 лет, к обязательным сверхурочным работам продолжительностью не более 2 часов в день».

Начало Великой Отечественной войны почти совпало по времени с наступлением в общеобразовательных школах каникулярных месяцев. Несмотря на некоторую оторванность учащихся от школ, с первых дней войны молодежь Дагестана, как и всей страны, оказалась втянутой в работу по оказанию посильной помощи фронту через участие в различных трудовых мероприятиях. Стремление школьников Дагестана внести свой вклад в разгром врага стал главным побудительным мотивом в деле участия учащейся моло-

дежи совестно со старшими в трудовых свершениях страны в годы тяжелых испытаний.

Сведения об участии школьников Дагестана в трудовых делах республики стали публиковаться на страницах печати едва ли не с первых дней Великой Отечественной войны. Один из таких материалов республиканская газета «Дагестанская правда» опубликовала на второй день после начала войны. В нем говорится о том, что 23 июня 1941 г. «с утра в колхозах им. Сталина и Орджоникидзе с. Каякент вместе со взрослыми на работу вышли дети» и что они приняли активное участие в выполнении хозяйственных задач [2].

28 июня 1941 г. «Дагестанская правда» опубликовала по полученное по телефону сообщение, в котором говорится о том, что школьники из пионерского лагеря с. Карлан-юрт Хасавюртовского района вышли на поля местной сельхозартели и помогли колхозникам убирать урожай [3]. В течение 3 дней 80 юных патриотов принимали участие в уборке пшеницы. 26 июня они собрали и сдали колхозу колоски с площади 2,5 га.

Школьники Сергокалинского района в конце июня 1941 г. на полях колхоза им. Богатырева собрали колосья на площади 70 га, что дало колхозу дополнительно 2 тонны зерна [4]. Некоторые учащиеся при норме 20 кг собирали 28-30 кг колосьев.

Дополнительным стимулом в развитии движения трудового участия школьников и молодежи в трудовых делах страны стало обращение к ним со страниц «Учительской газеты» [5] и «Пионерской правды» [6] наркома просвещения РСФСР В.П. Потемкина с призывом идти на помощь взрослым.

19 июля 1941 г. Совнарком Дагестана принял постановление об использовании труда городских и сельских школьников в работах по уборке летне-осеннего урожая [7, л.204.]. Документом предусматривалось широкое участие в сельскохозяйственных работах учащихся школ городов республики.

25 июля республиканская газета «Дагестанская правда» сообщила своему читателю о том, что на полях хозяйств Хасавюртовского района 800 рабочих, служащих и учащихся школ города и сел с раннего утра и до позднего вечера работали на полях [8].

Руководящие органы Дагестана наладили достаточно четкий контроль за организацией и использованием труда школьников Дагестана в сельскохозяйственном производстве. Данный вопрос постоянно обсуждался на заседаниях высших структур государственной власти республики.

28 июля 1941 г. после обсуждения вопроса о работе оргбюро ДСО «Урожай», Президиум Дагрескома профсоюза работников начальной и средней школы (РНСШ) отметил, что «в дни Отечественной войны великого советского народа против фашистской Германии дагестанское учительство и все члены Союза РНСШ проводят большую работу», проводимую с привлечением и участием школьников: а) сбор колосьев; б) прополка яровых и огородных культур; в) сбор овощей и фруктов [9, л.20.].

В документе отмечен положительный опыт, накопленный в школах г. Хасавюрт и района по привлечению к работам на колхозных и совхозных полях учителей и школьников. По данным этого источника, в сельскохозяй-

ственном производстве здесь участвовали 78 городских учителей и 194 учащихся, а также 180 учителей и 3008 учащихся сельской местности.

О размахе участия школьников в сельскохозяйственном производстве дает представление содержание архивного документа из фондов Центрального госархива Республики Дагестан, озаглавленного как «К вопросу об участии учителей и учащихся старших классов школ ДАССР на сельскохозяйственных и других работах». Это справка, составленная Наркомпросом Дагестана 29 июля 1941 г. для представления Дагобком ВКП(б) [7, л.200-210].

Согласно данным этого источника, в 14 районах Дагестана на сельскохозяйственных работах колхозов республики в конце июля принимали участие около 15 тысяч учащихся и 763 учителя [7, л.204]. Кроме того, сельскохозяйственное были вовлечены 900 учащихся и 45 учителей 4 городов Дагестана.

Кроме активного участия в уборке и обмолоте урожая, сборе огородных культур абсолютное большинство учителей и учащихся школ республики проводили агитационно-массовую работу с колхозниками в поле и на току путем проведения читок, бесед и т. д.

Стремление учащихся городских школ принимать участие в сельскохозяйственных работах всячески поощрялось и поддерживалось руководством республики. Об этом свидетельствует материалы передовой статьи республиканской газеты «Дагестанская правда» – органа Дагестанского обкома ВКП(б) – из номера за 9 августа 1941 г., в которой написано о том, что «всяческого одобрения заслуживает инициатива комсомольских организаций по привлечению школьников к полевым работам» и приведен пример из опыта в данном вопросе Махачкалинского горкома ВЛКСМ, который послал в колхозы 1300 школьников [10]. По информации этого же источника, «2200 ребят Дербентского района помогали колхозникам снимать урожай».

Трудовое соучастие городской и сельской школьной молодежи в трудовых делах в период уборки урожая стало настолько весомо, что в некоторых равнинных регионах республики ставился вопрос о переносе начала учебного года на более поздний срок. С такой инициативой, в частности, выступил 31 августа 1941 г. Кумторкалинский райисполком, который обратился в Дагестанский обком ВКП(б) и Совнарком республики с просьбой «разрешить начало занятий перенести на 1 октября ввиду занятости большинства учащихся школ района на уборке урожая сельскохозяйственных работ» [11, л.78.].

Как показывает изложенный материал, школьная молодежь Дагестана с первых дней Великой Отечественной войны стала принимать активное участие в работе по снабжению фронта и тыла сельскохозяйственным продовольствием. Стремление учащейся молодежи республики занять свое достойное место в мероприятиях по выращиванию и уборке сельскохозяйственных культур, вызванное возросшим в условиях войны чувством патриотизма, не всегда, к сожалению, находило адекватное отражение со стороны организаторов трудовых процессов в хозяйствах. О некоторых таких моментах говорилось в процитированном выше постановлении СНК ДАССР от 19 июля 1941 г. Как указано в документе, в практике использования школьников в сельскохозяйственном производстве имели место факты неправильной ор-

ганизации их труда и ряд других проблем. В частности, некоторые из учащихся школы №6 г. Махачкала, направленные в сельский столичный и Кум-токалинский районы, были поставлены «на молотилки взамен взрослых колхозников, переброшенных на сбор огородных культур». Кроме того, часть учащихся школ № 1 и №6 вовсе были возвращены колхозами обратно, якобы за ненадобностью, а учащимся школы №5 долгое время не могли найти работу в колхозах и т. д.

Школьная молодежь Дагестана, как и все страны, внесла существенный трудовой вклад в Великую Победу, начав эту работу с первых дней войны.

Список литературы

1. О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1941 г. // Правда. 1941. 27 июня.
2. Старые и малые вышли на уборку хлеба // Дагестанская правда. 1941. 24 июня.
3. Пионеры и школьники помогают колхозникам убирать урожай // Дагестанская правда. 1941. 28 июня.
4. Дети собрали 2 тонны зерна // Дагестанская правда. 1941. 2 июля.
5. Потемкин В.П. Пионеры и школьники! // Учительская газета. 1941. 9 июля.
6. Потемкин В.П. Организованно и дружно идите на помощь взрослым! (Письмо пионерам и школьникам) // Пионерская правда. 1941. 12 июля.
7. ЦГА РД. Ф.1-п. Оп.1. Д.5051. – 248 л.
8. Организованно убрать урожай // Дагестанская правда. 1941. 25 июля.
9. ЦГА РД. Ф.60. Оп.10. Д.42. – 88 л.
10. Инициативу комсомола – на службу Отечественной войне (Передовая) // Дагестанская правда. 1941. 9 августа.
11. ЦГА РД. Ф.1-п. Оп.1. Д.5405. – 155 л.

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И «РУСИФИКАЦИИ»: К ВОПРОСУ О МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Сумарокова О.Л.

канд. ист. наук, докторант кафедры истории и культурологии,
Кыргызско-Российский Славянский университет им. Б.Н. Ельцина,
Киргизская Республика, г. Бишкек

В статье рассматриваются основные классификации «русификаций», представленные в российской и западной историографии, изучены существовавшие в дореволюционной России дефиниции «русскости». Автор приходит к выводу, что неизбирательный подход к употреблению понятия «русификация» в современной историографии и приведение к общему знаменателю всех проявлений и результатов не только языковой, но и национальной и религиозной политики, реализованной Российской империей в различных регионах, препятствует процессу воссоздания объективной исторической картины.

Ключевые слова: Российская империя, языковая политика, русификация, «русскость», инородцы.

Тема русификации в трудах отечественных и западных исследователей занимает сегодня одно из центральных мест. Став некогда элементом постсо-

ветских штампов об имперском шовинизме и лейтмотивом теорий национальной независимости, стремительно заполнявших вакуум, возникший с отказом от коммунистической идеологии, термин «русификация» оказался заложником теории русского национализма, отождествляясь при этом, как правило, с языковой политикой Российского государства, преследовавшей, в конечном счете, согласно современным справочным изданиям и исследованиям национальных историков, «языковую ассимиляцию», «подавление местной национальной культуры», «насильственное внедрение русского языка», «духовную экспансию» и пр. Наделенный оценочной коннотацией (при этом оценивается не содержание процесса русификации, не ее результат, а исключительно намерения властей), термин русификация, в свою очередь, не дает представления о том, какие действия на самом деле совершали власти, проводя одноименную политику, и какими мотивами они руководствовались.

Между тем, многоплановость геополитических, социально-политических, языковых и культурных реалий, складывавшихся в Российской империи в XIX в., обуславливала конституирование различных целей и стратегий языковой политики в отношении различных регионов страны. Поэтому к поиску ответа на вопрос, всегда ли русификация, как цель, являлась константной составляющей языковой политики, а также отличалась ли логика русификации, как политики, во всех своих проявлениях единообразием, современные историки должны подойти критически.

Попытки классифицировать «русификации» предпринимались в российской общественной мысли с середины XIX в. в русле общественно-политических баталий о целесообразности государственного курса на русификацию окраин. Два аспекта русификации, под которой подразумевалось установление государственного языка, рассматривал русский общественный деятель Л.А. Тихомиров. *Государственную русификацию* он считал обязательной и приоритетной по сравнению с *национальной*. «Государственное обрусение – право требовать верной службы и того, что для этой службы необходимо, – писал он, – как, например, знания официального государственного языка или каких-либо бытовых особенностей» [17, с. 547–549]. В свою очередь национальную русификацию он видел возможной в том случае, если нация не обладала национальным самосознанием.

О силе русификаторского давления на те или иные народы рассуждал швейцарский профессор, специалист по истории Восточной Европы А. Каппелер в связи с разработанной им системой концентрических кругов, представлявших собой культурную иерархию этносов Российской империи XIX в. Так, инородцы – представители иной расы – составляли *внешний круг*, считаясь неспособными к интеграции по причине своеобразия культуры и расы. К их числу относились мусульмане Туркестанского края, коренные народы Сибири, исповедовавшие анимистические верования, буддисты и евреи. *Второй круг* от края определялся противопоставлением христиане – нехристиане. *Третий круг* составляли неправославные христиане – григорианцы (армяне), католики (поляки), лютеране (финны и прибалтийские немцы). К следующим трем внутренним кругам относились православные этносы: *четвертый круг* составляли православные неславяне (грузины, румыны Бессарабии, христиа-

низированные анимисты Средней Волги, Урала, Крайнего Севера и Сибири), *пятый* – малороссы и белорусы, *шестой (центральный) круг* – великороссы.

Как заявлял Каппелер, система концентрических кругов была амбивалентна: чем дальше этническая группа была удалена от православного русского центра, тем большей была правовая и социально-политическая дискриминация ее членов, однако наименьшими были намерения власти их русифицировать [8, с. 141–144].

Одним из первых, кто предпринял попытку классифицировать русификации среди представителей зарубежной исторической науки, стал американский историк Э. Таден. В вышедшем в 1981 г. под его редакцией сборнике «Русификация в Балтийских областях и Финляндии: 1855–1914» он выделил три вида русификации на основе дифференцируемых им трех этапов русификации западных окраин Империи: «русификацию элит» (XVIII в.), «административную русификацию» (II половина XVIII в.), «насильственную культурную русификацию» (XIX – начало XX вв.) [20, с. 8–12].

В целом, русификаторская политика была оценена Таденом как вполне толерантная, позволявшая, к примеру, народам Царства Польского и Западного края сохранять свою национальную самобытность и развиваться в культурном и социально-экономическом отношениях. Не соглашаясь с западными коллегами, исследователь отмечал ее бессистемный, беспорядочный и непоследовательный характер, нетипичный для метрополии по отношению к своим колониям [21, с. 205–212].

Откликаясь на статью Э. Тадена А. Каппелер, подверг сомнению попытку понятием «русификация» комплексно охарактеризовать царскую национальную и языковую политику. Несмотря на признание факта поступательной административной, экономической, социальной и отчасти культурной интеграции нерусских этносов российским правительством, понятие «русификация», по мнению исследователя, должно все же быть ограничено культурно-языковой сферой и применяться по отношению к политике, приоритетной целью которой являлась языковая культурная ассимиляция нерусских этносов русским [8, с. 138].

Одним из возможных вариантов преодоления «растяжки» термина «русификация» историк А. Миллер считает употребление его только к тем действиям или стратегиям, которые предполагали *стремление сделать кого-то русским или стремление кого-то стать русским* [11, с. 61]. Однако, для этого важно определить способы дефиниции самой категории «русскости», существовавшие в российском обществе XIX – начала XX вв.

Приступая к выяснению этого вопроса, важно, прежде всего, отметить, что в Российской империи стандарт «русскости» отсутствовал. В попытках обозначить его границы одни отдавали предпочтение этносу, другие – православию, третьи – русскому языку. О неясности концепции русской нации писал А. Каппелер, представлявший 4 ее вариации, где русские: 1) все подданные Империи; 2) члены привилегированных сословий; 3) великороссы; 4) все восточные славяне в соответствии с традиционным значением понятия Русь [19, с. 21].

Советский и российский историк, доктор исторических наук Б.Н. Миронов справедливо указывал на то, что «установка “мы” – русские и “они” – нерусские – никогда не имела у русских, в особенности у крестьянства, столь абсолютного значения как у большинства европейских народов. Под словом “мы” русские признавали не только этнически чистых русских, но и соседей, если они подчинялись русскому царю» [12, с. 34].

Как было отмечено исследователем Р. Р. Вахитовым, русское просто-народье и вовсе не ощущало себя русской нацией в силу отсутствия до самого конца XIX в. полноценных условий для ее формирования (развития капиталистических отношений), идентифицируя себя по месту проживания, по принадлежности к сословию, по религии, по подданству царю [2].

Обратимся к первой всеобщей переписи населения в России 1897 г. и мы увидим, что в ее анкете отсутствовала графа «национальность» или «народность». Дифференцирующими признаками выступали «вероисповедание» и «родной язык» [3, с. 73].

Красноречиво картину сложившейся в Российской империи полиэтничности характеризует диалог, состоявшийся между французским путешественником А. де Кюстином с Николаем I на празднестве в Михайловском замке. «Всеобщая покорность заставляет вас думать, будто у нас царит единообразие – избавьтесь от этого заблуждения. – Говорил император. – Нет другой страны, где расы, нравы, верования и умы разнились бы так сильно, как в России. <...> Вот, извольте взглянуть, неподалеку от нас стоят двадцать офицеров; из них только двое первых русские, за ними трое из верных нам поляков, другие частью немцы; даже киргизские ханы, случается, доставляют ко мне сыновей, чтобы те воспитывались среди моих кадетов, вон один из них» [10, с. 99].

Интернациональным характером отличалась идеократическая политическая элита Российской империи. Причем этнические русские не занимали в ней ключевые посты. Согласно статистическим данным, в поздней Российской империи 38% из 550 генералов носили нерусские фамилии, причем почти половина из них происходила из Прибалтики, Польши и Кавказа [15].

Русская народность, как наиболее многочисленный «коренной народ» империи, вобравшая в процессе своего становления множество племен, «сплавленных» православием, общей исторической судьбой, русским государством, языком и культурой, выступала своего рода базисом, ядром, вокруг которого происходило народное сплочение. Межнациональная валентность, комплементарность, этническая и религиозная терпимость русского характера являлись залогом успешности этого процесса. По мнению экспертов, «в исторически формировавшейся как многонациональная Российской империи всегда отсутствовали традиции «зоологического национализма», «апартеида» или же поисков «чистоты крови», ибо в конечном счете во внимание принимался лишь один критерий – «служение интересам России...» [6, с. 196–197], предполагавший «верность престолу вне зависимости от языка и вероисповедания» [18, с. 203].

Подобная прерогатива не делала русских юридически господствовавшей нацией в Российской империи. Напротив, русский этнос оказывался в

империи чуть ли не самым угнетенным – рекрутируемым, облагаемым налогами и т.д. в отличие от инородцев, пользовавшихся рядом государственных льгот. «Наша политика по отношению к покоренным народам есть политика гражданского равенства. – Заявлял М.А. Терентьев. – Житель только что взятой Кульджи, только что занятых Ташкента, Самарканда и т.д. делается таким же русским гражданином, как, например, житель Москвы, да еще пожалуй с большими льготами» [16, с. 360].

В свою очередь, создание колониальной системы оказало глубокое воздействие на мышление европейских народов, выражавшееся в ощущении превосходства перед лицом неевропейских континентов, стран и народов. Известный английский дипломат и философ Кенелм Дигби так описывал предвзятость европейской идеи на примере Британской Индии: «Наше владычество в Индии мы начали с предвзятой мысли, что темная кожа должна заключать в себе невежественный и неумудренный опытом разум и испорченную душу, особенно последнее» [7, с. 159].

В России считалось, что западноевропейская идея противоречит идущей из православия всечеловечности русского мировоззрения. О бескорыстном служении России своим многочисленным народам рассуждал Ф.М. Достоевский, объясняя это потребностью «всеслужения человечеству, даже в ущерб иногда собственным и крупным ближайшим интересам», а также «быть прежде всего справедливыми и искать лишь истины» [5, с. 207]. Миссионер, этнограф, редактор газеты «Вестник оренбургского учебного округа» М.А. Миропиев презиравших остальные народности называл «душевыми дегенератами» [4, с. 10].

Принципиально отторгая иностранное слово «нация» и не проводя дифференциацию подданных по этому признаку, не выделяя среди многочисленных народностей доминирующие и второстепенные, не стремясь к ликвидации этнического разнообразия своих граждан, российские правители развивали концепцию «надэтничности», т.е. «согражданства», несмотря на зарождение в XIX в. в Российской империи националистического проекта, идеи которого развивались представителями российской интеллигенции – идеологами различных учений: западником В.Г. Белинским, лидером либерал-консерваторов П.Б. Струве, славянофилом И.С. Аксаковым и пр. Лишь при Александре III государственная политика отчасти стала обретать прорусский характер.

Таким образом, границы «русскости» выходили далеко за пределы этничности, культуры, языка и религии, создавая транскультурное пространство под названием «русский мир», причастность к которому обреталась не только генетически, но и, как было справедливо отмечено православным публицистом, доктором философских наук В. В. Аверьяновым, «по усыновлению, по осознанному выбору, присяге и договору, по взаимному признанию империи и подданных» [1]. Причастность к русской политической нации, этнически пестрой, сплоченной «державным патриотизмом» [9, с. 150], не исключала возможности сохранения субъектами собственной национальной идентичности.

В поисках идеологической «скрепы» для поддержания целостности многонациональной страны в Российской империи были концептуализированы две основные стратегии единения. *Система нравственного единения*, основанная на национальной индивидуальности и свободе самоуправления, могла быть практикуема в отношении народов, чья культура находилась на высоком уровне развития. По отношению к инородцам, находящимся или на низкой стадии развития, или в состоянии дикости, приемлемой считалась *система обрусения*. Теория о способах достижения данной цели наиболее комплексно была разработана в труде этнографа М.А. Миропиева «О положении русских инородцев». Представленные в нем 4 частные системы «единения», выбор которых должен был осуществляться государством, сообразуясь «с духом и характером каждого инородческого племени», в качестве основы предполагали: православие, русский язык, космополитизм и «строгое мухамеданство». Разъясняя суть каждой из них, Миропиев резюмировал, что из этих систем только первые две ведут к обрусению инородцев [13, с. 75].

Таким образом, отечественный язык – русский – с середины XIX в. стал позиционироваться как мощный инструмент формирования патриотических убеждений в российских гражданах, сближающий и роднящий каждого в стране с народом и отечеством [14, с. 10], а его распространение считаться сутью русификации. При этом каждый из проектов, направленных на распространение и позиционирование русского языка, имел свои уникальные особенности, методология изучения которых находится на сегодняшний день в стадии разработки. Основной задачей на сегодняшний день при исследовании феномена языковой политики, реализованной Российской империей в различных регионах, и выяснении вопроса, обладала ли языковая политика русификаторской направленностью, а если обладала, то какими уникальными проявлениями она отличалась, должно стать:

- 1) изучение целого комплекса взаимосвязанных контекстов, в рамках которого осуществлялось взаимодействие и взаимовлияние всех акторов языковой политики;
- 2) анализ обусловленной данными контекстами интенции властей и логики поведения объектов языковой политики;
- 3) выявление «третьих лиц» социального взаимодействия и выяснение мотивов их поведения.

Список литературы

1. Аверьянов В. Пределы русскости [Электронный ресурс] // Русская народная линия. Информационно-аналитическая служба. URL: http://ruskline.ru/monitoring_smi/2007/04/02/predely_russkosti/ (дата обращения: 15.03.2014).
2. Вахитов Р. Нация и империя в русской истории [Электронный ресурс] // Фонд Питирима Сорокина. Социальные науки сегодня и завтра. URL: <http://www.sorokinfond.ru/index.php?id=1268> (дата обращения: 18.10.2015).
3. Пландовский В. Народная перепись. СПб.: Тип. Штаба Отд. корпуса погран. стражи, 1898. 378 с.
4. Вестник Оренбургского учебного округа. 1915. № 1. С. 10.
5. Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: в 15 т. СПб.: Наука, 1994. Т. 13: Дневник писателя 1876 г. 424 с.

6. Дьяконова И.А. Имперская внешняя политика России // Отечественная история. 1995. № 2. С. 195–199.
7. Индия как главный фактор в средне-азиатском вопросе. Взгляд туземцев Индии на англичан и их управление. Доклад председателя средне-азиатского отдела общества востоковедения А.Е. Снесарева. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1906. 173 с.
8. Каппелер А. Мазепинцы, малороссы, хохлы: украинцы в этнической иерархии Российской империи / Пер. с нем. Н. Лопатиной // Россия – Украина: история взаимоотношений. М., 1997. С. 125–144.
9. Кара-Мурза С.Г., Куропаткина О.В. Нациестроительство в современной России. М.: Алгоритм: Научный эксперт, 2014. 408 с.
10. Кюстин А. де. Россия в 1839 году: в 2 т. / Пер. с фр. под ред. В. Мильчиной; коммент. В. Мильчиной и А. Осповата. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1996. Т. I. 528 с.
11. Миллер А. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 248 с.
12. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. СПб.: Изд. Дмитрий Буланин, 2000. Т. 1. 543 с.
13. Мировпиев М.А. О положении русских инородцев. СПб.: Синодальная Типография, 1901. 519 с.
14. О началах русского воспитания. Речь, произнесенная в торжественном собрании первой Московской гимназии 3-го октября 1854 года преподавателем русского языка и словесности Тертием Филипповым. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1890. 16 с.
15. Сергеев С. Нация в русской истории [Электронный ресурс] // Интелрос: Интеллектуальная газета. URL:
http://www.intelros.ru/intelros/reiting/reiting_09/material_sofiy/8626-naciya-v-russkoj-istorii.html#_ftnref1 (дата обращения: 18.10.2015).
16. Терентьев М.А. Россия и Англия в Средней Азии. СПб.: Тип. П.П. Меркулова, 1875. 354 с.
17. Тихомиров Л.А. Критика демократии / Вступ. статья и коммент. М.Б. Смолина. М.: Москва, 1997. 672 с.
18. Трепавлов В.В. «Белый царь»: образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. М.: Восточная литература РАН, 2007. 255 с.
19. Kappeler A. Bemerkungen zur Nationalbildung der Russen // Die Russen. Ihr Nationalbewusstsein in Geschichte und Gegenwart. Köln, 1990. S. 19–35.
20. Russification in the Baltic Provinces and Finland: 1855–1914 / Ed. By Edward C. Thaden. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1981. P. 8–12.
21. Thaden Edward C. Russification in Tsarist Russian // Modern Encyclopedia of Soviet and Russian History. Vol. 32. 1983. P. 205–212.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (НА МАТЕРИАЛАХ РСО-АЛАНИЯ)

Токаева А.Б.

доцент кафедры социального обеспечения и управления, к.ист.н., доцент,
ФГБОУВПО Северо-Осетинский государственный
университет им. К.Л. Хетагурова, Россия, г. Владикавказ

Статья посвящена анализу издававшейся в 1980-е г. научной и научно-популярной литературы, посвященной истории Великой Отечественной войны; рассматриваются основные направления изучения военно-исторической науки, определяются новые подходы

к истории участия РСО-Алания в Великой Отечественной войны. Представлена характеристика изданий.

Ключевые слова: историография, Великая Отечественная война, битва за Кавказ.

22 июня 1941 г. началась Великая Отечественная война. Более 110 тысяч сынов и дочерей Осетии были призваны в действующую армию. Вся жизнь двух осетинских автономий перестроилась на военный лад – заводы и фабрики осваивали производство необходимой фронту продукции, 35 тысяч человек участвовали в строительстве оборонительных сооружений.

Исследования по участию народов Северной Осетии в Великой Отечественной войне появились в 1942 -1945гг («Ко всем народом Северного Кавказа», «Мужественные сыны осетинского народа – Герои Советского Союза», «Оборона города Орджоникидзе-Владикавказа», «Говорит Северная Осетия», «За родной Кавказ» и т.д.) [1]. Издания этого периода в подавляющем большинстве носили очерковый, описательный характер. Авторы рассказывали о героизме на фронтах жителей Северной Осетии, о деятельности областных организаций по мобилизации людских и иных ресурсов. Эти работы – агитационно- пропагандистского содержания, с желанием авторов передать «горячее дыхание грозной военной эпопеи» [2].

Важную роль в восстановлении факторов и для последующего изучения избранной темы сыграла деятельность Комиссии по сбору, систематизации и изучению материалов, характеризующих участие трудящихся СО АССР в Великой Отечественной войне, созданной по решению бюро Северо-Осетинского обкома КПСС от 31 декабря 1941 г. [3]

Ход боевых действий на Кавказе в 1942-1943гг, подвиги советских воинов «по горячим следам» были опубликованы в статьях военных корреспондентов и участников битвы за Кавказ в центральной, фронтовой печати («За родной Кавказ»). Тогда же были сделаны попытки проанализировать опыт военных действий на Кавказе. Большинство историков относят эти статьи к популяризаторской, мало научной литературе. Историографическая ценность их состоит, прежде всего, в том, что фактически они открывали определенные тематические направления, впоследствии продолженные историками.

В 1945-1955гг. характерны значительное увеличение количества аналитических публикаций. По данным Института научной информации по общественным наукам АН СССР с 1945 по 1967 было опубликовано более 170 работ по истории событий 1942-1943гг [4]. Эти исследования, как правило, были посвящены военной мобилизации, военным успехам Красной армии, подвигам народного ополчения, экономическим достижениям, действиям подпольщиков и партизан, ликвидации во всех сферах последствий военных действий и вражеской оккупации.

Периодические издания центральных и местных газет с 1941 по 1945 гг.: «Орджоникидзевская правда» (1942 г), «Социалистическая Осетия», «Правда» (1941-1945 гг.), «Известия» (1941-1945 гг.), «Молот» (1941,1943,

1945 гг.) публиковали сообщения Совинформбюро и ТАСС, делали перепечатки принципиально важных материалов из центральных изданий, вели непрерывную летопись ратных и трудовых дел [5]. Пресса в годы Великой Отечественной войны сыграла особую роль, так как в ней печаталась информация о боевых действиях. Иногда эта информация носит контрпропагандистский характер, содержит завышенные данные о потерях противника, об освобождении населенных пунктов и т.д.

Они представили для исследователей иную группу источников (правда, необходимо учитывать, что эти данные носят скорее дополнительный характер и требуют тщательной проверки, критического подхода, сравнения информации с данными из других источников).

Таким образом, литература 1941-1950 гг. по истории Великой Отечественной войны в последние годы становилась предметом специального историографического обобщения и анализа.

Список литературы

1. Ко всем народам Северного Кавказа. Орджоникидзе: Госиздат СОАССР, 1942. – 40 с.
2. Токаева А.Б. Республики Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны: историография (на примере Северной Осетии и Кабардино-Балкарии) : дис.... канд. ист. наук. – Владикавказ. 2001. – С. 15-17.
3. Худалов, Т. Т. Вклад народов Северной Осетии в победу над фашистской Германией в 1941-45 гг. дис.... канд. ист. наук. – Владикавказ. 1997.
4. Токаева А.Б. Северная Осетия в годы Великой Отечественной войны. //Национально -государственное и федеральное строительство на Северном Кавказе. Владикавказ: Изд-во Алания.1999. – 120 с.
5. Янош С.В. Битва за Кавказ: проблемы войсковых операций. /авт. дис.. на соискание ученой степени доктора исторических наук / Ставропольский государственный университет. Ставрополь, 2006.

ЛЕТОПИСНЫЕ ШКОЛЫ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ РУСИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Щукина Т.В.

доцент кафедры документоведения и языковой коммуникации,
канд. ист. наук, Донской государственный технический университет,
Россия, г. Ростов-на-Дону

Тучемская П.О.

студентка кафедры документоведения и языковой коммуникации,
Донской государственный технический университет,
Россия, г. Ростов-на-Дону

Данная статья посвящена сравнительному анализу летописных школ северо-запада Руси. Обращено внимание на характерные особенности стилистической окраски информационных составляющих летописей Новгорода и Пскова. В статье сделана попытка выявления историко-социальных причин языковых стилей присущих Новгородской и Псковской летописным школам.

Ключевые слова: Новгородская и Псковская летописные школы, языковые стили, особенности.

Одним из немногих писанных источников древней Руси являлись летописи. На Руси летописание велось с XI века. Следует отметить, что многие монахи-летописцы переписывали старые летописи и составляли списки. Так, Псковские летописи имеют около четырех списков, а Новгородские, примерно три списка. Указанные географические объекты (Новгород, Псков) обладали своими летописными школами. Летописание во Пскове началось достаточно поздно, в XIII веке. Именно в это время здесь наблюдался экономический подъем. Как следствие, стремление к политической независимости от Новгорода, что во многом обусловило необходимость ведения собственного летописания.

Первое известие из псковских аналов, попавшее в общую с Новгородом летопись, датируется 1238 годом: «Псковичи избиша <побили> Литву на Камнѣ засадою, октября 25» [2]. Регулярно же записи стали вестись только с начала XIV века.

В Пскове в XV веке установился центр летописного дела на базе церкви Святой Троицы. В ней хранились в специальном ларе все важнейшие документы республики. Летописи в некотором смысле были официальными документами и могли иметь определенную юридическую силу. Так, в 1510 году, давая ответ посланнику великого князя Василия III, псковичи говорили, ссылаясь на материал летописи: «Тако в <у> нас написано в лѣтописцех <в летописях>, с прадеды его и з дѣды и со отцем его крестное целование с великими князьями положоно, что нам псковичам от государя своего великого князя ... и нам от него не ити не в Литву ни в Нѣмцы; а нам жити по старинѣ в добровольи» [2].

Основными темами псковских летописей являлись: неурожаи, эпидемии, пожары, наводнения, знамения, рост цен на хлеб, торговля, городское строительство, внутренние дела Пскова и пригородов, деятельность посадников, отношения с Новгородом, Москвой и другими городами. Особое место занимает описание военных походов и борьбы с немцами, что связано с пограничным положением Пскова.

Теперь обратимся к Новгородским летописям. Некоторые исследователи предполагают, что ранние новгородские летописи сохранили меньше материала, нежели более поздние (софийско-новгородские). Это особенно заметно при описании событий XI века, которые Новгородская Первая летопись передает, основываясь на тексте одной из редакций «Повести временных лет» (до 1115 года). Именно это обстоятельство породило распространенное мнение, что до XII века в Новгороде не было самостоятельного летописания [3].

В середине XII в. определяется стиль новгородского летописания в своде Германа Вояты (священник новгородской церкви Якова, живший в XII века). Круг интересов новгородского летописца XII века можно очертить в определенных границах: это внутренние события городской жизни, построй-

ки церквей, явления природы, дороговизна, пожары, известия о состоянии хлеба, о покосах сена, об унесенных разливом Волхова дровах и т. д.

Воятой был найден стиль новгородского летописания, типичный для XII в. и в значительной мере отраженный в летописных записях XIII—XIV вв., особенно в тех из погодных статей, которые касаются описания пожаров, голода, моровых поветрий [1]. Но уже в начале XIV века проступает, характерный для всех новгородских летописей стиль: лаконичный, скупой, в значительной мере зависящий от юридической деловой речи – скорее реестр событий, чем связный рассказ.

Итак, в ходе проведенного анализа была сделана попытка выявить ряд особенностей в стилистическом оформлении летописных текстов, относящихся к Новгородской и Псковской школам. Было отмечено, что Новгородским летописям присущ деловой, «сухой» язык повествования. В то же время в Псковских летописях мы встречаем большое количество бытовых, простонародных оборотов речи. Данные особенности языковой окраски летописных текстов связаны с основными видами деятельности северо-западных республик. Новгород – центр торговых и дипломатических отношений, а Псков – город профессиональных ремесленников, в котором насущным вопросом становилось обеспечение безопасности своих границ. В результате псковские летописцы уделяли больше внимания внешнеполитическим вопросам, а новгородские летописцы делали акцент на жизнеописание городского устройства в преломлении дипломатических и торговых взаимоотношений.

Список литературы

1. Лихачев Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение // Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. URL: <http://www.lihachev.ru/nauka/literatura/biblio/2093/> (дата обращения: 12.12.2015)
2. Насонов А.Н. Из истории псковского летописания // Исторические записки. 1946. Т. 18. URL: <http://megabook.ru/article> (дата обращения: 12.12.2015)
3. Шахматов А. А., Обзор русских летописных сводов XIV-XVI вв., М.-Л., 1938. URL: <http://rutracker.org/forum/viewtopic.php?t=1074534> (дата обращения: 12.12.2015)

НОРМАНСКАЯ ТЕОРИЯ И ЕЕ ОЦЕНКИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Яркина О.Э., Заец Д.В.

студенты, Институт социологии и регионоведения,
Южный федеральный университет, Россия, г. Ростов-на-Дону

Дана оценка норманской теории, а также определена ее роль в исторической литературе.

Ключевые слова: легенда, «признания варягов», путь «из варяг в греки», князья.

Сегодняшняя Россия занимается осмыслением путей своего развития. Многие люди занимаются самоузнаванием: кто мы? куда мы идем? И вопрос

о роли варягов в становлении государственности вновь стал актуален. Для русской же историографии этот вопрос всегда был камнем преткновения.

Сторонники «признания варягов» как факта – норманисты – делают акцент на несамостоятельность развития русской государственности. Антинорманисты всегда говорили, что «призвание варягов» – легенда, а нормандская теория не самостоятельна. Этой полемике более 200 лет.

Основоположниками норманнской теории во 2-ой четверти 18 в. стали русские учёные немецкого происхождения Г. З. Байер и Г. Ф. Миллер. Опираясь на летописное «сказание о призвании варягов», помещенное в повести временных лет 862 г., они разработали концепцию ведущей роли выходцев из Скандинавии в создании Древнерусского государства.

Это возмутило выдающегося русского ученого 18 века М.В. Ломоносова, который написал гневный ответ немцам, доказывая первоочередную роль славян в создании Древнерусского государства. Утверждения Ломоносова получили название антинорманской концепции и положили начало спорам, которые идут и сегодня [1, с. 17-26].

Позиция Гумилева более жесткая: «Существуют различные гипотезы о происхождении русов, которые на разных языках называются по-разному: росы, руги и т.п.». Гумилев склонен видеть в них племя древних германцев. По мнению Гумилева, варяг – это «профессия», т.е. наемный воин, он считает, что Рюрик захватил Новгород, дружинников посадил в Изборске, «...путем подчинения окрестных славян... он создал свою державу». В последствии киевляне «без всякого сопротивления подчинялись новым властителям».

Норманнскую версию принял Н. М. Карамзин и большинство русских историков.

Некоторые основания, на которых держится Скандинавская система:

- Первым и самым главным основанием теории норманнистов служит известие русской летописи о призвании князей из-за моря. Противники норманнской теории почти не трогали этого основания и расходились только в решении вопроса: откуда они пришли и к какому народу принадлежали? Никто из исследователей не обращал внимания на фактическую достоверность самого известия о призвании варягов и об иноземном происхождении княжеских династий. Есть ли малейшая вероятность, чтобы несколько племен разом договорились и призвали для господства над собой другой народ, т. е. добровольно наложили бы на себя чуждое иго? Таких примеров нет в истории, да они и немыслимы.

- Путь «из варяг в греки», описанный в летописи, не может подкрепить норманнскую теорию, потому что описание это относится не к IX, а к XI в. Константин Багрянородный, описывая тот же путь в X в., начинает его от Новгорода и о варягах нигде не упоминает.

- Норманисты много опирались на договоры Олега и Игоря для подтверждения своей системы, и некоторые из них отстаивали подлинность договоров. Действительно, нет серьезных поводов сомневаться в их подлинности; это почти единственные документальные источники,

занесенные на первые страницы летописи. Потому их содержание во многом противоречит тем легендарным рассказам, которыми они обставлены. При внимательном рассмотрении они могут служить одним из важнейших доказательств не истинности, а ложности норманнской теории.

- Византийцы нигде и никогда не смешивают руссов с варягами.

- Из массы арабских свидетельств о руссах норманисты отыскивали только одно выражение в свою пользу: «В 844 году язычники, именуемые Русью, разграбили Севилью». Но это явная ошибка, как уже давно доказано, и умеренные норманисты не стоят за такое странное свидетельство. Арабские писатели IX и X веков имели до того темные понятия о географии и этнографии северной Европы. Они причисляли ее жителей к известному им ближайшему народу русь, а Балтийское море считали рукавом, соединяющим Черное море с Западным океаном.

Летопись Нестора конечно не дошла до нас в оригинале, есть собственно летописный свод, который нарастал постепенно и подвергался разным редакциям. Переписчики же не всегда довольствовались буквальным воспроизведением оригинала по многим причинам: они сокращали или распространяли то или иное событие, предлагали свою долю авторства.

Помимо этого, история каждого народа начинается мифами. Откуда главным образом берутся эти сказания? Из простой, естественной потребности объяснить своё начало, начало народа и особенности своей государственной жизни, что логически осмыслить всегда достаточно сложно.

Вместе с небывалым народом варяго-руссов создан в нашей истории и небывалый норманнский период, и затем чуть ли не все основные явления нашей государственной жизни объявляются не своими, а чуждыми, привнесенными из-за моря [2, с. 66-87].

Тем не менее, и на сегодняшний день вопрос о происхождении русского государства так и не прояснен до конца. Время от времени полемика норманистов и антинорманистов возобновляется.

Список литературы

1. Абинякин Р. М., Алексеев С. В. Современная иллюстрированная энциклопедия. Российская история. – М., 2008. 199 с.
2. Иловайский Д. И. История России. Начало Руси. – М., 1996. 144 с.

СЕКЦИЯ «ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ»

ОТЛИЧИЯ КАТОЛИКОВ ОТ ПРОТЕСТАНТОВ

Заец Д.В.

студентка, Институт социологии и регионоведения,
Южный федеральный университет, Россия, г. Ростов-на-Дону

Исследование посвящено диагностике дифференциации католиков от протестантов.

Ключевые слова: культ Девы Марии, таинства, церковный раскол, религия.

Вследствие сложившихся исторических обстоятельств в 1054 году произошло разделение Вселенской Церкви на Западную и Восточную. Раскол христианской церкви, также Великий раскол и Великая схизма – церковный раскол, после которого окончательно произошло разделение Церкви на Римско-католическую церковь на Западе с центром в Риме и Православную – на Востоке с центром в Константинополе. В XVI-XVII веках от Католической церкви отделилась часть верующих, которые выразили свое несогласие с некоторыми догматами веры и нововведениями Папы. Таких христиан стали называть протестантами.

Католики признают организационное единство церкви, скрепленное безусловным авторитетом Папы Римского. У протестантов лютеранской и англиканской церкви сохраняется централизация, у баптистов преобладает федерализм. Их общины автономны и независимы друг от друга. Безусловный и единственный авторитет для протестантов – Иисус Христос.

Католические священники не вступают в брак. Протестантское духовенство не имеет в этом плане отличий от обычных граждан.

У католиков существуют монашеские ордена (одна из форм монашества). У протестантов такой способ организации духовной жизни отсутствует.

Духовенство у католиков составляют исключительно мужчины. Во многих протестантских течениях епископами и священниками становятся также и женщины [1, с. 21-54].

Принятие в церковь новых членов у католиков совершается через крещение. Возраст крещаемого не имеет значения. Протестанты крестятся только в сознательном возрасте.

Католиками признается равный авторитет Священного Писания и Священного Предания. Протестанты признают только Священное Писание. Толковать его в отдельных течениях может священство, но чаще – собрание верующих, а иногда сам индивид.

Католики проповедуют культ Девы Марии как Божией Матери и Заступницы рода человеческого. Протестанты отвергают догматы Католической Церкви о Богородице.

У католиков семь таинств: крещение, Евхаристия, миропомазание, покаяние, священство, брак, елеосвящение. Протестанты принимают только

два таинства – крещение и причащение. У квакеров и анабаптистов таинства вообще отсутствуют.

Католики верят, что после смерти над душой человека за содеянные при жизни грехи совершается частный суд, как преддверие Страшного Суда. Об умерших молятся. Протестанты отвергают учения о существовании души до Страшного Суда. О покойных не молятся.

Для причащения католики используют пресный бездрожжевой хлеб – опресноки. Для протестантов вид хлеба в этом случае не имеет значения.

Исповедь хотя бы раз в год в присутствии священника обязательна для католиков. Протестанты не признают посредников в общении с Богом.

Католики служат Мессе, как главное богослужение церкви. Особой формы богослужения у протестантов нет.

Католики почитают иконы, крест, живописные, а также скульптурные изображения святых и их мощи. Для католиков святые – заступники перед Богом. Протестанты не признают икон и креста (за очень редким исключением) и не почитают святых [2, с. 36-44].

Отличия католиков от протестантов заключаются в следующем: 1. В католичестве существует организационное единство верующих, скрепленное авторитетом Папы Римского. У протестантов не существует единства, и нет главы церкви. 2. Священнослужителями у католиков могут быть только мужчины, у протестантов в числе духовенства встречаются также и женщины. 3. Католики принимают крещение в любом возрасте, протестанты – только в зрелом. 4. Протестанты отрицают Священное Предание. 5. Католики признают культ Девы Марии. Богородица для протестантов – всего лишь совершенная женщина. Нет также культа святых. 6. У католиков семь таинств церкви, у протестантов – всего два, а в некоторых течениях – ни одного. 7. У католиков существует понятие о посмертных страданиях души. Протестанты верят только в Страшный Суд. 8. Католики причащаются на опресноках, для протестантов вид хлеба для причастия неважен. 9. Католики исповедуются в присутствии священника, протестанты – без посредника перед Богом. 10. У протестантов нет особой формы богослужения. 11. Протестанты не признают икон, креста и не почитают мощи святых, как это принято у католиков.

Несмотря на многие различия между католиками и протестантами, можно сказать, что и католики, и протестанты, (а еще православные) – все являются христианами, потому что имеют единую основу своей веры: Библию. И на основании Библии все христиане верят в Иисуса Христа, Который пострадал за наши грехи. Это самое главное в христианстве. И в этом все христиане едины. Ведь мы прекрасно понимаем, что Бог один у всех людей. И поэтому не имеет значения какие обряды или традиции мы соблюдаем. Самое важное – это отношение человека к Богу, его вера.

Список литературы

1. Миркина З. А., Померанц Г. С. Великие религии мира. – М.: 2012. 136 с.
2. Рашкова Р. И. Католицизм. – СПб.: 2007. 86 с.

ЭСТЕТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЦВЕТОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ИСКУССТВА

Исаев А.А.

профессор кафедры академического рисунка и живописи, канд. филос. наук,
Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова,
Россия, г. Магнитогорск

В статье анализируются различные направления воздействия цвета: чувственно-оптическое (воздействие цвета на человека); психологическое (выражение человеком посредством цвета своего внутреннего мира); символическое (ценностно-смысловая наполненность феномена цвета в культуре).

Ключевые слова: психофизиологическая реальность цвета, эстетическое учение о цвете, цветное воздействие, гармония цвета, символика цвета.

Проблемами влияния цветового излучения на психику и душевное-духовное состояние человека занимаются целый ряд научных направлений. Изучение цвета как атрибута мировой культуры, символика цвета, его субъективное восприятие и различное к нему отношение являются важными ключевыми темами, как в философии, психологии, так и в искусстве. Характеристику определённого цвета или взаимообусловленность нескольких цветов связывают со специфическими способностями или качествами цвета.

Исследователь цвета в искусстве И. Иттен справедливо утверждает, что «эффекты разнообразного воздействия цвета и возможность управлять ими, являются основой эстетического учения о цвете. При этом проблемы субъективного восприятия цвета оказываются особенно важными в художественном воспитании, искусствоведении...» [2, с. 15]. Психофизиологическая реальность цвета и есть именно то, что называется цветовым воздействием. Эстетические аспекты воздействия цвета, могут быть изучены по трем направлениям: чувственно-оптическому (воздействие цвета на человека); психологическому (выражение человеком посредством цвета своего внутреннего мира); символическому (ценностно-смысловая наполненность феномена цвета в культуре) [4, с. 74].

Рассмотрим данные аспекты более подробно.

1. Чувственно-оптическое воздействие заключается в том, что каждое вещество обладает специфической индивидуальной отражающей способностью, задерживает энергию неотраженной части излучения. От этого зависит его цвет, точнее сказать предметный цвет. Цвет сам по себе, в чистом виде в природе не встречается, он всегда предметен, благодаря чему мы ориентируемся в пространстве. В живописи мы имеем дело с видимым (обусловленным) цветом [5]. Его отличие от предметного (локального) заключается в том, что видимый цвет зависит от удаления предмета, от силы и цвета освещения и от окружающей среды. От этого он изменяется по светлоте, насыщенности и цвету. Установлено, что цветовые воздействия, чаще всего, обеспечиваются не одним определенным цветом, а цветовой гармонией несколь-

ких определенным образом сопоставленных цветов (цветовых масс). Гармония цвета – это не только близость характера цветов, а в первую очередь – равновесие и симметрия силы воздействия. Основной принцип гармонии исходит из обусловленного физиологией закона дополнительных цветов. В своём труде о цвете, Гёте писал, что «когда глаз созерцает цвет, он сразу приходит в активное состояние и по своей природе неизбежно и бессознательно тотчас же создаёт другой цвет, который в соединении с данным цветом заключает в себе весь цветовой круг. Каждый отдельный цвет благодаря специфике восприятия заставляет глаз стремиться к всеобщности. И затем, для того чтобы добиться этого, глаз, в целях самоудовлетворения, ищет рядом с каждым цветом какое-либо бесцветное пустое пространство, на которое он мог бы продуцировать недостающий цвет» [1, с. 58].

2. Психологическое воздействие цвета в жизни человека – это использование цветов как отображения, «визуализации», опредмечивания эмоций в сознании, в результате различного рода ассоциаций [4, с. 79]. Исследования учёных показали, что в процессе эволюции и адаптации к окружающей среде у человека выработался ряд условных рефлексов. Причём каждое восприятие – это сумма прошлого опыта, уровня мышления воспринимающего и эмоциональной окраски его чувств.

Цвет, цветовые ассоциации в зависимости от поставленной задачи могут оказывать как положительные, так и отрицательные эмоциональные воздействия на наше сознание. Научные исследования в этой области доказали (А.А. Исаев, Д.А. Теплых), что цвет запоминается на двух уровнях интеллекта: сознательном, в виде вербализации цветообозначения; подсознательном, в виде непосредственного стимула [4].

Хотелось бы отметить и субъективное отношение к определенному цвету (например, для большинства людей красно-оранжевый цвет – пожар, тревога, для других – уют, тепло). Приведенный пример из разряда полярности, но как в различные времена, так у различных сообществ людей сегодня ассоциация с каким-либо цветом и цветовым сочетанием бывает несколько различна. В современной литературе чаще всего «причесываются под одну гребенку» воздействие цвета на все человечество в целом, невзирая ни на какие условности. Цвет, различное к нему отношение и субъективное его восприятие является ключевой задачей для экспрессивного цветового воздействия для достижения эстетической значимости живописного произведения. Человеку важно не только видеть цвет окружающих его предметов и объектов, но и уметь показать его внутреннюю сущность, раскрыть его влияние на сознание человека.

3. Символический аспект воздействия цвета, «где наиболее полно раскрывается идея о существовании у цветов определенных значений и смыслов невозможно рассмотреть без знания культуры древних народов» [3, с. 14]. Цвет в те времена использовался только как символ обозначения принадлежности к различным социальным слоям или же, как символический знак для выражения мифологических или религиозных идей.

Использование цвета, как символа ярко прослеживается в православной иконописи, для воплощения идеи-переживания бытия, реальности духовного мира. (Феофан Грек, Андрей Рублев, Дионисий). Этот приём, когда цвет становится некоторым знаком, символом используется и сейчас в повседневной жизни (например, цвет дорожных знаков).

В искусстве наиболее глубокое и яркое проявление этого аспекта мы видим в творчестве художника М. А. Врубеля, в его стремление постичь мир не только эстетически, но и нравственно-философски. Символическая трактовка цвета и формы логически оправдана при определённом содержании произведения (фантастически преображенный мир, неожиданное сочетание, «вечные» сюжеты и образы, пришедшие не прямо из жизни, а из искусства). Многие современные художники используют цвет для живописной реализации своих «нереальных образов». Яркий тому пример – картина К. Малевича «Чёрный квадрат», где символ является указанием, что за чувственно воспринимаемой плоскостью холста есть нечто необъяснимое, чувственно не воспринимаемое.

Следовательно, цвет в символическом аспекте – является формой языка, с помощью которого художники выражают философские и религиозные обоснования своего творчества в определенный исторический период.

Список литературы

1. Гете И.В. Учение о цветах. Петербург: Гос. изд-во, 1920. 286 с.
2. Иттен И. Искусство цвета. М.: Изд. Д. Аронов, 2001. 96 с.
3. Исаев А.А. Феномен цвета в контексте бытия человека: опыт философского анализа: автореф. дис. ... канд. философ. наук. Магнитогорск, 2006. 22 с.
4. Исаев А.А., Теплых Д.А. Философия цвета: феномен цвета в мышлении и творчестве: монография. М., 2010. 178 с.
5. Рябинова С.В. Декоративность в живописи: методическое пособие. Магнитогорск, 2005. 27 с.

ОСНОВЫ КОМПОЗИЦИОННОГО ПОСТРОЕНИЯ ЖИТИЙНЫХ СЮЖЕТОВ ИКОНОПИСИ, МОНУМЕНТАЛЬНОЙ ЖИВОПИСИ И МИНИАТЮРЫ

Карманенко Т.А.

доцент кафедры рисунка и живописи, канд. искусствоведения, доцент,
Московский государственный университет печати им. Ивана Федорова,
Россия, г. Москва

В статье изложены общие приемы организации пространства миниатюры, фрески и иконы Древней Руси XV–XVI веков. На основе сопоставления отмечена близость иконографических канонов построения житийной иконы, житийной миниатюры и житийных сюжетов монументальной живописи.

Ключевые слова: миниатюра, житийная иллюстрация, икона, фреска.

На рубеже XIX–XX веков исследователи объединяли миниатюру иконопись в одно целое. Например, Щепкин В.Н. [4] утверждал, что стиль мини-

атюры был напрямую связан со стилем иконы. В научной литературе, посвященной стилистической связи житийной миниатюры с иконописью видна некоторая зависимость между миниатюрами лицевых рукописей, иконописью и монументальной живописью.

Буслаев Ф.И. [1] в своем труде приходит к выводу, что в истории иконописного предания особую важность имеют миниатюры, так как они представляют полный цикл иконописных изображений. Миниатюра, как указывает Буслаев Ф.И., обычно не отождествлялась с неподвижностью храмов, как фреска или мозаика. Благодаря этому она становится удобной формой для передачи различных иконописных сюжетов в лицевых рукописях. Именно миниатюры, считает автор, послужили развитию основного характера русской иконописи XVI века, состоящего в сокращении размеров самой иконы и в тщательной проработке ее деталей. При написании иконы, фрески или миниатюры должна была соблюдаться одна единая иконописная традиция. Так, все изображения, по мнению Отюгова А.А. [2], являются окнами из мира земного в мир божественный. Автор отмечал, что основные принципы иконописания, непосредственно связанные с миниатюрой, складывались в Византии уже с XI века. На Руси иконы писались с древних образцов, которые, завозились греческими мастерами. Сведения о святых и праздниках православной церкви иконописец мог брать из житий святых, прологов и различных церковных книг.

По словам Успенского Л.А. [3], художник при росписи храма на житийные темы мог, в некоторой степени, произвольно выбирать сюжеты из текста жития. Аналогичным образом работали и миниатюристы. Они дополняли, расширяли некоторые темы художественных произведений, связанных с литературными источниками.

Приступая к анализу композиций житийных икон, миниатюр и фресок, важно отметить, что их сближает в первую очередь общность иллюстрируемого текста. Известно, что агиография являлась основным видом письменности XVI века, и многие произведения были посвящены жизни святых – основателей русских монастырей XV-XVI веков.

Так, в монументальной живописи присутствовали житийные сцены, посвященные земной жизни и посмертным чудесам святых. Большое количество икон, посвященных житиям святых, называется житийными. Миниатюры же лицевых житий имеют много общего с подобными иконами. Единственным отличием являлся средник иконы, в котором помещалось изображение самого святого. Оно отделялось от клейм рамкой. Благодаря чему они начинали жить своей собственной жизнью. Композиции их стилистически едины. Повествование идет не прерываясь. В XVI веке приделы церквей все чаще стали украшаться житийными композициями. Архитектурные границы храма как бы становятся рамками изображения. Роспись стены становилась похожа на «ленту» клейм житийной иконы. Многосюжетность композиций сближает данные изображения с миниатюрой, так как на одном листе мы можем видеть множество сюжетов из жизни святого. Например, на миниатюре Лицевого Летописного свода XVI века «Труды Сергия» художник показы-

вает более десяти сцен хлебного производства в Троицкой обители. В житийной иконе «Преподобный Сергей Радонежский» XVI века имеется девятнадцать клейм, рассказывающих о житии святого. Данные произведения отличаются многосюжетностью, и одновременно они являются иллюстрациями жития Сергия Радонежского, так как художник стремился как можно больше рассказать о его жизни. В другой иконе «Кирилл Белозерский в клеймах житий» встречается два сюжета в одной композиции, что характеризует появление сложных изображений в одном клейме характерное для миниатюры.

Житийные циклы, выполненные в любой технике и на любой поверхности, образуют сложную многоплановую композицию. Данное положение подтверждается и анализом росписей храмов, выполненных еще в XV веке. Например, фрески новгородской церкви Сергия Радонежского являют собой подробный рассказ о житии святого Сергия Радонежского. Стены храма наполнены большим количеством сцен и по своей насыщенности напоминают житийную икону. Художник оставляет между отдельными сценами рамки из фона. Перед зрителем возникает длительный рассказ. Большое количество событий, представленных в росписях храмов, и житийных иконах аналогично множеству сцен, изображенных в житийной иллюстрации. Многосюжетность иконы, фрески и миниатюры является общей характеристикой композиций рассматриваемых живописных произведений. Различие находим только в том, что сцены икон и росписей изолированы друг от друга своеобразными рамками. Отдельные сцены многосюжетных миниатюр, напротив, создают единое изображение. Они размещаются ярусами вертикально один над другим. Прочтение изображений сложных композиций миниатюр, фресок и житийных икон может идти в любом направлении. Оно тянется от клейма к клейму или от одного самостоятельного изображения фрески к другому. Действие проходит по всей изобразительной плоскости. Так, при рассмотрении миниатюр лицевого Жития Сергия Радонежского, клейм житийной иконы святого или фресок новгородского храма мы видим подробный иллюстративный рассказ о житии Преподобного Сергия. Краткие композиции клейм и росписи повествуют о событиях, изложенных в житии. Они следуют одно за другим, создавая непрерывную повествовательную «ленту». Отдельные сцены миниатюры также собраны на одной изобразительной плоскости, представляя сложное повествование.

Таким образом, на основе сопоставления отмечена близость иконографических канонов в изображении монастырской архитектурной среды житийной миниатюры с иконописью и монументальной живописью.

Список литературы

1. Буслаев Ф.И. О русской иконе. М., 1997. 43-45, 102-107 с.
2. Отюгов А.А. Древнерусская живопись и ее символика. СПб., 1995. 37 с.
3. Успенский Л.А., Смысл и содержание иконы // В Кн.: Богословие иконы. М., 1996., С.119-162.
4. Щепкин В.Н. Два лицевых сборника Исторического музея // Археологические известия и заметки. М., 1897. № 4. С.97-128.

КОМПОЗИЦИОННО-СМЫСЛОВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ИЗОБРАЖЕНИЙ НАТЮРМОРТОВ В МИНИАТЮРАХ СРЕДНЕЙ АЗИИ XV ВЕКА

Кулаков В.В.

старший преподаватель кафедры рисунка и живописи, соискатель,
Московский государственный университет печати им. Ивана Федорова,
Россия, г. Москва

В статье рассматриваются принципы композиционного построения миниатюры Средней Азии XV века с изображениями натюрмортов. Изложены общие приемы расположения натюрмортов и их индивидуальные характеристики.

Ключевые слова: среднеазиатские миниатюры, натюрморт, среднеазиатские поэмы, композиция.

Рукописные книги Средней Азии XV века оформлялись с особой тщательностью и их можно по праву называть шедеврами книжного искусства, имеющими свои собственные законы развития. Миниатюры рукописных книг являлись неотъемлемой и важной частью их содержания. Искусствоведческий анализ художественного стиля отдельных изображений миниатюр имеет немалое значение для понимания стилевого развития искусства иллюстрации [2].

В XV веке произошло формирование основного художественного языка Среднеазиатской книжной иллюстрации. Главными центрами возникновения миниатюрной живописи становятся Бухара, Самарканд, Шахрухин (Ташкент) и некоторые другие города. Яркие черты школы книжной иллюстрации Средней Азии XV века представляют рукописные источники «Шах-наме» Фирдоуси и «Хамсе» Низам [1], [3].

Выбор основных сюжетов для иллюстраций поэм «Хамсе» Низами и «Шах-наме» Фирдоуси был сделан уже к началу XV века. В работе над иллюстрированием «Хамсе» принимало участие два художника. Художники строго придерживались традиционных композиционных схем, которые копировались и перерисовывались почти без изменения. Список содержит 38 миниатюр, выполненных в манере, характерной для гератской живописи первой половины XV века [4]. Миниатюры отличаются тщательной разработкой растительного орнамента, лаконичными пейзажами и архитектурным фоном. Натюрморты, стоящие на небольших столиках или на коврах, изображены в нижней части композиции на первом плане.

Миниатюры персидского списка «Шах-наме» («Книги о шахах») рассказывают об исторических событиях Ирана начиная с древних времён до середины VII века [1]. Рукопись неполная: в ней было 400 страниц. Сохранилось 369 страниц. В иллюстрациях «Шах-наме» присутствует высокий горизонт, фигуры людей свободно располагаются в различных плоскостях, не загромождая друг друга. Натюрморты изображаются на небольших столиках пря-

моугольной формы. Большое внимание уделяется орнаментально-архитектурному фону.

Миниатюры среднеазиатских поэм XV века имеют особую яркость и контраст. Лаконичное сочетание тонов и их ритмическое чередование способствует достижению большой эмоциональности образов миниатюр «Шах-наме» и «Хамсе».

Перейдём к более полному анализу изображений натюрмортов в миниатюрах поэм XV века «Хамсе» и «Шах-наме». Рассмотрим миниатюры поэмы «Хамсе» «Махан в заколдованном саду» и «Искандар и Нушаба во дворце». Действие происходит в интерьере. На первом плане композиции на полу изображён небольшой столик на котором размещены три предмета. На миниатюре «Махан в заколдованном саду» так же на первом плане представлен натюрморт из трёх кувшинов с высокими горлышками. Кувшины стоят на небольшом квадратном столике. Натюрморт находится на открытом пространстве, так как действие миниатюры проходило на фоне пейзажа с завышенной линией горизонта. Натюрморты рассматриваемых миниатюр поэмы «Хамсе» состоят из трёх предметов, присутствует чёткое деление на левую и правую симметричные части композиции. Кувшины изображены с небольшими заслонениями.

Следовательно, по своим конструктивным признакам натюрморты могут называться прямоугольными, симметричными. Натюрморт, представленный в иллюстрации «Махан в заколдованном саду» является пейзажным, а натюрморт, представленный на первом плане композиции «Искандар и Нушаба во дворце» можно называть интерьерным.

Рассмотрим миниатюру поэмы Фирдоуси «Шах-наме» «Фаридун с дочерью Джамшида». На первом плане композиции размещается натюрморт, состоящий из трёх предметов. В центре композиции изображён небольшой сосуд типа вазы с широким горлышком и слегка сужающийся к низу. Слева и справа показаны два кувшина с удлинёнными узкими горлышками, которые немного расширяются кверху. Кувшины могли быть сделаны из стекла или металла. В подобных сосудах на торжествах подавались напитки. Симметричный натюрморт изображён на небольшом столе прямоугольной формы. Предметы не заслоняют друг друга. Они расположены линейно по нижнему краю столешницы на фоне городского интерьера.

Таким образом, нами установлено, что в среднеазиатской рукописной миниатюре XV века изображение натюрмортов по композиционно-смысловыми принципам разделяются на прямоугольные – симметричные, а так же на «интерьерные» и «пейзажные».

Список литературы

1. Адамова А.Т., Гюзальян Л.Г. Миниатюры рукописи поэмы «Шах-наме». Л.: Искусство, 1985. 312 с.
2. Ашрафи М.М. К вопросу о развитии Среднеазиатской миниатюры XVI в. «Краткие сообщения Института народов Азии», XLIV. М., 1961. 158-160 с.
3. Казмев А.Ю. Миниатюры рукописи «Хамсе» Низами. 1539-1543 г. Баку. 1964.
4. Керимов К.Д. Миниатюры «Хамсе» Низами. Баку. 1983. 238 с.

МУЗЕЙ КАК ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПЛОЩАДКА

Сидорова М.С.

магистр 2 курса факультета искусств, социальных и гуманитарных наук,
Тульский государственный университет им. Л.Н. Толстого, Россия, г. Тула

В статье рассматривается музей как образовательная площадка для школьников. Расширение функций музеев позволяет предоставлять накопленную в них информацию не только научным кругам, но и школьникам, студентам, которые не относятся к музейной профессии. Музеи в качестве образовательных площадок позволяют воспитать личность, развитую интеллектуально, творчески и духовно, помогает расширению культурного кругозора молодежи.

Ключевые слова: музей, принцип наглядности, учебный процесс, квест, экскурсия.

Одним из действенных принципов в педагогике является – принцип наглядности. Учащимся легче воспринимать материал, который подкрепляется наглядными пособиями. В большинстве своем наглядные пособия предоставляются школой (учебники, карты, репродукции картин), но бывают случаи и изготовления таких пособий самими учителями.

Конечно, такие пособия незаменимы в учебном процессе, однако, их ни за что не сравнить с «реальными» пособиями – музеи, парки, реконструкции. Но для начала давайте разберемся по порядку, что такое учебный процесс, принцип наглядности и музеи.

Определений учебного процесса довольно много, но мы остановимся на некоторых из них. В Большой Советской энциклопедии под «учебным процессом» понимается – система организации учебно-воспитательной деятельности, в основе которой – органическое единство и взаимосвязь преподавания и учения; направлен на достижение целей обучения и воспитания. Определяется учебными планами, учебными программами, а также планами воспитательной работы соответствующих учебных заведений, включает все виды обязательных учебных занятий (Уроки, лекции, семинары, лабораторные занятия, учебную и производственную практику) и внеклассной (внеаудиторной) работы учащихся» [1, с. 156].

«Учебный процесс – целенаправленное взаимодействие преподавателя и учащихся, в ходе которого решаются задачи образования, развития и воспитания учащихся; организация обучения во взаимосвязи всех компонентов» [3, с. 157].

Принцип наглядности впервые был обоснован педагогом Я.А. Каменским. Он писал: «...ничего не существует в познании, что раньше не было бы в ощущении...поэтому и учение следовало бы начинать не со словесного толкования о вещах, а с предметного над ними наблюдения. Мы вообще должны стараться обучать всему при помощи личного наблюдения и чувственной наглядности» [2, с. 54]. Принцип наглядности Я.А. Каменский еще называл «золотым правилом» дидактики, опираясь на который учитель должен использовать в обучении все органы чувств ученика.

На использование принципа наглядности в совокупности с другими органами чувств обращал внимание и великий русский педагог К.Д. Ушинский, отмечая, что чем большее количество органов чувств принимает участие в восприятии информации, тем прочнее она закрепляется в нашей памяти.

Ну и конечно же определение музея. Музей – учреждение, занимающееся собиранием, изучением, хранением и экспонированием предметов памятников естественной истории, материальной и духовной культуры, а также просветительской и популяризаторской деятельностью [4, с. 509].

Изначально музею отводилась роль хранителя предметов науки и искусства, и основные музеи были частными, с течением времени коллекции из частных передавались на хранение в государственные учреждения, как правило в здания, которые так же имели историческую и архитектурную ценность. Начиная с XIX века в музеях вводится научно-исследовательская работа, подразумевающая под собой изучение и накопление документальных свидетельств, и источников знаний, их обработка и введение в научный оборот. Содержание научно-исследовательской работы музея зависит от его профиля (исторический, художественный, технический, краеведческий и т.д.). В XX веке в музеях открывается педагогическое направление, которое основывается на специальных проектах для детей разного возраста, а также для взрослых.

Теперь мы вплотную подошли к теме нашей статьи «Музей как образовательная площадка». Конечно же нельзя полностью заменить наглядный материал, предлагаемый учебниками и непосредственно школой, на походы в музей. Здесь имеется ряд препятствий: финансовые, организационные (затруднения с перевозкой детей), географические (наличие музеев за границей или в дальних областях). Но, не стоит совсем «ставить крест» на данном виде обучения. Музеи предоставляют огромнейшую базу для исследования, и необходимо наталкивать школьников на самостоятельное посещение разных музеев (посещение музеев во время отдыха).

Во многих музеях разработаны специальные программы для работы со школьниками разного возраста, заменяя обычную экскурсию на увлекательное путешествие по миру искусства. Многие музеи открывают школы юных экскурсоводов. Таким образом прежде чем провести экскурсию для своих одноклассников или детей из других школ, ребятам необходимо как следует подготовиться: юным экскурсоводам надо не только изучить литературу по темам, которые они будут освещать, но и обдумать как наиболее увлекательно преподнести изученный материал другим ученикам.

Так же в последнее время очень популярным в педагогической деятельности музеев стало такое направление как квест. Английское слово Quest означает «вызов, поиск, приключение». Квест это приключение, как правило, игровое, во время которого участнику или участникам нужно пройти череду препятствий для достижения какой-либо цели [5]. Эффективностью таких квестов является усвоение новых знаний учащимися через игру. Помимо приобретения новых знаний через игровой процесс школьники учатся работе в команде, живому общению между собой, что в современном мире стано-

вится очень редким явлением в связи с обилие технических нововведений (телефоны, планшеты, компьютеры).

Таким образом использование музеев в качестве образовательной площадки способствует лучшему усвоению школьниками материала в увлекательной форме. На своем опыте школьники осознают, что музеи – это не только «скопление» предметов прошлого, но и кропотливая работа по их изучению. А музейные экспонаты представляют собой наиболее яркий пример принципа наглядности, проявляя в себе «золотое правило» дидактики Я. А. Каменского.

Список литературы

1. Большая Советская Энциклопедия (3-е издание) / под ред. А.М. Прохоров. – М.: Советская энциклопедия, 1977. – 624 с.
2. Коменский Я.А. Великая дидактика. Избранные педагогические сочинения. / Я.А. Коменский. В 2-х т. – М., 1982, т. 1., с. 384.
3. Коджаспиров, А.Ю. Педагогический словарь/ Г. М. Коджаспирова, А. Ю. Коджаспиров. – М.: Академия, 2005. – 448 с.
4. Ожегов, С.И. Толковый словарь Ожегова/ С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.: Мир и Образование, Оникс, 2011. – 736 с.
5. Осмоловский К.Э. Сайт новых и хорошо забытых слов Что-это-такое.ru – новые слова, новые люди, новые события. – URL: www.что-это-такое.ru/ques (дата обращения: 11.02.2016).

РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРОТИВОСТОЯНИЯ: ИСЛАМ ПРОТИВ ХРИСТИАНСТВА

Яркина О.Э.

студентка, Институт социологии и регионоведения,
Южный федеральный университет, Россия, г. Ростов-на-Дону

Исследование посвящено рассмотрению противостояния ислама и христианства.

Ключевые слова: духовная жизнь, Северный Кавказ, этнический уровень, конфликт.

Проблема религиозных противостояний в современном мире является достаточно актуальной, поскольку данные противостояния затрагивают многие страны. Решение противостояний, основанных на религиозных противоречиях, является сложным и долговременным процессом.

Специфика религиозных противостояний заключается в том, что они затрагивают духовную жизнь людей, внутренний мир верующих, связанный с миром иным, божественным.

Практика последних лет показывает, что количество публикаций, телевидения и радиопередач на религиозную тематику возросло многократно. За веру всегда будут бороться жестче, чем за истину.

Все конфликты имеют начало и конец, но один, продолжающийся почти четырнадцать столетий, кажется, не прекратится никогда. Это историче-

ская борьба, в которую включается поколение за поколением. Это борьба между исламом и христианством за души всех живущих на земле. Это величайший (хотя и не всегда признаваемый) спор, затрагивающий величайшие проблемы, а именно – цель существования человечества и его окончательную судьбу.

Распространение ислама началось с Северного Кавказа. В 642 г. арабы-мусульмане, пройдя через территорию современного Азербайджана, вступили в пределы Северного Кавказа, на землю Дагестана [3, с. 18-24].

Противником монотеизма здесь были языческие верования. На Северном Кавказе ислам столкнулся не только с язычеством, но и с христианством, которое стало распространяться там (среди адыгов) еще в VI в. и благодаря усилиям византийского императора Юстиниана I заметно интенсифицировалось. Этому содействовала сильная в то время в военном отношении Грузия [1]. С XVI в. проводником христианства (православия) стала Россия. В регионе периодически возникали конфликты между двумя монотеистическими религиями, которые в конце концов завершились победой ислама. Христианству остались привержены лишь осетины (оно начало распространяться среди них с XII в.), впрочем, примерно 30% этого этноса являются последователями пророка Мухаммеда. Главной причиной успеха ислама стал внешний фактор. Привнесенный извне ислам изначально опирался на мощь внешних сил – арабов, персов, монголов или турок. Разумеется, нельзя игнорировать и такие способствовавшие его принятию причины, как простота обращения, освобождение новообращенных мусульман от налогов, которые накладывались арабами на завоеванное население.

В XV в. возникла следующая волна исламизации, связанная с установлением в западном Черноморье турецкого господства. Экспансия турок на Северном Кавказе шла под лозунгами ислама. В XVI в. уже значительная часть адыгов и аланов перешла в ислам. Среди аланов в ислам (пусть и в поверхностной форме) чаще всего переходили представители высших классов, в то время как в низах, среди крестьянства, преобладало христианство.

Размежевание по конфессиональной линии произошло и в Кабарде, общество которой также раскололось на мусульман и христиан, которые тяготели к России, начавшей к тому времени экспансию на Кавказе [2, с. 36-44].

Воины дагестанских вождей воевали под зелёным знаменем ислама, они вели священную войну газават. Как и ее противники, Россия также использовала в войне религиозные лозунги, вела среди своих солдат, среди проживавшего в предгорьях Кавказа русского населения антиисламскую пропаганду. Сегодня Шамиль в России дважды идеологизирован: во-первых, кавказскими, прежде всего чеченскими и дагестанскими повстанцами – как символ сопротивления России, во-вторых, конформистски настроенными кавказцами – но уже как символ возможности достижения согласия между Россией и Кавказом. Оба подхода имеют право на существование. Шамиль действительно воплощал борьбу против России. Но, будучи авторитетнейшим кавказским вождем, он осознал и бесперспективность борьбы против

нее. Во всяком случае, он не переоценивал ни собственных возможностей, ни поддержки со стороны мусульманского мира.

Ислам на Северном Кавказе неоднороден. Хотя его воздействие на общественно-политическую жизнь является общей чертой всех местных мусульманских этносов, различия между его восприятием на региональном и этническом уровне сохраняются.

В итоге начавшаяся несколько столетий назад исламизация Северного Кавказа полностью не завершена и поныне [4, с. 96-99].

Список литературы

1. Библия: Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета Канонические. – М.: Российское Библейское Общество, 1997.
2. Максимов Ю. М. Религия креста и религия полумесяца. – М., 2004. 87 с.
3. Миркина З. А., Померанц Г. С. Великие религии мира. – М., 2012. 136 с.
4. Тихомиров Л.А. Религиозно-философские основы истории. 3-е издание. – М.: 2000. 125 с.

Подписано в печать 12.03.2016. Гарнитура Times New Roman.

Формат 60×84/16. Усл. п. л. 8,60. Тираж 100 экз. Заказ 60

ООО «ЭПИЦЕНТР»

308010, г. Белгород, ул. Б.Хмельницкого, 135, офис 1

ИП Ткачева Е.П., 308000, г. Белгород, Народный бульвар, 70а